

ТЕЛЕСКОПЪ

I.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ВОЗРАСТАНІЕ И УПАДОКЪ
ГОЛЛАНДСКОЙ ТОРГОВЛИ.

(*Edinburgh Review*)

Исторія Голландіи разительнѣе, чѣмъ исторія всякой другой Европейской націи, представляе удивительныя слѣдствія, происходящія отъ промышленности и дѣятельности народной, и показывае върныя средства ихъ возбужденію. Голландцы, поставленные среди обстоятельствъ, непріязненныхъ пріобрѣтенію и умноженію богатствъ, упорными усиліями мало по малу преодолѣли всѣ препятствія и наконецъ сдѣлали свое опечество средопочіемъ Европейской торговли; основали въ немъ купеческій патриціатъ, шествовавшій наравнѣ съ феодальною аристократіею; и распространили, во всѣхъ сословіяхъ своихъ

ТЕЛЕСК. Ч. I.

41

согражданъ , вкусъ къ житейскимъ наслажденіямъ и средства къ ихъ достиженію. Никакой народъ не совершилъ поприща болѣе блистательнаго ; и нѣтъ лѣтописей , въ коихъ яснѣе и полнѣе можно бѣ было изучать , какимъ образомъ народы цвѣтутъ и возвышаются , и что можетъ колебать основанія ихъ благоденствія. Здѣсь предполагается бро-
 [redacted] только бѣ прѣй взглядъ на причины успѣховъ и упадка *Голландской* торговли — предметъ весьма занимательный какъ для политика, такъ и для эконома!—

Голландцы , заключенные посреди болотъ и песковъ , размываемыхъ буйными наводненіями рѣкъ и спираемыхъ свирѣпыми набѣгами океана , принуждены были , для предохраненія себя отъ періодически неизбѣжныхъ бѣдствій , окопаться берегами и искусственными площинами , и , въ рыбной ловлѣ и мореплаваніи , искать пропитанія , въ коемъ опіказывало имъ земледѣліе. *Duris urgens in rebus egestas* возбудила ихъ промышленность и одушевила мужествомъ и перпѣніемъ къ предпріятію и совершенію величайшихъ подвиговъ. Они должны были заимствовать у чужестранцевъ то , въ чемъ нуждались ; такимъ образомъ торговля сдѣлалась для нихъ естественною необходимостью. Юлій Цезарь представляетъ *Батавовъ* приморскими поселенцами , кои снискивали себѣ

пропитаніе рыбною ловлею. Изъ лѣтописцевъ среднихъ временъ, самыя спаринныя упоминающъ объ ихъ морскихъ походахъ и многочисленныхъ флотахъ. Въ 1241 основался Ганзейскій союзъ; многіе города *Голландскіе* были въ числѣ первыхъ его сочленовъ. Въ 1477 Филиппъ Бургундскій писалъ къ Папѣ, «что *Голландія и Зеландія* — острова богатые, обитаемые храбрыми жителями, которые никогда не были покоряемы сосѣдственными народами и производящъ торговлю по всѣмъ морямъ.» Способъ солишь сельди, открытый *Бейкельсомъ* въ срединѣ пятнадцатаго вѣка, можетъ быть, болѣе всего способствовалъ увеличенію морской силы и богатства *Голландцевъ*. Въ то время, когда запрещеніе ѣсть мясо, кромѣ двухъ дней каждой недѣли, въ продолженіе полушора мѣсяцевъ Рождественскаго Поста, было всеобщее, сей родъ пищи имѣлъ большее употребленіе и большую важность, чѣмъ нынѣ. И такъ открытіе *Бейкельса* принесло величайшую пользу не только соотечественникамъ его, но и всему Христіанству. Къ славѣ Императора Карла V прибавить надобно, что онъ въ 1536, находясь въ Біервліетѣ, посѣпилъ могилу *Бейкельса* и велѣлъ воздвигнуть ему великолѣпный памятникъ.

Голландцы долгое время обладали почти монополіей сельдяной ловли. *Іоаннъ де Виттъ* по-

лагаешь, что въ его время, по крайней мѣрѣ, пятая часть народа доставала себѣ пропитаніе симъ промысломъ. Изъ сочиненій его, равно какъ и другихъ писателей, извѣстно, что во время цвѣтущаго состоянія сельдяной ловли, 3,000 кораблей промышляло въ заливахъ и губахъ собственно *Голландскихъ* острововъ; что изъ числа оныхъ 800 кораблей, поднимающихъ отъ 60 до 150 бочекъ груза, употребляемы были для ловли прѣски въ моряхъ, омывающихъ *Шотландскіе* и *Оркадскіе* острова; и что кромѣ того 4,600 судовъ занимались сельдяною ловлею близъ береговъ Великобританіи, начиная отъ *Бючанесса* до устья *Темзы*. Статистики того времени—(ибо Статистика въ Голландіи получила свое начало)—полагаютъ, что число всѣхъ кораблей, употребляемыхъ для привозу соли, для рыбной ловли и перевозки соленыхъ сельдей въ назначенныя мѣста, простиралось до 6,400, и что 112,000 матросовъ отправлялось на сію ловлю. Если къ симъ 112,000 человѣкамъ прибавить еще ихъ, кои занимались строеніемъ и оснасткою судовъ, добываніемъ соли, приготовленіемъ неводовъ и другими промыслами, описанными къ рыбной ловлѣ, то получится 450,000 человѣкъ. *Де-Виттъ* говоритъ, что въ его время *Голландія* могла имѣть до 10,000 кораблей и 168,000 матросовъ, но

копорымъ — прибавляешъ онъ — опечеснво не могло доспавляшъ ни маперіаловъ, ни съеспныхъ припасовъ, ни поваровъ. Такимъ образомъ *Голландцы* одолжены богатспвомъ, силою и славою сельдяной ловль; и у нихъ еспъ народная пословица, копорая говоритъ, чпо Амстердамъ поспроенъ на сельдяныхъ коспяхъ.

Было бы излишне говорить здсь о причинахъ возмущенія и независимоспи *Соединенныхъ Провинцій*; довольно сказапъ, чпо правленіе сихъ обласпей, когда онъ начали пріобрѣнапъ важноспъ, было совершенно независимое. Графы, какъ въ *Голландіи*, такъ и во *Фландріи*, пользовались ограничепною власпю. Окруженные со всѣхъ споронъ сильными сосѣдями, въ безпреспанной войнѣ другъ съ другомъ, они принуждены были обращапъ къ подданнымъ для полученія помощи. Такимъ образомъ дворянспво, духовенспво и всѣ гражданскія сословія поспепенно пріобрѣли высшую власпъ. Главное управленіе перешло въ руки Государспвенныхъ Чиновъ, копорые могли собиращъ всегда, какъ полько находили по нужнымъ; и безъ коихъ не лзя было ни налагатъ подапей, ни начинапъ войны, ни заключапъ мира. Такимъ образомъ преимущеспва Графовъ болѣе сходспвовали съ преимущеспвами избираемыхъ градоправилпелей въ вольныхъ Державахъ, чѣмъ насльдспвенныхъ самодержцевъ.

Сей образъ правленія, обеспечивавшій безопасность и предоспавлявшій полную свободу промышленности и трудолюбію народа, безъ сомнѣнія способствовалъ обогащенію, разрабѣлкѣ и торговлѣ Фландріи, и облегчилъ для *Голландцевъ* преодолѣніе всѣхъ препятствій. Есть доказательства, что Фламандское правительствѣ слѣдовало свободной полицикѣ тогда, когда Англія находилась еще въ состояніи варварства, при Эдуардѣ I. Сей Государь, въ письмѣ къ Роберту, Графу Фландрскому, писалъ, что ему извѣстны свободныя сообщенія Фламандцевъ съ Шотландцами; и такъ какъ сіи послѣдніе приняли спорону Роберта Брюса, который возмущился пропивъ него и оплученъ былъ Папою опъ Церкви, то просилъ, чѣобы Графъ прервалъ сообщеніе съ Шотландцами и выгналъ ихъ изъ своихъ владѣній. Графъ отвѣчалъ Эдуарду письмомъ, исполненнымъ уваженія — къ ко- ему однако прибавилъ: »Мы не должны умолчать предъ Вашимъ Величествомъ, что Фландрія открыта для всего свѣта и всякой можетъ жить въ ней безопасно. Мы не можемъ лишиться сего права людей, управляющихъ торговлю, не повредивъ выгодамъ нашихъ подданныхъ. Если Шотландцы вѣзжающъ въ наши гавани, а въ ихъ Фламандцы, то это не служилъ доказательствомъ того, что мы

одобряемъ ихъ поспутки , но чшо мы покровительствуемъ торговль , полезной для Фландріи.»

Провинціи сіи, въ продолженіе многихъ вѣковъ , находились подъ конспитуціоннымъ правленіемъ собственныхъ Государей , до тѣхъ поръ , когда пресѣклась мужеская ихъ линія: тогда онѣ перешли подъ власть *Бургундскаго* дома. Не смотря на увеличившуюся власть новыхъ Государей, онѣ продолжали пользоваться древними своими правами , и управлялись по законамъ , кои были предлагаемы Депутатами. Подати и другія публичныя обязанности были увеличены ; но , при умноженіи богатства и торговли , бремя сіе не было тяжко.

Въ 1477 *Голландія* перешла подъ власть *Габсбургскаго* Дома, чрезъ бракъ единородной дочери Карла Безразсуднаго, послѣдняго *Бургундскаго* Герцога , съ Максимиліаномъ , которъ сдѣлался послѣ Германскимъ Императоромъ. Карль V, внукъ его , родившійся въ *Голландіи*, любилъ своихъ подданныхъ : онѣ оказывалъ имъ снисхожденіе, уважалъ ихъ права ; и хоша, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, простиравъ власть свою за предѣлы конспитуціи , правленіе его встрѣчало мало противниковъ. Но не таковъ былъ наслѣдникъ престола , сынъ его, Филиппъ II. Когда Реформація сдѣлала зна-

чипельные успѣхи въ *Голландіи*, сей Государь, повинувась мрачному ослѣпленію свирѣпаго усердія къ вѣрѣ, учредилъ тайныя судилища въ родѣ инквизиціи, гдѣ обвиненные въ ереси подвергались ужаснымъ пыткамъ. Многочисленное войско, соспавленное большею частію изъ Италіянцевъ и Испанцевъ, было расположено въ Провинціяхъ; и начальство надъ нимъ поручено Герцогу Альбѣ, копорый подозрительностію и жестокостію не уступалъ самому Филиппу. Намѣреніе Герцога Альбы было не только искоренишь слѣды новой Религіи, но и учредить такое же деспотическое правленіе въ *Голландіи*, какъ въ Каспидіи. Жестокости, упошребляемыя имъ для доспигенія сей цѣли, породили духъ упорства, копорый не могла побороть вся сила Испаніи. Испанцы поработили Фландрію; но *Голландіи* и *Сѣверныя Провинціи* опспояли свою независимость.

Никогда не было борьбы споль неравной. Испанская Монархія была въ то время неоспоримо сильнѣйшею Державою во всей Европѣ: средствъ ея доспашочно было на величайшія предпріятія; войска были храбры и многочисленны; и въ Альбѣ, Фарнезѣ, Спинолѣ, имѣла она полководцевъ, копорые во всѣ времена пріобрѣлибъ себѣ славу. *Голландцы* могли пропшвипоспавивъ сей ужасной силѣ сполько свою ненависть къ

пиранству, непреодолимое мужество, поспоянство, выгодное положение своего опечесства, неуспрашимость и твердость *Вильгельма, Принца Оранскаго*, и добродѣтели славнаго его сына. Должно замѣтить здѣсь, что нѣтъ ни одной фамилии, которая бы сдѣлала болѣе для счастія рода человѣческаго. Освободивъ Голландію отъ ужаснаго деспотизма Испаніи и избавивъ Англію отъ жестокостей Спюартовъ, она приобрѣла себѣ славу блистательнѣйшую и числѣйшую, чѣмъ самыя великія завоеватели міра.

По спеченію необыкновенныхъ и непредвидѣнныхъ обстоятельствъ, сія кровопролитная борьба съ Испаніею, вмѣсто того, чтобы повредить торговлѣ *Голландіи*, содѣйствовала разпространенію ея славы. *Брюгге* былъ въ свое время славнѣйшимъ торговымъ городомъ въ Нидерландахъ; онъ составлялъ тогда средоточіе морскихъ сношеній Сѣверной и Южной Европы. Но жестокіе поступки Императора Фридриха III, хотѣвшаго опмстить за обиду, нанесенную ему гражданами *Брюгге*—кои отправили ядомъ сына его Максимилиана, бывшаго въ супружествѣ съ Бургундскою наслѣдницею — мало по малу перевели въ *Амстерпенъ* средоточіе мореходной дѣятельности; и наконецъ сей городъ, по торговлѣ и богатству, сдѣлался первымъ въ Европѣ.

Гишарденъ, въ описаніи Нидерландъ, представляеть любопытный и подробный отчетъ о состояніи *Антверпена* въ 1560, когда онъ достигъ высочайшей степени славы, и о свойствахъ и пространствъ торговли, копорую купечество его производило съ различными странами земнаго шара. Отчетъ сей содержишь подробности, копорыя заслуживають быть здѣсь упомянуты.

Армюйденъ, на островѣ *Валхеренъ*, былъ пристанищемъ *Антверпенскихъ* судовъ. Весьма часто случалось, что въ одинъ день входило и выходило отсюда до 500 большихъ кораблей; 10,000 лодокъ безпрестанно употреблялось для перевозки нагружаемыхъ или выгружаемыхъ товаровъ; кромѣ множества повозокъ, употребляемыхъ для переезда путешественниковъ, и 500 каретъ, принадлежавшихъ знатнымъ особамъ. Описывая подробно промыслы, *Гишарденъ* счисляетъ до 92 купцовъ, торговавшихъ рыбою, и 78 мясниковъ. Тамъ было 124 мастера золотыхъ и серебряныхъ дѣлъ, копорыя вмѣстѣ занимали должности мѣняль и банкировъ; считалось до 13,509 домовъ и болѣе 100,000 жителей. Число кораблей, принадлежавшихъ гражданамъ, было весьма незначительно; по большой части употребляли они иностранныя суда. Многие изъ нихъ обладали бесчис-

ленными богатствами. *Фюггеръ* оспавиль по смерпи своей болѣе шеспи миллионовъ кронъ; самъ Карлъ V часпо занималъ у него деньги. Говорящъ , чпо когда сей Государь былъ на праздникъ у *Фюггера* , котораго онъ почпилъ именемъ друга , сей послѣдній , желая ознаменоватъ посѣщеніе высокаго госпя , сжегъ облигаци, данныя ему въ обезпеченіе займа Карломъ V. Удовольствіе , какое едва ли позволялъ себѣ *Баринги* и *Ротшильды*!..

По завоеваніи *Антверпена* Испанцами , въ 1505 , шорговля его упала. Хошя условія капишуляціи были довольно выгодны для гражданъ , но ненависпъ къ Испанцамъ заспавила ихъ перенеспи шорговлю и капишалы въ *Амстердамъ*, *Миддельбургъ* и другіе города, гдѣ они надѣялись найши безопасностъ и независимоспъ. Чшобы ослабипъ городъ , находившійся во власти непріятелей, *Голландцы* наспроили крѣпоспей для ошпанавливанія кораблей, идущихъ въ *Антверпенъ*; и наконецъ , дабы сдѣлать рѣку неспособною къ мореплаванію , попили въ ней корабли , нагруженные камнями. Такимъ образомъ шорговля сія совершенно перешла въ *Голландію*; и пакъ увеличила благосостояніе ея и силу , чпо имѣла рѣшипельное вліяніе на войну и ея послѣдствія.

Самую выгодную шорговлю *Антверпенъ* про-

изводилъ съ Португальцами, коихъ магазины завалены были произведеніями Индіи. Произведенія сіи болѣе всего разкупали *Голландскіе* негоціанты; они развозили ихъ для продажи въ Лондонъ, на берега Балтійскаго моря, и даже во внутреннія страны Германіи. Но Филиппъ, одѣлавшись обладашелемъ Португаліи, запретилъ новымъ своимъ подданнымъ всякое сообщеніе съ возмущившимися Нидерландцами. *Голландцы*, узнавъ выгоды, проистекавшія опть торговли Ост-Индскими товарами, и не могши болѣе получать ихъ изъ вѣпорыхъ рукъ, рѣшились ѣхать за ними въ самое мѣсто ихъ произведенія. Они искали пути въ Индостанъ чрезъ сѣверъ; но не получивъ желаемого успѣха, спарались обойти мысъ Доброй Надежды. Въ 1594, Голландецъ *Гутманъ*, собравъ въ Лиссабонѣ свидѣтельствующа на торговлю въ Индіи, снарядилъ первый флотъ *Соединенныхъ Провинцій*, показавшійся на Восточномъ Океанѣ. Относительно торговли, предпріятіе сіе не было счастливо; но оно предшествовало новымъ, имѣвшимъ успѣхъ лучшій. Португальцы, усиленные продолжительнымъ миромъ и ненавидимые туземцами за ихъ обманы, жадность и неперпимость, не дѣлали съ своей стороны никакого препятствія усиліямъ *Голландцевъ*. Въ то же время Англичане показались

на Вѣспочинѣмъ Океанѣ ; и сїи два народа сокрушили власть Португальцевъ въ Индіи скорѣе, чѣмъ она основалась и распространилась. Такимъ образомъ Филиппъ II , къ гореспи и спыду своему , долженъ былъ наконецъ увидѣшь , что важнѣйшія опрасли торговли обладаемаго имъ Полуострова перешли въ руки непримиримыхъ враговъ , коихъ онъ вооружилъ противъ себя люпыми преслѣдованіями и неумолимою жеспокоспію .

Въ 1602 основалась *Голландская* Осп-Индская Компанія , не смотря на вредное вліяніе коей , Осп-Индская торговля продолжала возрастать очень быстро . Корабли сей Компаніи , снаряжаемые сполько же для войны , сколько для торговли , бороздили сїи прекрасныя моря во всѣхъ направленіяхъ . Сначала Амбойна и Молукскіе оспрова были опняпы у Португальцевъ ; и съ сими оспровами *Голландцы* приобрѣли монополію пряныхъ кореневъ . Они завели факпоріи и поспроили крѣпости , начиная опъ Бассоры , при успѣ Тигра , до береговъ и оспрововъ Японіи ; заключили союзъ со многими правителями Индіи ; и на многихъ пунксахъ , въ особеннѣспи на оспровѣ Цейлонѣ и на Малабарскомъ и Коромандельскомъ берегахъ , сдѣлались полными обладателями . Городъ Башавіа , на богатѣмъ оспровѣ Явѣ , жего большая часпъ находи-

лась подъ властію *Голландцевъ*, былъ средопочіемъ порговли ихъ въ Индіи. Сей городъ былъ неблагопріятенъ для здоровья, но гавань имѣлъ превосходную; положеніе его доставляло ему владычество надъ всѣмъ Воспочнымъ Архипелагомъ. Въ 1650 они основали колонію на мысъ Доброй Надежды, копорый Португальцы оспавили безъ вниманія.

Сей народъ съ равнымъ успѣхомъ занимался всѣми опраслами порговли; но опправляемая имъ на Балпійскомъ морѣ была, можетъ быть, изъ всѣхъ выгоднѣйшая и обширнѣйшая. *Гишарденъ* говоритъ, что порговля *Соединенныхъ Провинцій* съ Польшею, Данією, Пруссією и другими сѣверными спранами, была споль значительна предъ оппорженіемъ ихъ, что два раза въ годъ пріѣзжало въ Амстердамъ до 300 кораблей, кромѣ приходившихъ изъ Данцига и Ливоніи. Торговля сія чрезвычайно увеличилась въ концѣ шеснадцатаго и въ началѣ семнадцатаго сполѣтія. Умноженіе народонаселенія на проспранствѣ споль спѣсномъ и споль обдѣленномъ природою, вынуждало *Голландцевъ* бытъ въ зависимости опъ чужеспранцевъ, опноспительно продовольствія. Земли, лежація при Балпійскомъ морѣ, снабжали ихъ почти всѣмъ: они получали опшпуда, кромѣ хлѣба, спроевой лѣсъ, желѣзо, пеньку, смолу и

многіе другіе матеріалы , упошребляемые для поспройки кораблей или жилищъ , и для работъ на фабрикахъ. Ничто сполько не приносипъ чести *Голландцамъ*, какъ правила , коимъ они поспоянно слѣдовали въ разсужденіи шорговли хлѣбомъ. Безпрестанное измѣненіе цѣны на хлѣбъ принудило ихъ положить большіе капиталы для производспвъ сего рода. Во время жашвы обильной, они закупали большое количество хлѣба , дабы извлечь вѣрныя выгоды изъ вздорожанія его во время скудной жашвы. Много бывало покушеній побудипъ Правипельспво къ запрещенію , во время дороговизны, вывозипъ хлѣбъ за границу ; но оно всегда опказывалось принимапъ въ помъ участвіе. Благодаря сей свободной полипикъ , *Голландія* , въ продолженіи многихъ лѣтъ , была важнѣйшимъ мѣспомъ складки хлѣба всей Европы. Голодъ, споль бѣдспвенный въ спранахъ чисто земледѣльческихъ, гдѣ шорговля хлѣбомъ подвержена ограниченіямъ, не сполько не былъ извѣспенъ въ Голландіи, но еще дѣлался испочникомъ богатспва для шамошнихъ негоціаншовъ.

«*Амстердамъ*» — говорипъ *Сиръ Вальтеръ Ралейъ* — » всегда имѣлъ въ наличности 700,000 кварперовъ хлѣба, изъ коихъ ни одно зерно не родилось въ *Голландіи* ; годичный неурожай хлѣба въ другихъ частяхъ Европы обогащаль

Голландію на семь лѣтъ. Однажды, въ печеніе полутора года только, неурожай принудилъ *Голландію* вывезти изъ Англіи хлѣба, чрезъ однѣ гавани Сюдгемптонскую, Бристольскую и Эксперскую, на сумму около 200,000 фунт. стерл. (5,000,000 франк.); а если сюда присовокупить Лондонъ и другія гавани, то привозъ изъ-за границы проспирался не менѣе, какъ на 2,000,000 фунт. стерл. (50,000,000 фр.). «—» Когда Европа спрдаетъ отъ голода «—» замѣчаютъ Авпоръ книги: *Богатство Голландіи*—» вы находите въ Амстердамѣ пшеницу, рожь и всякій хлѣбъ; тамъ въ нихъ никогда не бываетъ недоспашка. »

Амстердамскій Банкъ основанъ въ 1609. Главная цѣль сего заведенія состояла въ оповращеніи неудобства, происходившаго отъ обращенія всякаго рода монетъ, привозимыхъ въ сей торговый городъ изъ разныхъ странъ свѣта. Негоціанты, клавшіе въ банкъ деньги или слишки серебра и золота, получали въ его книгахъ кредитъ, соразмѣрный цѣнѣ ихъ залога. Это называлось банковыми деньгами. Всѣ значительные платежи производились переводомъ пребуемой суммы съ одного лица на другое. Сіе заведеніе процвѣтало до времени нашествія Французовъ, 1795.

Въ 1621 *Голландцы* составили Вест - Индскую Компанію. Въ продолженіе пятнадцати

лѣтъ, Общество сіе завоевало большую часть Бразиліи, вооружило 800 военныхъ и купеческихъ кораблей, израсходовавъ на то 99.000,000 флор. (213,840,000 франк.), и опиняло у Испанцевъ и Португальцевъ 545 кораблей, стоящихъ равной цѣны. Но успѣхъ военныхъ предпріятій Компаніи на морѣ былъ причиною ея паденія. Занимаясь ими, она не думала о совершенномъ покореніи Бразиліи и даже защищеніи земель уже завоеванныхъ. Въ 1640 Португальцы свергли иго Испаніи; и вскорѣ потомъ начали дѣлать пригововленія для возвращенія богатыхъ владѣній, коихъ лишились въ Южной Америкѣ. Князь Морицъ Нассау, Главнокомандующій Бразильскій отъ Голландскаго Правительсва, въ 1644 былъ опозванъ неблагоприятно и замѣненъ другими неспособными преемниками. Португальцы воспользовались симъ обстоятельствомъ; они напали на Голландцевъ, копорые, не получая помощи изъ мипрополіи, принуждены были въ 1654 совершенно оставить Бразилію. Это было причиною упадка Компаніи, копорая разрушилась въ 1674. Другая Компанія, копорой преимущества были ограниченныѣ, составила на ея развалинахъ.

Между 1654 и 1672, во время жесточайшихъ Французскихъ напсковъ, Голландская торговля находилась въ самомъ цвѣтущемъ состояніи. Ч. I.

спояніи. *Де Виттъ* полагаєть, что, въ продолженіе сего времени, она увеличилась болѣе, чѣмъ въ половину, пропивъ прежней. Онъ прибавляеть, что Испанія, во время войны съ *Голландіей*, потеряла большую часть своей морской силы; что, по заключеніи мира, *Голландцы* вступили въ пѣснѣйшія торговыя сношенія съ сею Державою, доступною дополь только для Англіи и городовъ Ганзейскихъ; что береговое плаваніе Испаніи производилось на *Голландскихъ* судахъ, также какъ и сношенія ея съ владѣніями въ Новомъ Свѣтѣ; и что вывозъ *Голландскихъ* товаровъ въ Испанію былъ споль значипеленъ, что всѣхъ товаровъ, приходившихъ изъ Испаніи и Америки, едва доспавало на выручку плашежа за нихъ.

Такимъ образомъ, *Голландцы*, въ сіе время, не упопреляя никакой монополіи, имѣли въ рукахъ своихъ самую важнѣйшую часть Европейской поргвли. Симъ одолжены они были многочисленности своихъ кораблей, смѣпливости во всемъ, что касается до мореплаванія, привычкѣ къ порядку и экономіи. Цѣна товаровъ, привозимыхъ ежегодно на *Голландскихъ* корабляхъ, превышала сумму 40,000,000 фунт. стерлинг. (1,000,000,000 франк.). Въ срединѣ шестнадцатаго столѣтія, Англія очень долго производила такимъ образомъ поргвлю съ Нидерландами.

Не менѣ замѣчательно и то , что народъ сей, опередившій, кажется, всѣ прочіе въ томъ, что касается до внутренняго устройсва Компаній , только въ началѣ шестнадцатаго столѣтія узналъ выгоды морскихъ страховыхъ обществъ. Узаконенія, изданныя въ 1551, 1563 и 1570, содержащъ въ себѣ благоразумныя правила для разрѣшенія всѣхъ споровъ, къ коимъ сии весьма полезныя, но вмѣстѣ и весьма щепотливыя, учрежденія могли подавать поводъ. Между тѣмъ довольно спраннымъ покажется, что *Голландцы*, при всей проницательности и желаніи поощрять промышленность , запретили у себя застрахованіе жизни. Англіи предоставлено было показывать выгоды , могущія происпекать опъ сего превосходнаго приложенія науки исчислять вѣроятности.

Съ другой стороны , раздѣленіе порговой промышленности въ *Голландіи* проспиралось далѣе, чѣмъ гдѣ либо. Не только негоціанты, но даже цѣлые города занимались исключительно одною опраслою порговли. *Миддельбургъ* , на примѣръ , опправлялъ порговлю виномъ ; *Флессингъ*—Оспъ - Индскую ; *Саардамъ* былъ наполненъ корабельными мастерами ; *Слуйсъ* сельдяными промышленниками. Каждая изъ сихъ опраслей порговли производилась съ дѣятельнымъ соревнованіемъ и мудрою экономіею , доспойными служилъ правиломъ и примѣромъ для всѣхъ народовъ.

Въ 690 *Сиръ Вилліамъ Петти*, опецъ Спациспики, полагалъ для всѣхъ Европейскихъ кораблей до 2,000,000 поннъ груза, слѣдующимъ образомъ: Англіи 500,000; Франціи 400,000; Гамбургу, Даніи, Швеціи и Данцигу 250,000; Испаніи, Португалліи и Италіи 250,000; а семи *Соединеннымъ Провинціямъ* 900,000, то есть, около половины груза всей Европы. Не лзя полагаться на вѣрность сихъ вычисленій; но если бы они были почтѣе, то еще лучше показали бы перевѣсъ *Голландіи* въ тогдашнее время. Въ самомъ дѣлѣ, кажется, что, въ семъ изчисленіи, *Сиръ Вилліамъ* слишкомъ увеличилъ морскую силу Англіи, такъ какъ и нѣкоторыхъ другихъ государствъ; ибо изъ официальныхъ отчетовъ, представленныхъ 1701 отъ таможенныхъ комиссаровъ начальникамъ различныхъ гаваней, видно, что всѣ купеческіе корабли содержали 264,222 понны и поднимали только 27,196 человекъ.

Отсюда можно заключить, что въ семнадцатомъ столѣтіи *Голландія* одна производила такую торговлю, какую всѣ прочія Европейскія Государства въ совокупности. И между тѣмъ страна, бывшая средоточіемъ сей торговли, не вывозила за границу ни одного собственнаго произведенія. Всѣмъ симъ благоденствіемъ обязана она была своей промышленности, экономіи и счастливому спеченію бла-

гопріятныхъ обстоятельствъ. »Голландцы« —
говоритъ *Сиръ Вилліамъ Темплъ*—»обогатились
не естественными произведеніями своей земли,
силою собственной промышленности: обра-
батывая произведенія чужихъ земель, пре-
вращая опеченство свое въ главный магазинъ
Европы, и запасая его всѣмъ, въ чемъ она имѣ-
ла нужду; корошко сказавъ, подрядивъ себя,
по освященному уже употребленіемъ выраже-
нію, въ обозники океана (*rouliers de l'Océan*).«

(окончаніе слѣдуетъ)

II.

СТАНСЫ РИМУ.

По лѣспвицѣ торжественной вѣковъ
Ты въ славу шель, о древній градъ свободы!
Ты пушь свершилъ при звонѣ тѣхъ оковъ,
Которыми опутывалъ народы.
Все въ слѣдъ тебѣ, покорное, стекло,
И пучами пы скрытъ во мглу зеирной
Перунами сверкавшее чело,
Въичанное короною всемірной.

Но ринулись посланницы снѣговъ,
Кипяція мятели поколѣній, —
И палъ гигантъ, по лѣспвицѣ жъ вѣковъ,
Біясь объ ихъ опзывныя спупени;

Разсыпалась, слепѣвъ съ главы швоей,
На мѣлкіе вѣнцы корона власпи :

.
.

Но путь поржесствъ еще не испребленъ ,
Проложенный гигантскими спюпами ,
И Колизей, и мрачный Пантеонъ ,
И храмъ Петра спюяшъ передъ вѣками.
Въ даръ вѣчности обрекъ швой пруды
Съ тобой временъ условившійся геній ,
Какъ шесшвіа великаго слѣды,
Не спершые попопомъ измѣненій.

С. ШЕВЫГЕВЪ.

III.

ВАСИЛЬЕВЪ ВЕЧЕРЪ.

повѣсть.

(М. П. Погодина).

Весь лѣвый низменный берегъ Оки, почти
опъ успѣя Москвы-рѣки, чрезъ Клязьму, до
самой Волги, покрытъ густыми сосновыми
лѣсами, въ иныхъ мѣстахъ верспъ на семде-
сятъ шириною. Лѣса сіи мало по малу рѣдѣ-
ютъ съ шого времени, какъ Московскій по-
поръ, добравшись до нихъ, началъ просѣкать
сквозныя дороги чрезъ ихъ заповѣдныя чащи;
но лѣтъ за пятьдесятъ, за шесшдесать, мно-
го еще было шакихъ, куда человекъ не шу-

паль никогда ногою, и даже воронъ, по старинной пословицѣ, коспей не занашивалъ. Вечерняя пемнопа не разсвѣшала въ нихъ ни лѣпомъ, ни зимою; и лишь въ березовыя рощи, разсѣянные кое - гдѣ между непроницаемыми соснами и елями, прокрадывались лучи дневные. Тишина глубокая. Иногда только въперъ гудѣлъ въ сокровенной серединѣ, сился напрасно прорваться сквозь плотныя часпыя преграды; и изрѣдка слышенъ былъ медвѣдь, который, взлѣзая на сосну за боршнымъ медомъ, царапалъ своею широкою лапою по древесной корѣ; или волкъ, который, почуя дальнюю падалъ, скакалъ по землѣ, покрытой иглами. Но среди сихъ дремучихъ боровъ еспь многія болоша, покрыпыя сѣрымъ мохомъ и густою осокою, приволье дикихъ ппицъ всякаго рода, широкія озера, богатыя рыбою; и здѣсь то испари находились деревни, основанныя охотниками, угольниками и предпріимчивыми хозяевами, кои селились въ этой глуши, надѣясь собирать большій доходъ съ наслѣдственныхъ своихъ угодій.

У одного изъ нихъ, Премьер - Маіора Захарьева, который переѣхалъ изъ Москвы въ Муромскую деревню съ тоски по умершей женѣ, а оспался по привычкѣ и спраши къ охотѣ, зашѣялось игрище въ Васильевъ Вечерь для единственнѣйшей дочери, деваш-

надцапильпншей дѣвицы. Всѣ сосѣди, ближніе и дальніе, почпи за недѣлю собрались къ богатому и радушному хозяину; и въ назначенный день; чупь полько смерклось, между пѣмъ какъ спарики въ особыхъ комнатахъ сидѣли за опгемнымъ пѣнникомъ и гуспыми наливками, хваспаясь другъ передъ другомъ своими подвигами, неперпѣливая молодежь начала свяпочныя игры; запѣли пѣсни, заплели хороводы, пуспились въ присядку. Поднялся шумъ, крикъ, смѣхъ, раздались веселые плески. Жмурки, гулючки, жгушы, носки, слѣдовали одни за другими, прерываясь полько общимъ хохомъ, когда кпо нибудь, въ поропахъ, ушибался до крови объ уголъ, или падалъ спремглавъ на подспавленные ноги, или получалъ ударъ побольше въ спину, опг кошораго прещали зубы и изъ глазъ сыпались искры. Ближе къ ночи, начались гаданія, любимая забава взрослыхъ дѣвушекъ. Онѣ принялись попиць олово, выливать въ холодную воду, и въ заспывающихъ образахъ чипашъ свою учаспъ. Другія выпсалились лицомъ за окно, накликаая суженаго: »щени меня, мани меня, лисымъ хвоспикомъ,« и мягкое прикосновение сулило имъ богатспво, пакъ какъ жеспкое бѣдноспъ. Трешы выбгали на морозъ, и всѣмъ пѣломъ ложились на рыхлой снѣгъ, чпобъ по замерзлomu оппечашку

судить о доброте и лихости будущих мужьевъ своихъ. Иныя наконецъ бѣгали слушать на паперть, подъ церковное окно, иныя на мельницу, на погребицу, къ закормамъ, на гумно. Всего занимательнѣе было толкованье предвѣщаній, когда дѣвушки, однѣ бѣлыя, какъ молоко, другія красныя, какъ кровь, испугавшись или ободрившись, набѣжали опять со всѣхъ споронъ въ комнапу, и спали пересказывать другъ другу полученныя вѣспи. Вотъ путь-по надо было послушать споровъ: одинъ и попъ же знакъ, одинъ и попъ же звукъ иныя принимали къ добру, другія къ худу, однѣ плакали, а другія смѣялись.—А какъ наконецъ начались поздравленія, утѣшенія, шушки, насмѣшки! Словомъ: шумному веселью не было бы конца, если бы спарики, успѣвшіе раза по два напиься и проспаться, не спали игрушъ вызывая домой: на общемъ совѣтѣ у нихъ положено было разѣхаться теперь же, не смотря на позднюю пору, для того, чшобъ удобнѣе было на претпій день собраться къ одной дальней именинницѣ. Дѣвушкамъ было очень досадно оспавиь такое раздолье, но ихъ утѣшили надеждой вскорѣ возобновиь прерываемую забаву; и онѣ, перецѣловавшись съ молодою хозяйкою, поблагодаривъ ее за ласковое угощеніе, уговорясь о насупающемъ праздникѣ, однѣ за другими разѣхались съ своими родителами, уло-

женныя и укушанныя. Спарикъ взялся самъ проводить одну свою пріятельницу, прусливую вдову съ двумя дочерями, жившую верстахъ въ двадцати отъ его усадьбы.

Дочь оспалась дома одна. Гаданья въ эпопѣй вечеръ возвѣспили ей печаль наравнѣ съ радостью, и взаимно себѣ противорѣчили: на спѣнѣ, на примѣрѣ, въ пѣни отъ оловянныхъ вылишковъ она увидѣла двѣ церкви, а между ними глубокую впадину съ колючимъ ежемъ, знакомъ попаеннаго врага. На морозѣ съ одной стороны кпо. то погладилъ ее пушистымъ хвостомъ, а съ другой поскребъ голикомъ, и пѣсня ей спѣлася очень спранныя:

Сиди, ящеръ, въ орѣховомъ кустѣ ;
 Щипли, ящеръ, спѣлые орѣхи;
 Грызи, ящеръ, орѣховы ядра ;
 Лови дѣвку за русую косу,
 Лови красну за алую ленту.

Она была въ большемъ сомнѣніи, и чпобъ выйдти изъ него, наслышанная много о сбыточныхъ гаданьяхъ въ таинственный Васильевъ вечеръ, рѣшается на послѣднее, самое дѣйствительное. Одна въ своей комнаѣ, въ самую полночь, когда улеглись всѣ домашніе, и только двое слугъ въ передней, дремля дожидались барина, она садится передъ зеркаломъ между двумя свѣчами и наводитъ другое шакъ, чпо оно опразилось въ первомъ двѣнадцатъ

разъ и представило даль безконечную. Туда, на самую крайнюю почку, до копорой едва достягалъ напряженной взоръ, успремила она все свое вниманіе, и съ препеномъ ожидала, что тамъ ей представится: вѣнецъ или заступъ, счастье или несчастье. Долго, долго смопришъ она, ни объ чемъ не думая, и воображеніе наконецъ беретъ верхъ надъ прочими способностями; она совершенно забывается, не знаетъ уже, гдѣ она, что дѣлаетъ и чего желаетъ, а между тѣмъ все смопришъ.... Вдругъ на далекомъ, далекомъ краю что-то чернѣется....шевельтся....ближе и ближе, больше и больше....неясныя черпы собираются въ человѣческій образъ...призракъ идетъ и роспетъ, идетъ и роспетъ....ужь можно различить и черпы—черные глаза, какъ горячіе уголья, навислыя брови, какъ сосновыя вѣтви, ротъ какъ дупло, голова съ пивной кошель, волосы всклокоченные овиномъ....а все еще онъ полспѣетъ и длиннѣетъ...ужь эпо исполинъ во всю комнату...ужь близко ея...и ударилъ по рукъ желѣзною лапой....Ахъ!—Спрахъ возвращаетъ дѣвушкѣ память. Она перекрестилась, и видитъ передъ собою высокаго полспаго мужика, въ нагольномъ полшубкѣ, съ попоромъ въ одной рукѣ и пошаннымъ фонаремъ въ другой. —»Ключи опъ денегъ! спрашиваетъ онъ ее охриплымъ голо-

сомъ „Незнаю“—опивѣчаетъ дѣвушка.—„Врешь! Сказывай! Убью,“ и замахнулся шопоромъ надъ нею. „Здѣсь въ образной,“ опивѣчаетъ она и подаетъ полспую связку. „Веди подѣ полѣ! гдѣ ходѣ“—Дрожащей рукою указываетъ она половицу, кошпору разбойникѣ шопчасѣ поднимаетъ, шолкаетъ впередѣ дѣвушку, и самѣ спускается въ слѣдѣ за нею, по маленькѣй лѣсенкѣ; натнувшись ведетъ она его по разгороженному подвалу къ углу, гдѣ стоялъ большой дубовой сундукъ, окованный со всѣхъ споронѣ желѣзомъ.—Разбойникѣ, осмопрѣвшись, примѣрся, кладетъ на землю шопорѣ и фонарѣ, спановится на колѣна, повершываетъ съ напряженіемъ длинный ключѣ въ заржавомъ замкѣ, и силился поднимать примерзлую крышу; а чпо дѣлаетъ дѣвушка? — Образумяся уже опѣ страха, видя себя въ выгодномъ положеніи, сія мужеспвенная дочѣ дикѣй природы, привыкшая съ малыхъ лѣтъ къ быліямъ и сказкамъ о спрашныхъ приключеніяхъ, рѣшилась на смѣлой поспупокъ: она взяла попихоньку шопорѣ, не въ домѣкъ занятому разбойнику, и изловчасѣ, со всего размаху хвашѣ его сзади обухомъ по головѣ, пакѣ чпо и духѣ вонѣ.—Между тѣмъ, къ ближней наружной споронѣ слышится шорохѣ: кпо-по подлѣзаетъ черезъ опдушину подѣ домѣ, и издали шепчетъ: „эй Шепка! чпо жѣ ты! — Да скоро ли?“ — Не шеряя духа, ободрен-

ная успѣхомъ, дѣвушка отвѣчаетъ, оборотившись туда, откуда былъ слышенъ вопросъ, и подражая сиповатому голосу: »да не управлюсь, поди сюда, пособи.« А сама, закрывъ фонарь, прячется у дороги за сполбомъ. Впорой разбойникъ ползетъ на голосъ, ругая шемнопу и пѣснопу. Лишь только поравнялся онъ съ нею, она изъ всѣхъ силъ попоромъ его въ самое шема, и шопъ повалился не охнувъ.—Она слышншъ оставишъ мерпвецовъ, но испытаніе ея не кончилось: еще слышншся шорохъ, подлѣзаетъ претій: »ребяша, скорѣе, баринъ ужъ близко.« Уйпи ей не возможно: половицу надъ лѣспницею первой разбойникъ крѣпко прихлопнулъ, спустившись подъ полъ, и подняшъ ее безъ шума нѣпъ средспва,—опасность увеличивается.—Разгоряченная, съ помутившимся уже умомъ, она дожидается новаго гостя, и вспрѣчаетъ его съ мѣньшею оспорожноспію, и мѣньшимъ успѣхомъ: ударъ попалъ не въ голову, а по рукъ...Между шѣмъ на дворъ послышался шумъ, залаяли собаки...разбойникъ, ошеломленный внезапнымъ ударомъ, назадъ, а героиня съ послѣдними силами на лѣспницу, въ свою комнапу, и безъ памяши покапила на полъ.

Эпо въ самомъ дѣлѣ пріѣхалъ баринъ. Видя свѣтъ въ комнапъ у дочери, онъ заходитъ къ ней проспіишся, и какъ же ее находятъ? Она

лежитъ блѣдна, какъ смерть, безъ голоса, безъ движенія; подлѣ нея окровавленный попоръ; нагорѣлыя свѣчи передъ зеркаломъ; другое зеркало, разбитое въ дребезги, на полу.—Онъ не понимаетъ, что все это значитъ, зовещъ въ ужасъ людей, опшираетъ полумертвую льдомъ.—Она приходитъ на минушу въ себя, поводитъ мушными глазами, и чуть выговариваетъ прерывающимся голосомъ: »Четвертый... пятый... я уснула... нѣтъ больше силъ.. убейте меня,« и опять лишается чувствъ. Напрасно спарикъ употребляетъ всѣ средства, чтобы вывести ее изъ этого положенія. Цѣлую ночь провела она въ бреду и изрѣдка произносила: кровь на мнѣ... я убила двухъ... прехъ... помилуй, Господи. « Къ позднему утру уже она опомнилась совершенно и увидя подлѣ себя отца, бросилась къ нему на шею, въ горькихъ слезахъ: »бабушка! Выли?... у насъ были разбойники, я убила прехъ,« и рассказала удивленному спарику свои ночныя приключенія. Спарикъ не вѣритъ ушамъ своимъ, почитая слова дочери продолжающимся бредомъ, хоть этого и не показываетъ. Съ сомнѣнiемъ поднимаетъ онъ половицу, и спускается подъ полъ съ своими людьми; но каково же было его изумленiе, когда въ самомъ дѣлѣ видитъ тамъ мертвыя тѣла и опрубленную кисть! Онъ спрашиваетъ

дочь о подробностях, посылаетъ верховыхъ въ Муромъ за командою, а между тѣмъ принимася всѣ предоспорожності на случай внезапнаго нападенія. Однакожъ день прошелъ благополучно, кромѣ того, что переволнованная дѣвушка слегла въ постелю, занемогши горячкою. На другое утро пріѣхала земская полиція съ понятыми, опобрали показанія, освидѣтельствовали пруты, объѣхали дачу, искавъ горячихъ слѣдовъ; но слѣды пресыли, и они, оставивъ нѣсколько гарнизонныхъ солдатъ въ деревнѣ, отправились обратно для дальнѣйшихъ поисковъ. Но всѣ ихъ старанія были безуспѣшны, и сыщики, разосланные по околотку, не привезли никакихъ объяснительныхъ извѣстій. Между тѣмъ дѣвушка выздоровѣла, спарикъ успокоился; судъ забылъ о слѣдствіи, занявшись свѣжими уголовными дѣлами, и только молва о мужествѣ барышни Захаревой разпространялась болѣе и болѣе, пакъ что на противоположномъ краю мѣсовъ говорили, будто она перебила чуть не всѣхъ Муромскихъ разбойниковъ.

Прошло полгода. Всѣ дѣла въ домѣ Господина Захарева пошли по прежнему порядку. Около Петрова дня заѣзжаетъ къ нему сынъ стариннаго его сослуживца и крѣпнаго бра-

па, жившаго подъ Брянскомъ. » Батюшка, «
сказаль молодой челоуѣкъ, »зная, что ваша
деревня не далеко отъ большой дороги въ Ма-
карьевъ, куда я ѣду съ своимъ прикащикомъ,
велѣль мнѣ непременно заѣхать къ вамъ, и
освѣдомишься о вашемъ здоровьѣ и обстоя-
тельстввахъ. Вотъ вамъ и письмо отъ не-
го. «—Сельскіе жители знаютъ, какъ пріятно
въ глухой деревнѣ увидѣть незнакомое лицо
и поговорить о чемъ-нибудь новомъ, внѣ кру-
га ежедневныхъ бесѣдъ, и потому не трудно
себѣ представить, съ какимъ удовольствіемъ
спарикъ встрѣтилъ нечаяннаго гостя. Раз-
сѣловавъ его, припомнивъ, что за сколько-
то лѣтъ, въ такой-то праздникъ, при та-
кихъ-то гостяхъ онъ нянчилъ его на рукахъ
своихъ, познакомивъ съ своею дочерью, Маіоръ,
со слезами на глазахъ прочелъ посланіе за-
душевнаго своего друга, и пребываль потомъ
неослупно онъ сына погостить у него хотя
не долго. Прѣзжій отговаривался недѣлѣю и
просилъ позволенія немедленно отправиться
въ свой путь. Спарикъ однакожь никакъ не
согласился отпустить его, прежде нежели не
разпросилъ подробно обо всѣхъ его братьяхъ,
сестрахъ и родственникахъ, — о томъ, какъ
ошецъ его проводитъ время, чѣмъ занимается,
и по прежнему ль мѣшко спрѣляетъ дичину.
Молодой челоуѣкъ отвѣчалъ такъ ловко и удо-

всплывишельно, что спарикъ полюбилъ его съ перваго дня и взялъ съ него честное слово захватить на возвращенномъ пупи и погостить у него подольше.

Въ самомъ дѣлѣ чрезъ три мѣсяца, послѣ скучныхъ ожиданій, въ продолженіе коихъ Маіоръ начиналъ уже сердиться на вѣтренность людей новаго поколѣнія, жданный гость, къ сердечному его удовольствію, явился въ сопровожденіи прежняго прикащика — и не съ пустыми руками: въ знакъ благодарности за ласковое гостепріимство онъ привезъ дочери въ госпинецъ собольи Якускіе хвосты, а опцу Устюжскую серебряную пабакерку съ чернью. Спарикъ былъ очень радъ, не зная, чѣмъ его подчивать и забавлять; услышавъ же, что онъ сдержитъ свое обѣщаніе, началъ показывать ему свое хозяйство, водилъ на охоту съ ружьемъ, ѣздилъ съ нимъ бить медвѣдя, — а по вечерамъ молодой человекъ рассказывалъ въ свою очередь о Брянскомъ обиходѣ, о Макарьевской ярмаркѣ, о Петербургскихъ новостяхъ, и до такой степени понравился, что Маіоръ, подъ конецъ недѣли, замѣшивъ, какіе ласковые взгляды среди разговора бросалъ онъ на его дочь, слушавшую съ глубокимъ вниманіемъ, вздумалъ предложить ему запросить ея руку, вмѣстѣ со всѣмъ ея имѣніемъ. «Мы выросли съ своимъ опцемъ

вмѣстѣ, креслами помѣнялись, «сказалъ ему спарикъ, разнѣженный любимой мыслію, »на одномъ солнышкѣ онучки сушили, одною палкою бипы въ полку, — мнѣ больно ѣхочешся подѣ спароспѣ пожинѣ съ нимъ еще вмѣстѣ, и порадоваться на общихъ внучахъ. «— »Василій Демидовичъ! признахся ли вамъ — я за пѣмъ сюда и прѣзжалъ, чпобѣ увидѣнѣ дочь вашу: ибо бапюшка и сиишѣ и видишѣ, чпобѣ я женахъ былъ на ней, и породнилъ его съ вами. Получивъ опѣ меня извѣспіе, онѣ самѣ хопѣлъ было прѣхашѣ къ вамъ и просипѣ ее мнѣ въ замужспво. «—»Наспинька! по сердцу ли тебѣ Григорій Григорьевичъ? «— закричалъ восхищенный спарикъ. — Наспинька пришла и попупила глаза. »Ермошка! за попомъ! Цѣлуйхся, женихъ и невѣспа. «—Благословенный женихъ просилъ не опкладывахъ и свадьбы; ибо опѣа дожидатѣся здѣсь было бы очень долго, а поспѣ былъ ужѣ на дворѣ; ѣхашѣ къ нему всѣмъ было поже запруднипельно, попому чпѣ цѣлое семейспво вдругѣ поднѣхся не можентѣ, да и хозяйспво опѣ эшого поперѣгло бы очень много. Эпи причины показались уважинпельными, особливѣ невѣспѣ. Дожидатѣся больше было нечего: приданое Наспинькѣ еще покойная махѣ приговвила, и сундуки въ кладовыхъ спояли верхомъ, церковь была близко, и шакъ чрезѣ

недѣлю , при множествѣ повѣщенныхъ гостей , была разыграна свадьба. Спарикъ не могъ нарадоваться на молодыхъ , а они другъ о друга были въ восхищеніи. Мужъ ласкалъ жену охъ упря до вечера , смотрѣлъ ей въ глаза и предупреждалъ всякое жеданіе. Только и дѣла было у нихъ , что они цѣловались и миловались. Между шѣмъ званые обѣды у себя , въ госпяхъ , гулянья , кашанья , вечерніе пиры не прерывались. — Мѣсяца чрезъ два зяпъ сказалъ , что ему пора ужъ ѣхать съ молодою женою къ опцу , который въ своемъ письмѣ понуждаетъ его воропишья , желая поскорѣ увидѣть молодую невѣспку. — »Дѣлапъ нечего дѣпушки , «сказалъ наконецъ спарикъ , »спупайте съ Богомъ ! — Наспинька , не плачь ! не вѣкъ прожишь шебъ въ опцовской пазушкѣ ! Убравшись дома , я самъ прѣду къ вамъ по первопушенкѣ. « — »А попомъ мы къ вамъ всею семьею , « перервалъ веселой молодой. « — »Вошъ и ладно ! пакъ мы и спанемъ провожапъ другъ друга — изъ Муромскихъ лѣсовъ да въ Брянскіе , а изъ Брянскихъ въ Муромскіе. « — Въ недѣлю молодые собрались ; они разпорядились ѣхать на своей пройкѣ , шо еспъ , на шой , на которой ѣздилъ мужъ къ Макарю , а за приданымъ хопѣлъ изъ дома ужъ прислапъ послѣ подводы чѣпыре. Когда все готово бы-

ло къ опѣзду , опслужили по обыкновенію пупевый молебень. Дочь рыдала безушнѣно , не смопрѣ на прѣжнѣе веселые сборы , и прощѣясь , пакъ повисла на шею опцу , что едѣа могъ оппаципѣ ее мужъ. Спарикъ благо-словилъ ее въ кибипкѣ почпи безъ памѣпнѣ : пакъ пѣжело было ей разспавѣться съ своимъ родимымъ обипалищемъ. — Ямщикъ ударилъ по лошадамъ. Поѣхали.

Много ли , мало ли времени въ попѣ день они проѣхали , неизвѣспно: мужъ , имѣѣя слабое зрѣнѣе , опуспилъ рогожу съ кибипки опѣ солнца , а жена , упомленная при прощѣнѣи , уснула на десятой верспѣ , и проснулась , ужъ вечеромъ , когда лошади оспановились у нѣчлега. »Вспѣвай,« сказалъ мужъ. Она вспѣала и увидѣла передъ собою вѣпхую избенку , при дорогѣ , чупъ напоренной. »Развѣ мы ѣхали не большой дорогой?« спросила она мужа. »Здѣсь ближе,« опвѣчалъ онъ ей опрѣвиспо. Она бросилась было поѣловѣпъ мужа; попѣ опворопилъ съ нахмуренными глазами , и пошелъ въ другую спорону. Молодая не понимаепѣ такой вѣнезапной перемѣнѣи , и забѣвая собшвенную пѣчаль , спѣраепѣся опгадапѣ причину. — Между пѣмъ вошли въ избу. На спѣль пригопшѣленъ былъ ужинъ : пироги , вопрушки , вѣпчина , вино. Прислужниковъ никого не было; прѣѣзжіе перекусили вѣѣ вмѣспѣ , господа , и

прикащикъ, и ямщикъ. Хозяинъ угольщикъ пришелъ сказать, что свѣжая пройка гопова. Между тѣмъ на дворъ было ужъ очень темно. »Ѣдемъ,« сказалъ мужъ. Жена опять бросилась поцѣловать его по прежнему. Онъ улыбнулся, но безъ нѣжности, даже съ какою-то свирѣпостію. Молча сѣли они опять въ кибитку. Не смотря на темноту, жена примѣчаетъ, что слѣду спановишься меньше и меньше, лѣсъ гуще и гуще. Ни одной души на встрѣчу не попадаетъ. Ямщикъ съ прудомъ пробирается въ чащѣ, и безпрестанно повертывается около деревьевъ. »Куда мы ѣдемъ,« спрашиваетъ дрожащимъ голосомъ молодая. »Куда надо,« отвѣчаетъ онъ сквозь зубы. — Наконецъ спало разсвѣпаетъ. Глушь и дичь ужасная, но лице мужа спановишься веселѣе: онъ начинаетъ смотрѣть на нее съ какимъ-то удовольствіемъ, прикащикъ на облучкѣ съ ямщикомъ пересмѣвается, и она ободрилась. Такъ—это былъ напрасный страхъ. Два мѣсяца любилъ онъ ее такъ нѣжно, цѣловалъ ее такъ сладко, угождалъ ей такъ искренно. — Чего же дурного ожидать ей? Вѣрно боялся самъ онъ ѣхать по такому дремучему лѣсу, и эта боязнь оппечашивалась на его словахъ и дѣйствіяхъ, или, можетъ быть, онъ хотѣлъ испытать ея довѣренность, испугать нарочно, чтобы послѣ по-

смѣяться надъ ея прежней храбростію , или наконецъ доставивъ ей нечаянное удовольствіе. — Теперь уже вѣрно близко отъ большой дороги, и отъ того спалъ онъ веселѣе. — Молодая женщина предается снова пріятнымъ мечтаніямъ , воображаетъ себя въ кругу своего новаго семейства, среди милыхъ сестеръ , въ объятіяхъ пламеннаго мужа — какъ вдругъ выхавъ изъ густой чащи на широкую поляну, свиснулъ онъ съ такою силою , что листья на деревьяхъ, кажутся, зашевелились, и вся ея внутренность охладѣла... Пронзительный крикъ пронесся по всей окружности , и тотчасъ какъ будто въ отвѣтъ, поднялся въ лѣсу со всѣхъ сторонъ и свистъ, и крикъ, и гамъ... Ямщикъ и прикащикъ, гаркнувъ, приурадили по всѣмъ по прѣмъ... Лошади пустились вскачь... а шумъ увеличивается и приближается. — Молодая не взвидѣла свѣта Божія ! — Что это такое ?

(продолженіе впрѣдъ)

IV.

ПРОДАВЕЦЪ НЕВОЛЬНИЦЪ.

Войди въ шаперъ мой, чужестранецъ ,

На Африканку посмотри !

Глаза, какъ смоль у ней , румянецъ —

Агаша розоваго глянecъ !

Свѣжѣ утренней зари !

Шелкъ черныхъ кудрей пышно вьейся,
 Уста, какъ дышущій кораллъ,
 И перловъ рядъ, лишь улыбенется,
 Какихъ въ Цейланъ не найдется,
 Какихъ нигдѣ ты не видишь!

Во всемъ базаръ Пешамбула
 Невольницы подобной пышнѣ!
 На шумныхъ торжищахъ Моссула,
 Въ долинахъ счастливыхъ Кабула,
 Не цвѣтъ такой роскошной цвѣтнѣ.
 Она стройнѣе пальмы гибкой,
 Она акаціи пѣжнѣй,
 Какъ ласпочка надъ влагой зыбкой,
 Рѣзвѣ Ангелопы, шибко
 Бѣгущей по пескамъ степей!

Она съ береговъ зеленыхъ Нила —
 Предъ ней поблѣкли бѣ розы тамъ
 Когда бы взгляды свой уронца,
 Или нечаянно склонили
 Лице прелестное къ воинамъ.
 А какъ поешь, а какъ играешь
 На люпнѣ — слухъ обворожишь!..
 Когда жъ въ калхалы ударяешь,
 Тимпанъ кружишь и въ веркъ бросаешь,
 Какъ Иоръ въ воздухъ лепишь.

Она... но ты проходишь мимо —
 Но ты не слушаешь меня!..
 Она, какъ скинія Солима,
 Какъ талисманъ, досель хранима —
 Чиста, какъ лучъ разсвѣтннй дня.

Любовью сердце въ ней не билось ;
 Пятнадцать лѣтъ ей безъ денницъ ;
 Недавно грудь лишь округлилась...
 Ни разъ слеза не серебрилась
 На плкани шелковыхъ рѣсницъ.

Ни разъ... Но ждуть уста лобзаній,
 Уже задумчивѣй, помна...
 Въ ночь слышенъ шопотъ воздыханій,
 И звукъ прерывистыхъ рыданій,
 И вся во снѣ горитъ она!...
 Купи ее!... Какой любовью
 Она всѣ дни твои займетъ,
 Когда прикинется къ изголовью,
 И ночью, подъ Персидской мовью,
 Тебя въ восторгъ обойметъ!

Какъ будетъ ждашь въ любви урока,
 Чѣшобъ поцѣлуй уста зажгли!...
 Прекрасны Гуріи пророка —
 Свѣжа, пылка и черноока
 Младая Гурія земли!
 Купи ее: ты бѣ съ злагомъ киси,
 Когда бѣ взглянулъ, шопчасъ бы далъ!
 — »Я не купецъ изъ Икониссы!« —
 Кто ты?—»Я почишатель Иссы!«—
 Собака! чѣшо же ты молчалъ? —

Д. Ознобишинъ.

Октябръ, 1830.

V.

КАРТИНА КОРОНАЦИИ

ИЗЪ

Scènes Contemporaines (*)

СЦЕНА I.

Масперская Давида.

(1804)

Давидъ Тальмъ. Видишь ли, пріятель — я уже почти поспригся! Эша киспъ, копорая нѣкогда изобразила съ такою силою смерпъ Марапа, должна пеперь малевашъ образъ Папы!..

ТАЛЬМА улыбаясь.

Comme avec irreverence

Parle des dieux, ce maraud!..

Дав. Ты видишь эпу карпину? Спраница чудесная! За нее заплапашъ мнѣ въсомъ золопа! — И однако — еслибъ эпо было не для

(*) Неиспощимое Французское оспроуміе придумало недавно, подъ именемъ *Современныхъ Сценъ* (*Scènes Contemporaines*), весьма удачныя формы для представленія карпинъ жизни, во всей занимательности современнаго разнообразія. Эпо не иное что, какъ легкіе драматическіе очерки, въ коихъ несмысленныя опливы и переливы народной фizioноміи представляются въ лицахъ. Онѣ не имѣють излишнихъ припязаній на художественную опдѣлку и не блещашъ собственно эспетическимъ доспощивомъ: но занимашь всю предешъ свою опъ еспешивенно-

Императора, я изорвалъ бы ее въ клочки предъ твоими глазами!..

Тал. Полно, полно! Капризъ художника! Или — ты вздумалъ скромничать?

Дав. Нѣтъ! этого не бываетъ съ гениемъ!.. Но я... мнѣ мечталось кое-что побольше, поведичесственнѣе... Мячевая Зала... Брусь!.. Было время, когда Императоръ былъ мой человекъ: меня спойло — изображать его спокойнымъ посреди боя, или въ Совѣтъ, когда онъ предлагалъ Кодексъ Наполеоновъ и рука его на мечъ покрилась. Но — мазать эти фигуры, выползшія изъ кухни и гардероба? Фай!..

Тал. Ну такъ чтожь? Пиши ихъ, какъ раздраженный художникъ — и мы все будемъ имѣть образцовое произведение. . .

Дав. Э! э! Такъ ты также сдѣлался льстецомъ? . .

сти и вѣрности изложенія. Преимущественно занимательно въ нихъ сближеніе рѣзкихъ противоположностей жизни, быстраго, чѣмъ гдѣ-либо, смѣняющихся по ту сторону Рейна. Французская выпренность любить и умѣешь позабавившись сама надъ собой!.. Предлагаемая здѣсь сцена имѣютъ еще по достоинству, что въ нихъ дѣло идетъ о двухъ лучшихъ произведеніяхъ величайшихъ художниковъ современной Французской школы, изъ которыхъ одно — коего очеркъ здѣсь прилагается — едва только завѣщанное безсмертію, къ сожалѣнію, уже не существуетъ. *Изд.*

Тал. Для друзей моихъ , когда они имѣюць
пное дспюинспво !

Дав. Чпожъ ты скажешь о моемъ Папѣ ?

Тал. Удивительное выражение ! Истинно
Апоспольская голова!.. Въ ея взорѣ свѣтлпсь
помазаніе и оппѣняется черпа меланхоліи,
которая мнѣ очень нравится.

Дав. Sacerdité ! Ты судишь , какъ наспоящій
художникъ , мой милый ! Посмотри - ка на
эпихъ Кардиналовъ—на эпго Нунція : голо-
вы, могущія служить моделями ничпожно-
сти !.. Въ головѣ Папы напропивъ еспъ нѣ-
чпо республиканское...

Тал. Да ! Когда онъ былъ Епископомъ
Имольскимъ—эпопъ добрый Кіарамонпе оппу-
скалъ намъ прекрасныя республиканскія прокла-
маціи!.. А теперъ—онъ перевернулся также, какъ
и мы, другъ мой!.. сдѣлался придворнымъ...

Дав., бросая свой подбитый нѣхомъ копакъ на полъ.
Чоршъ возьми ! Ты говоришь суцую правду !
Мы должны спѣдипсь самихъ себя!... Когда
я помышляю о шѣхъ блаженныхъ дняхъ , въ
которые народъ толпился вокругъ древней
колесницы , украшаемой живыми богинями —
прелесными, какъ надежда, облеченными по-
добно дѣвамъ Еллады... Ахъ ! мы молодили по-
гда вселенную : съ насъ сваливалось чепыре
штысячи лѣтъ!..

Тал. Но не ужли ты думаешь , чпо мы

пеперь соспарѣлись—одряхлѣли? маренго, Аркола, Аусперлицъ—это развѣ не новая слава? И припомѣ—намѣ ли жаловашься на Императора, кошорый шакѣ добръ, шакѣ проситъ съ нами?.. Апеллесь болѣе ли былѣ коропокъ съ Александромъ? Августъ лучше ли обращался съ Виргилиемъ, съ Гораціемъ?..

Дав. разгораясь. Это правда! Александръ, Августъ—это карлы предѣ Наполеономъ!..

Тал. Августъ былѣ искуснѣйшій лицемѣръ древности. Еслибѣ не уваженіе мое къ Патриарху Корнелю, я бы спалъ играю его, какъ Езуиша...

Дав. Природа, любезный мой, природа—вошѣ гдѣ испинная красоша... вошѣ гдѣ все...

Тал. Но для шого, чшобѣ бышѣ вѣрнымъ природѣ—нужно много искусства, особенно на шеапрѣ. Проживемъ ли мы сполько, спарый шоварищѣ, чшобы пережить закоренѣлые предрасудки, повѣрья, навьики, и бышѣ вполнѣ испинными? Когда я въ Манлиѣ въ первый разѣ явился въ веревочныхъ сандаляхъ и Римской шогѣ, эша медеянская собака Ванговъ спросилъ меня — не хочу ли я въ рубашкѣ явишѣся предѣ публику. Рукоплесканія, съ кошорыми приняли меня при появленіи на сценѣ, показали мнѣ однако, какой шагъ я сдѣлалъ, ... Дойдемъ, дойдемъ по немногу...

Дав. Да! Ты успѣлъ уже дойди — ты дошелъ! Я видѣлъ тебя вчера въ Генрихѣ IV. Чортъ возьми! Ты меня почти распрогалъ!

Тал. Гм? гм! Такъ тебя можно поддѣлать драматическими шпугами!.. Вѣдь роль-то была невѣрно играна! Я понимаю ее совсѣмъ иначе! Генрихъ IV былъ добрый Гасконецъ, который любилъ подгульнуть и поволочиться. Во мнѣ слишкомъ много было царскаго для Генриха IV!..

Дав. Это правда! На мои глаза, Генрихъ IV очень сходенъ съ Марапомъ. Оба добрые малые. . .

Тал. смѣясь. Полно, проказникъ! Ты все еще любишь ребячиться. По словамъ своимъ можно счесть тебя за злодѣя: а въ самомъ дѣлѣ, ты Якобинецъ — только въ Живописи а).

КАМЕРГЕРЪ отворяя двери. Сюда, Графиня, сюда! Пожалуйте!

Графиня де Синекуръ. Г. Давидъ у себя! Какое счастье!

а) *Давидъ* былъ пламенная голова. Имѣвъ несчастіе быть заспигнутымъ революціею во цвѣтъ юношества, онъ подвергался опасности закружиться въ чадѣ ея, если бъ не свѣтлая звѣзда генія, коего благодатному вліянію очень рано онъ покорился, и которое не оставило ему досуга на буйное распоченіе кипящей жизни въ ужасахъ мятежей и козняхъ паршій. Тѣмъ не менѣе сіе бур-

Дав. Художникъ всегда бываетъ у себя, сударыня!

Графъ де Синекуръ. И Тальма также! Здѣсь святилище искусствъ!..

Графиня. Гдѣжь эта большая картина?.. А!.. да какая огромная!.. Куда прикажете намъ пославить такую громаду?..

Дав. Въ лучшее мѣсто, которое найдете Императоръ—я предоставляю это его воля.

Графъ. Это чудесно, Давидъ! Его Величество будетъ въ восхищеніи!..

Кам. Прекрасно, неподобно! Но—гдѣжь помѣстится вы меня?..

Дав. Васъ, Г. Камергеръ?

Кам. Безъ сомнѣнія! Я не покидаю никогда Императора.

Графиня. И меня, какъ Даму при Ея Величествѣ Императрицѣ! Я непременно должна быть здѣсь, возлѣ ней самой!..

ное время положило на него неизгладимо печать свою. Его фантазія оцалась необузданною и неукротимою: она любила швыряться въ идеалахъ исполненнаго величія разъяренною спрашивающею жизни. Всеобъемлющій самодержецъ умовъ и воли, *Наполеонъ*, умѣлъ однакожъ покорить сей сноровчатый геній своему непреодолимому могуществу: и *Давидъ* принялъ пылко Придворнаго Живописца въ основанную имъ Имперію. *Изд.*

Дав. Мнѣ весьма прискорбно отказавъ вамъ; но то, чего вы требуете, невозможно.

Графиня. Невозможно! Вы меня оскорбляете!..

Графъ. Э! да Г. Давидъ шушилъ!

Дав. Увѣрю васъ, милосливый государь, что я никогда не шушу съ придворными... Для васъ просто нѣтъ мѣста въ моей картинѣ. Едва доспало для Принцевъ Крови и Великихъ Сановниковъ. Вотъ Камбасересъ, мой старинный пріятель! Насилу могъ я отвесити ему эпипъ маленькій уголокъ...

Кам. Полно-те, Г. Давидъ! Употребите всѣ ваши усилія! Императоръ будетъ очень недоволенъ.

Дав. Радъ бы душевно, государь мой! Но — посмотрите сами — картина полна... группы всѣ соспавлены — онѣ потеряютъ свою прелесть, если васъ вставишь!

Графиня. Да будпо не лзя сдѣлать маленькой группы изъ нашего семейства? Вы не откажете въ эпипъ Графу де Синекуру. Припомъ же и эпикетъ того требуетъ...

Дав. Ахъ! милосливая моя государыня! искусства не знаютъ эпикета. И что мнѣ эпикетъ — *pardie*! Я принимаю у себя Императора въ шуфляхъ!

Графиня. Сдѣлайте милость, Г. Тальма, всунулиесь хоть вы за насъ, когда воля самаго Императора ничего здѣсь не значитъ!

Выхлопочите у вашего друга хопя утолкъ въ его каршинѣ!

Тал. Ну, пріятель! Полно въ самомъ дѣлѣ! Въдѣ ты работаешь для Двора—очеловѣчься!.. Ссуди немножко славы Ихъ Сіятельствуамъ...

Кам. И мнѣ также, прошу васъ!

Графъ. Г. Давидъ, эпо должно быть непременно. Мое званіе имѣетъ свои преимущества.

Кам. Мы будемъ сидѣть, сколько вамъ угодно.

Графиня. На мнѣ будетъ бархатное накрапное платье. О! я увѣрена, что вы будете довольны моимъ шуалепомъ.

Дав. ударивъ себя по бедру. Можно ль безчеловѣчнѣе душишь геній?

Тал. Какъ? Ты еще сердишься, Давидъ! Кто дѣлаетъ такія прекрасныя піесы, какъ ты, у того роли перебиваютъ на расхвѣтъ!

Графъ. Такой знаменитый живописецъ, какъ Г. Давидъ!..

Дав. Знаменитый живописецъ! Parbleu! Великое дѣло!.. Вотъ понятіе, кошорое обо мнѣ имѣютъ... Нѣтъ! я не живописецъ! Я родился для чего-то другаго — а не малярства! Мнѣ бы надобно было играть роль въ Соспавишѣльномъ Собраніи, въ Сенапѣ... Камбасересъ перебилъ у меня мѣсто...

Тал. въ сторону. Эпо почъ въ почъ онъ!..

Дав. съ нешерпѣніемъ. Куда жъ къ чорту при-

кажете мнѣ помѣспипъ васъ, Графиня? У меня оспаешся полько мѣспо на хорахъ. . .

Графиня. Все лучше, чѣмъ нигдѣ. Только, ради Бога! не прячьте меня за карнизъ. . .

Дав. Боже мой! Да васъ слишкомъ еще будетъ видно! Ну! садитесь же! Онъ сажаетъ ее въ кресла. Руки вмѣсптъ! Такъ! . . .

Кам. Я, Г. Давидъ, какъ Каммергеръ. . .

Графъ. Я, Г. Давидъ, какъ Бригадиръ. . .

Дав. Чпо касася до васъ, господа, шо я не могу иначе помѣспипъ васъ, какъ въ самой церкви.

Графъ. Да разумѣшся — шого-шо мы и хопимъ!

Дав. Военныя группы у меня уже кончены. Все, чпо я могу сдѣлатъ для васъ — шо, чпо васъ, Графъ, напишу дьякономъ, а васъ, Каммергеръ — шакъ какъ вы помоложе — пѣвчимъ. . .

Графиня. Мужа моего дьякономъ. . . Эпо невозможно!

Кам. Меня пѣвчимъ!... Допущу ли я эпо?

Дав. Какъ вамъ будетъ угодно. Но эпо единственное средство, кошорое оспаешся у меня, для шого, чпобы данъ вамъ мѣспо.

Графъ. Дьякономъ! По крайней мѣрѣ хопъ бы Кардиналомъ!

Дав. Кардиналовъ у меня и шакъ слишкомъ много!

ТЕЛЕСК. Ч. I.

44

Кам. Мнѣ лучше бы ужъ хотѣлось — чпсцомъ !

Дав. Это не въ моей власти! И пакъ угодно ли вамъ?

Тал. Вы видите, сударыня, какъ далеко проспирается мой кредитъ. По моему мнѣнiю, господа, всего лучше поскорѣй садитесь. Завтра, можетъ быть, не будетъ болѣе ни дьяконскаго, ни пѣвческаго мѣста. . .

Графъ. Ну! если пакъ. . .

Дав. Изволише видѣть—вопъ и костюмы, копорые мнѣ прислалъ Архiепископъ. Я спану драпировать васъ. Обращается къ Каммергеру и надѣваетъ ему на голову католическую скуфью. Вы не боитесь краснаго колпака, Г. Каммергеръ? . .

Кам. смѣясь. О! нѣтъ! нѣтъ!

Дав. Опуститесь ниже. . . ниже. . . на колѣна. . . кадильницу въ руки!.. Видите ли, чпо я не засиавляю васъ выходить изъ обязанностей вашего званiя? . .

Тал. въ сторону. Вопъ зрѣлище! Какая бы находка для Дюваля! . .

Дав. рисуя. Ахъ, Графъ! Ваше брюхо не совсѣмъ идеетъ для дьякона. Вамъ, Г. Каммергеръ, я поищу какой-нибудь парикъ побѣлкурѣе. . . Чпо это тамъ за шумъ на Сорбонской площади? . . Да все равно — не шрогайтесь. . . Теперь до васъ чередъ, Графиня. . .

Тал. Сюда вдуіть... карешы... весь Шпабъ...
это Императоръ !

Всѣ. Императоръ !

Наполеонъ. входя. Я къ тебѣ безъ церемо-
ній, Давидъ !

Дав. Государь ! Такая честь приводить ме-
ня въ смущеніе. . .

Нап. Здравствуй, Тальма !

Тал. Государь. . .

Нап. подходя къ картинѣ. Работа подвигае-
ся. . . Смотришь долго на картину въ молчаніи. Импе-
рашрица прекрасна. . . Она понимаетъ эту
минушу... величественно... прекрасно... испин-
но прекрасно ! . . Смотришь еще въ молчаніи. Да !
испивно прекрасно ! Подходишь къ Давиду и сн-
маешь шляпу. Давидъ ! я тебя поздравляю !

Дав. разшоганный, хвапая руку Тальмы. Другъ
мой ! Вопть честь испивно республиканская !..

Нап. примѣчая Графа и Каммергера. Вы были
здѣсь, Графъ и Каммергеръ... Чшо это такое ?
Маскерадъ чшо ли ? Или вы играете комедію ?..

Графъ. Государь. . . я хотѣлъ. . .

Кам. Г. Давиду было угодно. . .

Графиня. Государь, наше усердіе. . .

Нап. нетерпѣливо. Чшо это значитъ ?

Дав. Государь ! я думалъ, чшо исполняю во-
лю Вашего Величества. Г. Графъ и Гжа Гра-
финя дали мнѣ разумѣнь, чшо въ такой кар-
тинѣ, какова Карпина Коронаціи. . .

Нап. Картина Коронаціи! Я хочу быть на ней изображень, среди моихъ Генераловъ, какъ во время битвы. Графу и Камергеру. Спущайте! Они уходятъ. Графиня также. Императоръ садится на табуретъ. Свита удаляется. Если мы доживемъ до мира, Давидъ, по надѣлаемъ чудныхъ вещей... Ты однако насмѣшилъ меня очень!... Графъ и Камергеръ въ спихаряхъ!... Чего имъ хопѣлось?..

Дав. Имѣшь мѣсто подлѣ Васъ, Государь! во что бы то ни стало...

Нап. Удивительные люди!... Опъ того, что я отворилъ для нихъ свою переднюю, они считають себя героями... Имъ все чудится коронація Людовика XV. О! опъ спараго Двора доспаются мнѣ одни только службы...

Дав. Да! этопъ спарый Дворъ думалъ въ Васъ найпи Дагоберта: но — нашелъ Карла Великаго!...

Нап. И между пѣмъ они носятъ имена знаменитыя! Нѣкоторыя принадлежатъ къ древнѣйшимъ фамиліямъ Франціи! Это нужно для пышности Двора... Такъ то, Давидъ! Я прощаю охотно республиканскія пвои причуды: но народъ имѣетъ нужду въ призракахъ дворянства; и я самъ, признаюсь, люблю, чтобы нѣсколько великихъ именъ порчало при моихъ окнахъ...

Дав. выступая впередъ. Но, Государь, я не боюсь сказать Вамъ — оно погубитъ Васъ... это гошическое дворянство, которое Вы любите...

Тал. удерживая его. Ты безумъль, другъ мой!

Нап. улыбаясь. Оспавъ его, Тальма!

Дав. Вы приучили меня, Государь, говорить съ Вами, какъ художникъ говоритъ съ великимъ человекомъ. Я не буду никогда льстить Вамъ. Вы имѣете слабость къ спаринному образу правленія, которая опчуждаетъ отъ Васъ новое поколѣніе Франціи. Чпо вамъ будетъ дѣлать съ внутренними врагами, не говоря уже о вѣншихъ? Ибо всѣ ваши побѣды на твердой землѣ недоспащочны еще для того, чпобы воспоржествовать надъ Англіей... Говоря опкровенно, Государь, у васъ нѣтъ флота...

Нап. холодно. Вы забываете о томъ, который написанъ Жозефомъ Вернетомъ, Г. Давидъ! А я намѣреваюсь его пославить въ Сенатъ...

Дав. Понимаю, Государь! Конечно я не болѣе, какъ бѣдный живописецъ! Но могу ли я не спенать, видя генія юной Франціи, окупываемаго аристократическою вепощью — Викомпами, Маркизами...

Нап. разсматривая картину. Мнѣ кажется, чпо эта нога слишкомъ коротка; какъ вы думаете?

ешь, Давидъ? Въ этомъ ты болѣе меня разумѣешь. Встаешь и обращаешь къ лакею. Свища!

ТАЛ. тихо Давиду. Несчастный! ты погубилъ себя! Свища входить.

НАП. Господа! я поздравляю Г. Давида Барономъ Имперіи!

ДАВ. Государь! я не смѣю... Императоръ уходитъ, въ сопровожденіи всей свиты.

ТАЛ. пожимая руку Давида съ улыбкой. Да, любезный мой! Воистину испицно республиканская честь!...

ДАВ. топая ногою. Пускай смѣются щеперь надо мной! Я знаю, какъ опомснить!.. Напишу Леонида (*)!...

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Мастерская Жерара.

(1825)

ГРАФИНЯ ДЕ СИНЕКУРЪ слугъ. Я хочу видѣть своего господина; доложи ему, что я здѣсь дожидаюсь. Скажи, что мнѣ должно съ нимъ поговорить оиъ имени Директора Изящныхъ Искусствъ. Слуга уходитъ. Мой мужъ удивительный эгоистъ: но я не поперплю, чтобы онъ, одинъ безъ меня, былъ въ Картинѣ Коронаціи. Для чего жъ нибудъ да прѣхала я въ Рсймсъ!

(*) *Леонидъ* считается лучшимъ изъ пѣхъ произведеній *Давида*, коихъ содержаніе заимствовано изъ Древней Истории. *Изд.*

Довольно, что и тогда эпотъ грубіанъ Императоръ помѣшалъ мнѣ имѣнь мѣсто въ картинѣ Давида. Ахъ! я была очень хороша! Тому уже двадцать лѣтъ—но истинное благородство не спаръется!—А? Да вошь онъ и самъ—доспойнѣйшій, любезнѣйшій, прелеспнѣйшій изъ нашихъ художниковъ!..

Жер. Сударыня...

Граф. Вы меня не знаете, Баронъ! Я Графиня де Синекуръ. Вы должны хорошо знать Графа, моего мужа. И предувѣдомляю васъ, что я хочу васъ беспокоить. Вы должны написать меня. Г. Директоръ Изящныхъ Искусствъ особенно меня вамъ рекомендуетъ.

Жер. Я употреблю всѣ усилія, сударыня, чтобы удовлетворить вашему желанію, по окончаніи большой моей картины.

Граф. Да вы меня не понимаете, Баронъ! Именно въ Картинѣ Коронаціи вы и должны мнѣ дать почетное мѣсто. Да непременно! Я буду сидѣть, сколько вамъ угодно.

Жер. Ахъ, Боже мой! Въ какое приводите вы меня замѣшательство, Графиня...

Граф. Ничего не бывало, Баронъ! Какое замѣшательство! Я знаю, что вы мнѣ не можете отказать: я нахожусь въ спискѣ.

Жер. По несчастію, сударыня, списокъ точно сосипавленъ; но мнѣ навязали сполько Герцоговъ и Графовъ, сполько Маркизъ и Гра.

Финь, чпо всего полонна не доспанспъ на однѣ имена ихъ.

Граф. Не надѣйпесь испугать меня. Я не опспану опъ васъ. Я поспараюсь васъ обольспипъ, Баронъ. . .

Жер. Споку ли я того, сударыня?..

Граф. Викомпъ мнѣ искренній другъ : онъ позволилъ мнѣ имѣпъ мѣспо въ вашей карпинѣ : и пакъ , эпо почпи моя собспивенностъ. . .

Жер. улыбаясь. Вы хопипте сказапъ — дача, сударыня! Но вы забываете, чпо мы живемъ уже не во времена Имперіи. . .

Граф. Я знаю, сударь, чпо вы имѣете много оспроумія. Спало быпъ, вы можете очень хорошо пониматъ и то, чѣмъ обязаны вы Полипикъ, если вѣжливостъ вамъ неизвѣспна...

Жер. Ахъ, Богъ мой! . . . Полипика мнѣ не по ремеслу, а вѣжливостъ не по лѣпамъ!

Граф. Такъ не ужели я ошиблась, сударь... Ахъ! да вопъ и мужъ мой! Ну—все пропало...

Графъ, сопровождаемый слугою. Положи хорошенько плащъ, ордена и шляпу на эпихъ спуляхъ! Спупай! — Вы видипте , Баронъ ! я обдумалъ все. . . коспюмъ мой полонъ. . . Примѣчая жену свою. Какъ! Вы здѣсь , сударыня! . . . Эпо пакъ спранно. . .

Графиня. Я не вижу, сударь, ничего предосудительнаго въ моемъ поступкѣ.

Графъ. Вы инприганпка, сударыня; вась вездѣ видно; вы на все поспѣли! Какъ могла вамъ войти въ голову глупая мысль бытъ предспавленной въ Карпинѣ Коронаціи?..

Графиня. А вы развѣ въ ней не будете предспавлены, сударь?..

Графъ. Эпо дѣло совсѣмъ другое. Я лице историческое!

Жер. Г. Графъ, Гжа Графиня—вамъ не должно счишашся между собою. . .

Графъ. Вы меня обманули, сударыня! Вы нашли способъ подлесшиться къ Г. Директору Изящныхъ Искусствъ: эпо уже черезъ чуръ смѣшно!..

Графиня. Совѣшую вамъ не упрекать меня инприганпспивомъ. Вы — самый неуспрашимѣйшій льстець. . .

Графъ. И все эпо — изъ суешнаго самолюбія, изъ кокепспва. . .

Графиня. А вы, сударь!.. Вы изъ чего разыгрываете молодого человѣка? Я знаю, какъ вы не можете терпѣть охопы — и со всѣмъ шѣмъ, съ самой ранней зари, вы уже на ногахъ, вооружены съ ногъ до головы...

Графъ. Нужды нѣтъ, сударыня! Я поспараюсь разспроинь ваши планы. Еще паки, если вы подумали о дочери!.. Ей конечно не мѣшалобъ бытъ предспавленной на эпой карпинѣ... Но вы!..

Графиня. Вы, сударь, ужаснѣйшій эгоистъ! Дочь служишь вамъ только предлогомъ!.. Она очень мало значила для васъ; когда вы безжалостно волочили ее за процессіями Юбилея, не смотря на слабое ея здоровье!.. Но конечно — надобно было показаться себя... хопя въ сердцѣ и ни на волосъ нѣтъ вѣры. . .

Графъ. Вы забываете, сударыня, что мы здѣсь не одни. Но вошъ и Г. Шевалье Требюше: онъ извѣстилъ васъ о желаніяхъ Двора...

Требюше. Кажется, я не обманываюсь? Конечно съ Живописцемъ Короля я имѣю теперь удовольствіе говорить? . .

Жер. А я, милосливый государь, кому имѣю честь быть обязанъ посѣщеніемъ?...

Треб. Какъ? Вы меня не знаете? Я Шевалье Требюше, Исторіографъ Коронаціи! Думаю, что Дюра говорилъ уже обо мнѣ съ вами...

Графъ въ сторону. Дюра? Какая дерзость! Громко. Въ самомъ дѣлѣ, Его Свѣшлость Герцога де Дюра очень виноватъ, забывши о Г. Исторіографѣ! . .

Треб. Гдѣ же картина? А—вошъ она!.. Не дурно!.. Говорили, что она будетъ больше, шакъ что фигуры будутъ въ восемь футовъ вышиною... Ну—а гдѣжъ я? Я себя не вижу...

Жер. Васъ, сударь?..

Треб. Parbleu! Да развѣ я Турецкій Сул-

пань... я, Шевалье Требюше, Исторіографъ Коронаціи?, Мнѣ оповѣдено особое мѣсто въ Соборѣ; я долженъ быть на своемъ мѣстѣ и въ карпинѣ...

Жер. На своемъ мѣстѣ, сударь... я поспараюсь васъ помѣспинѣ памѣ!...

Графиня къ Требюше. Чего вы пребуеете, сударь?—Да я... меня самой нѣпу здѣсь!...

Трев. Но, сударыня, вы и я—двѣ розныя вещи!... Разсматривая картину въ лорнетъ. Однако, Баронъ, я ничего здѣсь не понимаю! Эпо совсѣмъ не такъ! Развѣ Вальри не присылалъ вамъ изъ Луврской Библіотеки Церемоніала Коронаціи нашихъ Королей?...

Жер. Я не имѣю чести знать ни Г. Вальри, ни Церемоніала...

Трев. Какъ? Да кудажь вы годишесь? Ваша картина будетъ совершенная дрянь!... Извольте, сударь, писать такъ, чпобы всѣ обряды были выполнены пунктуально—точно такъ, какъ бывало при Коронаціяхъ Людовика XIV, XV... Я вамъ помогу своими софѣсами. Вы знаете, чпо это уже мое дѣло...

Жер. Государь мой! Вы еще очень молоды! Вы видѣли одну коронацію—я ихъ видѣлъ двѣ!... Вы еще были въ школѣ, когда я получилъ мои лучшія художническія награды!... Вы изучали эпикеспъ—я природу... И такъ позвольте мнѣ обойтись безъ вашихъ драгоцѣн-

ныхъ совѣшовъ. Еслибъ Его Величеству, Королю, угодно было имѣть родословную галерею или гербовый щипъ, Онъ конечно заказалъ бы эту работу не мнѣ, а Г. д'Озье (*).

Графъ. Г. Баронъ говоритъ правду! Дѣло маспера боится! — И такъ вы представили меня съ лѣвой стороны, любезнѣйшій! Нужно, чпобы знаки опличія на мнѣ были видны. . . эпо не для меня, а для дѣшей моихъ. . .

Графиня. Г. Баронъ, если вы помѣстите моего мужа, я хочу быть непременно съ нимъ. Иначе, я буду больна! . . . Сверхъ того, вы помѣщаете даже Каммергера: вопъ уже пяпнадцать дней, какъ вы даете ему засѣданія — онъ хвастается эшимъ вездъ. . .

а) *Жераръ* вѣчески спарался избѣжать жесткости и принужденности церемоніальнаго эпикена, въ слѣдствіе коего всѣ фигуры должны бѣ были имѣть однообразное положеніе. Его картина, какъ видно изъ приложеннаго очерка, представляетъ ту мину, когда Король, возсѣда на пронѣ, по совершеніи миропомазанія, принимаетъ привѣтствія отъ *Принцевъ Крови*, между тѣмъ какъ всѣ зрители, въ восторгѣ, восклицаютъ: *да здравствуетъ Король!* Посреди церкви, *Архіепископъ* продолжаетъ еще приывать благословеніе небесное на помазаннаго Монарха. Группы распределены мастерски. Онѣ составлены изъ погдашнихъ важнѣйшихъ Особъ Королевства. Напередѣ: *Виконтъ де Латур-Мобуръ* и Герцогъ *д'Омонъ*. Подлѣ ихъ нахо-

ЖЕР. улыбаясь. А! Каммергера!... Если вамъ угодно, сударыня, я сдѣлаю для васъ поже, чпо для него.

Графиня. Такъ въ добрый часъ! Я увѣрена была, чпо никакой Баронъ не позволилъ себѣ проспунипсья прошивъ законовъ Французской вѣжливоспи.

Кам. входя. А! Вы здѣсь... Графъ... и Графиня!.. Еще лучше!.. Понимаю—вы въ числѣ просипелей — пускаетесь въ инприги!... Не правда ли, Баронъ—въ инприги!..

Графъ. Parbleu! Вы суешесь вездѣ и гордишесь пѣмъ, чпо успѣли прежде насъ...

Графиня иронически. Г. Камергеръ имѣетъ чинъ Полковника... Безъ сомнѣнiя эшо доспавило

дяпсь: Кардиналь *де Клермон-Тонеръ*, стоя, и Кардиналь *де Ла Фаръ*, сидя. Въ спорону, на право: *Поиньякъ*, *Лористонъ*, *Бриссакъ*, *Журданъ*, *Ла-Рошефуко*, Маршалы *Тревизскiй* и *Далматiйскiй*. Съ другой спороны, къ серединѣ, видѣтъ Канцлеръ, у кошпораго слѣва: Князь *Талейранъ* и Герцогъ *д'Аваре*. За ними стоятъ: *Брезе*, *Сен-Феликсъ* и *Буажеленъ*. Спереди, въ шой же споронѣ, сидитъ Герцогъ *д'Узесъ*, съ повелиптельнымъ жезломъ. Герцогъ *де Конельяно* спонитъ съ мечемъ Коннепабля. Подлѣ него: *Малье* и *Фиц-Жамъ*. *Круссоль* не много подалье. Совершенно впереди, на лѣво, спонитъ *Серре*, одинъ изъ пѣлохранипельной дружины, съ алебардой. Во глубинѣ карпины хоры, на коихъ помѣщены Принцессы. *Изд.*

ему возможность пробраться въ Королевскій Шпабъ. . .

Кам. И въ полномъ гусарскомъ мундирѣ, сударыня—съ вашего позволенія!—

Графиня. Вы въ гусарскомъ мундирѣ? А я ожидала увидѣть васъ въ нарядѣ пѣвчаго. . .

Кам. А Г. Графа — въ дьяконскомъ спихарѣ. . . безъ сомнѣнія? . .

Графъ. Полно-ше ворошить спарину, Г. Каммергеръ. Я не знаю, кто изъ насъ больше выиграетъ. . .

Кам. И вы здѣсь, Требюше! Parbleu, я очень радъ! Вы мнѣ скажете, хорошъ ли я! Ахъ! Мѣсто почешное, на первомъ планѣ, подлѣ самой подушки, на копорой споялъ Король! . . Скажете правду, я и сидѣлъ довольно долго. . . но Баронъ умѣлъ попрафить! Голова, правду скажутъ, слегка только накинута. . . За шо платье удивительно какъ вѣрно. . .

Треб. вода лорнешомъ по картинѣ. Parbleu, Каммергеръ! да гдѣ же вы? Я ищу васъ вездѣ и не могу найсти. . .

Графиня. Вотъ прекрасный гусаръ... да это Герцогъ Орлеанскій!

Кам. Именно — это и долженъ быть я. . . Смотрите. Но что это значить?.. Меня нѣтъ... Это голова Герцога Орлеанскаго на моихъ плечахъ! . . Какой ужасъ! . .

Жер. улыбаясь. Чпощъ дѣлать, сударь... выс-

ная воля... эпікептъ... спросите у Г. Историографа. . .

Всѣ смѣясь громко. Ха! ха! ха!

Графиня надрываясь со смѣху. Ахъ! мнѣ хопѣ умереть. . .

Графъ. Эпо безподобно!

Кам. съ яростью. Довольно, сударь! Я сумѣю съ вами раздѣлаться. Уходитъ.

Графиня смѣясь. Сей часъ бѣгу развезти эту исторію по всему Парижу! Уходитъ.

Графъ. Теперь, Баронъ, я надѣюсь, что мы начнемъ наше засѣданіе. . .

Жер. Съ великимъ удовольствіемъ, Г. Графъ. . . и конечно съ коспюма. . .

Графъ холодно. Понимаю! Уходитъ.

Треп. Мнѣ очнь пріятно, милоспивый государь, что я вполнѣ узналъ васъ. Будьте спокойны. . . Я не только Историографъ Коронаціи. . . я участвую также въ Ежедневникъ... Прощайте! Уходитъ.

Жер. Ахъ! когда мнѣ доведется написать вспушленіе Генриха IV! . .

VI.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Мѣсяцословъ на 1831-годъ. *С. П. б. при Императорской Академіи Наукъ.* — Съ того времени, какъ изданіе Санктпетербургскихъ мѣсяцослововъ препоручила Академія члену своему Г. Астроному *Тарханову*, необходимая книжка сія выходитъ ежегодно съ новыми улучшеніями и полезными прибавленіями. Въ N 1 *Новаго Магазина Естественной Исторіи, Физики и Химіи* на 1830 годъ, помѣщено полное обзорѣніе всѣхъ перемѣнъ, которыми расположеніе Россійскихъ календарей подвергалось съ самаго ихъ начала по 1830 годъ; а попому, не имѣя надобности повѣрять здѣсь уже извѣстное, предложимъ нѣсколько замѣчаній только на новый Календарь, который многимъ отличаетъ даже отъ прошлагодняго, какъ въ астрономическомъ своемъ отдѣленіи, такъ и въ прибавленіяхъ.

Въ первомъ отдѣленіи важнѣйшія справки каждаго мѣсяца суть: 1, 3 и 4. На первой справкѣ къ шести столбцамъ прибавленъ *седьмой*, содержащій числа новаго шпиля; а надъ четвертымъ, пятымъ и шестымъ помѣщены примѣчнѣйшія заглавія. Чпужъ касается до справки 3 и 4, то въ ихъ расположеніи не сдѣлано никакихъ перемѣнъ, кромѣ того, что присоединены также числа новаго спиля. Впрочемъ надобно замѣнить, что на 4 справкѣ нечего и перемѣнять. Послѣ астрономическихъ ежемѣсячныхъ показаній слѣдуютъ: 1) общая таблица положенія планетъ на 1 день каждаго мѣсяца по меридіану С. Петербургскому; 2) о временахъ года и зашмѣніяхъ

луны и солнца; 3) время восхожденія и захожденія солнца въ Астрахани, Кіевѣ, Тобольскѣ, Ригѣ и Архангельскѣ; 4) церковное счисленіе; 5) изъясненіе знаковь; и наконецъ 6) изъясненіе упопребленія мѣсяцослова. Всѣ сін спашы, кромѣ последней, помѣщались и въ календаряхъ прежнихъ годовъ.

Видя усердное желаніе Г. *Тарханова* совершенствоватъ свое изданіе, надѣемся, что онъ обратитъ вниманіе на замѣчанія, исполненіемъ которыхъ можно, по нашему мнѣнію, сравнять Русскій Календарь съ лучшими *Эфемеридами* другихъ Европейскихъ Государствъ. Кажется, что для сего должно сдѣлать слѣдующія перемѣны:

I. Изъ *пятяго* столбца первой страницы каждаго мѣсяца надобно совсѣмъ исключить первое его отдѣленіе, какъ совершенно излишнее; а второе, въ которомъ означены видоизмѣненія (фазы) луны, перемѣстить въ низъ страницы, такъ какъ дѣлается сіе въ *Connaissance des Temps*, и расположить показанія въ двѣ строки. Остъ сихъ перемѣнъ останется болѣе мѣста для третьяго отдѣленія, въ которомъ также необходимо упоминаетъ о зашмѣніяхъ: ибо для сихъ явленій отдѣлена въ Календарѣ особая страница. Такимъ образомъ откроется возможность отдѣленіе сіе распространить. Мы желали бы найти въ немъ не общія выраженія: «*наибольшее отдаленіе*, «*наименьшее разстояніе*», но почныя числовыя величины наибольшаго и наименьшаго разстоянія солнца отъ земли, и его видимаго полудіаметра въ теченіи каждаго мѣсяца; еще горизонтальный параллаксъ луны подъ экваторомъ и ея полудіаметръ въ полдни. Также считаемъ излишними надписи о числѣ дней мѣсяца, потому что не трудно взглянуть на конецъ страницы,

ТЕЛЕСК. Ч. I.

15

II. Третья страница въ общесписенной жизни никогда не употребляется, развѣ осьмой ея столбецъ нуженъ для узнанія времени освѣщать Петербургскія и Московскія улицы; и шакъ всю сію страницу должно преобразовать совершенно съ шѣмъ, чшобъ она сдѣлалась полезною для астрономическихъ вычисленій, хотя нѣсколько приближающихся къ точности. Это преобразование надобно начать исключеніемъ претяго столбца, какъ находящагося уже на первой страницѣ; потомъ, раздвинувъ слѣдующіе столбцы, полезно бы помѣстивъ за нихъ секунды и минуты долготъ солнца и луны; а два послѣдніе столбца замѣнивъ широтами луны. Припомъ кажется, можно бы умѣстивъ на одной страницѣ долгоны и широты луны для полдня и полночи каждаго сутокъ: ставить только вмѣсто *изображеній* знаковъ эклиптики употребивъ *числа* оныхъ. Чшожъ касаясь до столбцевъ, назначаемыхъ къ исключенію; то *осьмой* изъ нихъ перенесши на 4 страницу вмѣсто чиселъ новаго стиля, а *девятый* — къ общей таблицѣ положенія планетъ.

Если бы сіи предположенія были исполнены, то С. Петербургскій Мѣсяцесловъ превратился бы въ хорошую *эфemerиду*, составленную хотя по одному Россійскому меридіану.

Переходимъ къ послѣдней статьѣ Астрономическаго отдѣленія, къ *изъясненію употребленія мѣсяцеслова*. Въ Календарь, назначенномъ для общаго употребленія, два предмета заслуживаютъ особенное вниманіе: *счисленіе* и *измѣреніе времени*. Оба сіи предмета зависящъ отъ движенія солнца: почему неизлишне было бы—объясненія касательно стараго и новаго стиля и уравненія времени дополнить, краткимъ изложеніемъ причинъ, производящихъ неравенства солнечнаго движе-

лія, дабы яснѣ показати: что есть *тропическій годъ*, въ чемъ состоятъ разность между *истинными* и *средними временами*, и какимъ образомъ Астрономы достигли до нихъ уравненій. Такое изложеніе для Русскаго Календаря необходимо: ибо у насъ еще многіе жалуются на часы за то, что они идутъ согласно съ солнцемъ. Другимъ полезнымъ прибавленіемъ къ приложенному *изъясненію* считаемъ исползованіе *предваренія равноденствій*, оныя котораго точка весенняго равноденствія подвинулась къ западу на цѣлый *знакъ* противъ соотвѣствующихъ *созвздій*. Смыслъ разрѣшился бы недоумѣніе многихъ, которые походятъ планеты не въ томъ мѣстѣ неба, въ какомъ показаны онѣ въ Календарѣ на третьей страницѣ каждаго мѣсяца. Сии наблюдатели даже не подозреваютъ, что есть различіе между *знаками зодиака* и *созвздіями*. Съ присоединеніемъ такихъ дополненій, *изъясненіе употребленія мѣсяцслова*, при всей своей краткости, сдѣлалось бы совершенно удовлетворительнымъ. Впрочемъ надобно благодарить за помѣщенные уже замѣчанія. Преступные издавали календарей объ нихъ не думали и, кажется, о совершенствѣ своего изданія ни мало не заботились.

Между разнообразными *приложеніями* къ астрономическому отдѣленію Календаря, всякой съ особеннымъ любопытствомъ остановившійся на таблицѣ народонаселенія городовъ и мѣстечекъ Россійской Имперіи; также на обзорѣ нашей торговли въ 1829 году и на исчисленіи различныхъ припасовъ, гвезенныхъ въ С. Петербургъ чрезъ однѣ заставы. Таблица народонаселенія въ первой разѣ помѣщена была прошлаго года; нынѣшняя расположена въ лучшемъ порядкѣ и дополнена городами Черниговской Губерніи. Числожъ

касается до упомянутого обозрѣнія, то оно совершенно новое. Въ другой любопытной и новой таблицѣ издатель собралъ наблюденія надъ *наклоненіемъ* и *отклоненіемъ* магнитной стрѣлки; только для въкопныхъ читателей надлежало бы предложить хотя краткое объясненіе сихъ явленій и употребленіе послѣдняго изъ нихъ при установленіи солнечныхъ часовъ, которые весьма нужны для отдаленныхъ нашихъ провинцій.

Наконецъ вниманіе нашихъ читателей обращаетъ на климатъ С. Петербурга. Знающій великолѣпіе Сѣверной Столицы Россіи и удобства, которыми пользуются ея жители, взглянувъ на выписку изъ метеорологическихъ наблюденій, невольно изумится величію гегія, дѣятельности и неопечительности Петра I и его преемниковъ. Въ странѣ пустынной и, по видимому, вредной для здоровья, основанъ обширнѣйшій городъ, котораго великолѣпіе и населенность увеличивается ежегодно. Столь чудесныя средства, дарованы человеку; его просвѣщенной воля покоряется природе. Д. П.

—СѢВЕРНЫЕ ЦВѢТЫ на 1851 годъ. С. П. Б. Въ *Типографіи Департ. Народ. Просв.* 1850. — Было время на Альмапахъ — и на что его не бываесть! . . . Блещущій успѣхъ *Полярной Звѣзды*, родоначальницы ихъ эфемернаго поколѣнія, возбудилъ тѣмъ подражаній, кои сначала бывали довольно удачны. Но — по непреложному ли закону искаженія, тяготящему надъ всеми дѣлами рукъ человеческихъ, или, можетъ быть, въ слѣдствіе черныхъ годовъ неурожая, весьма естественнаго въ настоящее время литературной слякоти — сии сборники, отличавшіеся прежде полноцію и свѣжестью, начали мало по малу помрачнѣть и выды-

ханься, шакъ чшо наконецъ изъ букетовъ и вѣнковъ превратились въ хворостъ и въ вѣники. Опішого-порѣдкіе изъ нихъ существу ютъ долѣ проекарпанаго обявленія въ газетахъ: большая же часть умираетъ при самомъ рожденіи и выметається съ соромъ къ тому жъ новому году, для котораго назначалась обшоваю. Одни только *Сверныге Цвѣты* все еще держатся: и на пывшій годъ, въ свое время, выглянули опяшь изъ подъ сѣвга. Старые знакомые! Милости просимъ. . . . Какъ ни нападаюць на пристрастіе къ *и.и.стали* — а онъ имѣють, право, магическую силу! Явись топіъ же сборникъ, подъ другимъ названіемъ... иной бы и не заглянулъ въ него! Но *Сверныге Цвѣты* — которые сполько лѣтъ *прозябали* къ удовольствію публики — какъ ихъ не поіпрепать, какъ не поіслѣлять?.. *Honny soit qui mal y pense!*..

Но—увы . . .

Ничто отъ роковыхъ когтей,

Никая шварь не убѣгаеть!..

И *Сверныге Цвѣты* заплашили дань неизбежной судьбѣ всего подлуннаго!.. Они прежде *прозябали* — теперь *прозябли*!.. Измятые, поломанные, осыпавшіеся—едва можно узнать ихъ!.. Ахъ! чшо съ вами сдѣлалось, прекрасные цвѣтники!..

Али васъ, али васъ

Краснымъ солнцемъ выпекло?

Али васъ, али васъ

Частымъ дождемъ выскло?..

На усердіе собираателя, кажется нельзя, поіштовать. Цвѣты рвалъ онъ и теперь не по болошамъ... Увы!.. Оіпається повторить снова — или нынь годы неурожайные, или Альманахи опжили вѣкъ свой!..

Тѣмъ не менѣе должно однако сознаваться, что *Сиверныя Цвѣты*, въ настоящее своею прозвѣннѣ, представляють не одно изсохшее быліе, не одинъ пырей липературный. Въ нихъ попадаются еще правинки, дышущія свѣжестью и благовоіемъ. Но ихъ надобно опыскивать между верескомъ, сухимъ и безжизненнымъ!....

Прозаическая часть Сиверныхъ Цвѣтовъ, какъ и всегда, обширнѣе *стихотворной*. Съ удовольствіемъ должно замѣнить, что обзоръ *Россійской словесности*, конитъ она, по обычаю, начинается, показываясь въ обзорѣвателѣ вниманіе къ совыпамъ, на которые для него досель не скупились. Онъ отступился отъ прежнихъ препензій на *высшіе* философическіе *взгляды*, возбуждавшіе бывало смѣхъ и горе—даже въ *Московскомъ Телеграфѣ*; и ограничился, по просту, безъ запѣй, испорического переченію замѣчательныхъ произведеній Русской Липературы, за *вторую половину 1829 и первую 1830 года*. То-то и есть—давно бы такъ надобно!... А то—что давалъ врагу радоваться?.. Теперь можно не соглашаться—но смѣяться за то не надъ чѣмъ!.. При оцѣнкѣ исчисляемыхъ произведеній, почтенный обзорѣватель слѣдуетъ своимъ собственнымъ началамъ, которыя оспаривать и совысно и бесполезно: ибо онѣ опредѣляются его домашними отношеніями къ Русскимъ Липераторамъ, а не къ Русской Липературѣ. Должно однако признаваться, что нѣкоторыя отдѣльныя замѣчанія очень вѣрны и остроумны. Таково н. п. сравненіе трехъ Русскихъ современныхъ романовъ: «*Монастырка* (А. Погорѣльскаго) воспирана въ обществѣ благородныхъ дѣвицъ, *Федора* (П. Сумарокова) въ кабацъ, а *Иванъ Выхлебинъ*—въ собачей канурѣ» (с. 75). Но—замѣчанія на *Исторію Русскаго*

Нироди, можешъ быти, потому, чпо въсь чужія—не сильно предснавлены и не занимательно изложены!—*Квартетъ Бестговена* (101—119) прекрасенъ: онъ написанъ живо, свободно и—обличаетъ въ сочинителѣ душу, для копорой понятны высокія паниспва генія. Съ удовольствіемъ также можно прочипать главу изъ *Историческаго Романа* (225—256), въ коей бытъ Малоросійскій изображается вольною и широкою кистью. За то *Монастырь С. Бригиты* (125—176), *Тита Космократови* слишкомъ дорого заспавляетъ поппаппсья за это удовольствіе. Пустота содержанія, вялость разсказа, пошлыя оспроты, тупыя шупки, безпреспанныя обмолвки прошивъ языка—ну чпо это такое! И смѣшно и жалко!...Долго-ль еще будеть продолжаться это несчастное повѣпріе повѣспей на Ливонію? А все про все *Ревельскому Турниру* спасенбо! Это едвали не соная на него пародія!—Имѣвъ перпѣвнє допачипсья до конца, вниманіе такъ надсѣдается, чпо сѣдующее *письмо III изъ Турціи* (177—224), терлетъ для него, по причинѣ опышки, большую часть занимательности. Таково вліаніе опаснаго сосѣдства!—*Выдержки изъ записной книжки* (251—271) *Трилунаго* составляютъ для *Сьверныхъ Цвѣтовъ* убыточную передержку. Грѣхъ большой на душѣ того, кпо запѣялъ у насъ эти *выдержки*! Нашей литературы надобно еще выучипсья *придерживатсья*!—Между тѣмъ—*отрывковъ изъ путевыхъ записокъ* (120—124) *Княгини З. А. Волконской*—жалъ, чпо слишкомъ мало!..Распоряженіе, право, не слишкомъ хозяйспвенное!—Все это не мѣшаетъ однако сознатсья, чпо проза *Сьверныхъ Цвѣтовъ* носитъ на себѣ признаки цвѣшенія.

Теперь—если сія часть Альманаха поспрадала опъ ху-

даго распоряженія, по—въ стихотворной его части, къ сожалѣнію, и распоряжались было не чѣмъ! Такая нищета, такая мерщвенность!.. Блестящія имена знаменитыхъ поэтовъ освящаютъ только ярче пустоту разрушенія, всюду царствующаго. Онѣ выглядываютъ подобно величественнымъ легендамъ на древнихъ монетахъ, изъѣденныхъ ржавчиною. Удивительное дѣло!... *Пушкинъ* какъ будто хотѣлъ подшутить надъ самимъ собой, или, можетъ быть, изъ снисходительности, не хотѣлъ собой заимѣвать обществу, въ которое приглашенъ по пріязни. Стихотворенія, скрѣпленные его именемъ, всѣ такъ посредственны... чуть чуть не ничтожны. Одинъ только *Монастырь на Казбекѣ* (47, 48) играетъ лучами таланта, особенно въ заключеніи:

Далекій, вождѣнный берегъ!
Тудабы, сказавъ прости ущелью,
Подняться въ вольной вышинѣ,
Тудабы въ—заоблачную келью,
Въ сосѣдство Бога, скрыться мнѣ!....

Изъ небольшихъ піесокъ *Θ. Н. Глинки* только: *Непонятная вещь* (17) и къ *Синему небу*, (52) достойны Поэта. Особенно въ последней душа его очень отзывается.

Синее небо! синее небо!
Алмазныя звѣзды!...
Залегте, упоньте
Въ раскрытую душу,
Какъ понете вы величаво
Въ хрустальномъ, глубокомъ попокѣ!...
Ахъ! какъ бы я веселъ, ахъ! какъ бы я счастливъ
И радостенъ былъ,
Когдабы я могъ слышать, когдабы я могъ вѣрить,
Что небо въ душѣ я ношу!...

Шевырева — Чтеніе Данта (7)—опливающееся глуби-

ною мысли, искупаешь странную мылкопу нѣсколькихъ другихъ стихопвореній, подъ коими не хотѣлось бы чипать его имени. Вотъ оно:

Что въ морѣ купаться, то Данша чипать:
 Стихи его тверды и полны,
 Какъ моря упругія волны!
 Какъ сладко ихъ смѣлымъ умомъ разбивать!
 Какъ дивно надъ рѣчью глубокой
 Есплываешь ты мыслию высокою:
 Что въ морѣ купаться, то Данша чипать:

Не такъ глубока, но за то довольно свѣпла и жива
 мысль о Югѣ (5, 6) *Туманскаго*:

Я взлелѣянь югомъ, югомъ,
 Яснымъ небомъ избалованъ;
 Къ югу, югу вѣрной думой,
 Словно цѣпью я прикованъ.

Посмотри: тамъ волны моря
 Бьются, плещуть голубыя,
 Всѣ осыпанныя блескомъ,
 Какъ надежды молодыя!

Посмотри: тамъ пирамида—
 Тополь въ виноградныхъ лозахъ;
 Вкругъ фонтана вьются розы
 И балконъ алѣетъ въ розахъ!

Посмотри: тамъ черны очи,
 Черны очи съ долгимъ взоромъ,
 Съ огнедышущей любовью,
 Съ огнедышущимъ укоромъ!

Тамъ гармонія, сіянье,
 Благовонье, наслажденье;
 Сѣверъ гордый! сѣверъ гордый!
 Чтожъ пы дашь мнѣ въ упышенье!

Изъ остальныхъ стихопвореній, воззваніе *К. Вяземскаго къ Журнальнымъ Благопріятельмъ* (119—122)

имѣеть по крайшей мѣрѣ прелесть и силу искренно-
сти. Оно дышетъ праведнымъ негодованіемъ на измѣ-
ническое въроломство опогрѣшой у груди неблагодар-
ности. Дѣйствительно, больно и вчужь видѣть, какъ

.....въ угарѣ своеволя,
Забывъ и долгъ, и тестъ, и связь,
Противъ опеки *сердоболья*
Больница буйно поднялась.

К. Вяземскій имѣеть полное право сказать жесточайшимъ своимъ гошпелямъ, окликающимъ его безъ умолка съ вершины *Московского Телеграфа*:

Неблагодарные! не я ли
Изъ хаоса небытія
Васъ вывелъ въ жизнь! Вы *прозябали*,
Вы были мертвы. Въ *добрый часъ*
Не я ли *въ люди* вызвалъ васъ!....

Такъ! это правда—сухая правда... Но только въ *доб-
рый ли* полно *часъ*!... Ахъ! не объ однихъ *жестяковыхъ*
можешь сказать оскорбленный поэтъ:

Сжигалъ я ладонь передъ ними,
Но сердце съ ладономъ прожегъ;
И я съ убытками одними,
А опкуриться все не могъ....(83)

И сколько другихъ — повторяютъ или будутъ по-
впирать шожу! — Это, на перечетъ, всѣ былинки,
оплывающіяся въ *Сверныхъ Цѣпяхъ* поэтическою
зеленью. Прочія прилепленные, или лучше, наплевен-
ные на нихъ прозябанія—или еще не доросли, или про-
росли уже слишкомъ. Объ опрывкахъ изъ новаго ро-
мана *Баратынского* — коего имя спрашно произ-
нести предъ чинапельницами—говорить нѣчего. Увѣря-
ютъ, что романъ сей особенно отличаетъ *новостію по-
ложений дѣйствующихъ лицъ* (!!!)—это весьма въролом-

но!... Только въ опрыскахъ, помѣщенныхъ въ *Сѣверныхъ Цвѣтахъ*, благодаря Бога, до этого еще не доходило. Правда—описаніе героини романа уже озадачивашъ довольно на первый случай:

Она назвать его хотѣла,
Она родныя пѣсни пѣла,
Она по спульямъ, по споламъ
Съ живыми кликами скакала;
Она при немъ по пустякамъ,
Какъ можно громче хохотала! (47)

Изряднѣ также и языкъ героя;

„Что это смотришь ты совою?“
Сказаль онъ; „Сара, что съ тобой?“
Да молви слово!“ (36)

Это однако выдастся за *цвѣты*?.. Можнобы было также посовѣтовать и *Г. Деларю*, вздумавшему слишкомъ уже наивно подражать *Горацию* (51), имѣть побольше уваженія къ *Граціямъ*. Право—Поэзіи не выгодно и не прилично жить въ разладъ съ спыдливостью!...

Въ заключеніе, говоря о *Сѣверныхъ Цвѣтахъ* вообще, должно пожелать имъ на будущій годъ...юга, юга!... Цвѣсти—такъ цвѣсти!.. Иначе—лучше увянуть, чѣмъ вянуть!...

— альціона. *Альманахъ* на 1831 годъ. *Изданъ Барономъ Розеномъ. С. П. Б. Въ Тип. Плюшара. 1831.*—*Баронъ Розенъ*, примѣтно, имѣетъ страсть къ Литературѣ. Въ слѣдъ, или почти вмѣстѣ съ поэмою, копорая уже была разсмотрѣна въ *Телескопѣ*, онъ предсѣвляетъ публикѣ *Альманахъ*, коего не малую часть составляютъ собственныя его произведенія въ стихахъ и прозѣ. Усердіе очень похвальное! *Альманахъ* эпошъ конечно не естъ важное какое-нибудь сокровище для нашей Словесности; но онъ не

оспавають чинтапелей и въ совершенномъ накладь. Самъ издапель не имѣеть несчастія быти мученикомъ своей охоты: у него естъ палантъ, изъ подлежащій сомнѣнію. Жаль шолько, что эпопѣя палантъ не успѣлъ еще выровнятися. Воображеніе, не покоренное здравымъ вкусомъ, слишкомъ добродушно предається мечтаніямъ и иногда, можетъ быти, безъ вѣдома и намѣренія, забродитъ такъ далеко... такъ далеко.. что весьма не рѣдко приличіе, а иногда самый даже смыслъ оспаюется назадъ. *Амціона* начинається повѣстью: *Константиъ Левенъ* (I—II2), взятою изъ *Записокъ Издапеля*. Повѣсть эта очень не дурно сложена и мѣстами изложена очень изрядно. Содержаніе ея заимствовано изъ радужной хроникъ Немецкой мечтапельности. Молодой энтузіастъ, любимый до изступленія любимой дѣвушкой, за нѣсколько дней до брака, благословеннаго родителами и освященнаго заветомъ дружбы, успунаетъ ее своему другу, изъ фантасмическаго героизма! Основа повѣствованія раскинута довольно связно и хорошо: пошкана такими узорами, что иногда въ глазахъ рябитъ. Солодѣя, такъ сказать, въ чувствованіяхъ, издапель заговаривается иногда почти до нелзя. Такъ—описывая встрѣчу Елены, невѣсты мечтапелеля съ *Веллминскимъ*, копорому суждено было насладиться дѣйствительностью — онъ говоритъ, что сія прелестная дѣва «отверзла ему небо своихъ объятій и поднесла ему чашу нектара — уста полныя благовопыми лобзаніемъ» (с. 72). *Новобратный* одръ называется—на воспорженномъ нарѣчьи его — «блестящимъ, мирнымъ, заманчивымъ алтаремъ законнаго сладострастія» (95)! Часно Русскій языкъ, не вполнѣ еще имъ осиленный, выдаетъ его въ важнѣйшія

минуты самыхъ выпренныхъ изліяній : и тогда случается, что *нѣжныя перси* начинаютъ у него *высокими волнами бить (!) о мужественную грудь воина* (71); *день празднованія совпадаетъ (!) со днемъ рожденія* « (9): и много еще кой-чего въ подобномъ родѣ.

Всегожъ чуднѣе одна сцена, въ коей такъ осязательно передается *«Греческое понятіе о свободѣ въ обхожденіи половъ между собою»* (5—8), что самъ Издатель счелъ нужнымъ наконецъ *«набросить на нее покрывало Грацій»*, хотя спохватился нѣсколько позднее. Это конечно не кладетъ никакого пята на его чувства : ибо онъ въ младенческой простотѣ Аркадской невинности, върусптъ, что *«видъ красоты безъ покровъ внушаетъ благоговѣющую любовь къ наилучшему творенію Бога»* (8). Тѣмъ не менѣе однако едва ли можно посовѣтовать чтеніе *Константина Левски* не ослепенншемуся воображенію. Въ наши времена, Аркадская невинность есть анахронизмъ, весьма пагубный!.. Менѣе опасны, но за то менѣе имѣютъ и достоинства, спихотворенія издателя, коихъ довольное число въ *Альціонѣ*. Всѣ они удивительно какъ туманны! Одно изъ нихъ особенно, іероглифическое даже по названію— *Мирологъ* (?) — облечено мракомъ, сгущеннымъ до непостижимости. *Постоялый дворъ* (8—10) всѣхъ яснѣе — едва ли не—всѣхъ лучше. Изъ постороннихъ произведеній, составляющихъ *Альціонъ*, замѣчательны — въ прозѣ: *Сонъ и Странное Явленіе* (113—120) *Θ. Н. Глипки* и *Писательница* (157—182); опрывокъ изъ *воспоминаній о Германіи Н. И. Грега*. Сей опрывокъ разсказанъ очень хорошо, языкомъ чистымъ и свѣжимъ, безъ всякихъ претензій, свободно, еспественно. Спирани только, что почтенный Авторъ называетъ нѣсколько разъ *Княжнюю* мать чепы *Княже-*

ской!.. Изъ стихотвореній очень хороши: *Воспоминаніе* (50) и *Церковный звонъ* (62—63) *Трилунаго*, слыш-комъ однако вымѣщаемыя *Двумя Сестрами* (? — вѣроятно—*Сестрами*.. охъ! эпо правописаніе!) *Ротгева*, оканчивающимися шако:

Ломаешь вѣтку — воть въ рукахъ

Она запрепела..

Испуганный, бѣжитъ въ слезахъ —

Вдругъ вѣтка простонала:

„Дитя мое! ты погляди —

Какъ ножъ сестры дрожитъ въ груди!“..

И мать, какъ бы спрѣлою

Незримою, поражена,

Лежитъ недвижна и блѣдна,

• Предъ вѣткой роковою! (54)

О *Альциона*! Лучше бь тебѣ еще разъ лишиться *Цескис*!..

— *ЗАРЯ. Альманахъ для юношества, изданный М. Марковым. С. П. Б. Въ Тип. Н. Греча. 1831.* — Судя по назначенію, Альманахъ сей, долженъ бы, кажется, имѣть императорное значеніе и достоинство: ибо юношество есть такая степень возраста жизни, на которой начинается уже развертывавшаяся потребность эстетическаго образованія и пріемлемость для изящества. Между тѣмъ — эпо совершенно дѣтская книжка... собраніе сказочекъ и басенокъ!.. Оно бы конечно и ничего!.. даже очень хорошо бы!.. Ибо—сказать правду — дѣтскій возрастъ крайне нуждается у насъ въ чтеніи; и каждая книжка, для него сослужаемая, есть важная услуга воспитанію и дорогой подарокъ родителямъ и наставникамъ. Но, къ сожалѣнію, издатель *Зари*, не умѣвъ дать названія своей книжкѣ, не умѣвъ ее и устроить, порядочно такъ чтобы она соотвѣтствовала опредѣленному назначе-

нію. Соспавляюція ее повѣсти не удачны ни по содержанию, ни по изложенію. Самая первая изъ нихъ, подъ названіемъ: *Чтеніе* (1—34), представляеть песторію маленькаго шалуна, сдѣлавшагося презрѣніемъ негодяемъ и окончившаго наконецъ развращенную жизнь въ посрамительнѣйшемъ униженіи. Годны ли такіа раздрающія карпіны для дѣтей, оныя копорыхъ должно даже удалять мысль о несправимости?... Слишкомъ шворная сказка: *Волшебницы* (65—81) можетъ только заспращать и испорчить дѣтское воображеніе. *Юлия* (82—105) разсказана слишкомъ свысока, напыщенно. Къ довершенію эффекта, почтенный Издапель заблагоразсудить украсилъ свой Альманахъ липографированными карпінками, изъ копорыхъ самая первая—не смотря на выпечатавшіа на ней съ пропывулежащаго заглавнаго листка буквы—все еще такъ ясно представляеть *обнаженную Аврору*, что едва ли какая мать позволивъ полюбоваться на нее своей дочери, и въ дѣтспивѣ и въ юности!...

— АЛЬМАНАХЪ АНЕКДОТОВЪ. 1831 С. П. Б. въ Тип. Путей Сообщ. — Нѣкто Г. Зейдель увѣдомляеть въ краткомъ предисловіи въ этой недлинной книжечкѣ, что „*благосклонный пріемъ публикою Альманаха Анекдотовъ на 1830 годъ поощрилъ его къ изданію онаго и на 1831 годъ.*“ Если это правда, то почтеному Г. Зейделю слѣдовало бы за такое поощреніе ошблагодарить ее, какъ слѣдуетъ. Но онъ, кажется, о томъ не позаботился. Его книжка, копорой все достоинство должно заключаться въ новостяхъ и занимательности, соспавлена безъ всякаго разбора и вниманія къ публикѣ. Весьма не многіе—дѣйствительно забавные и остроумные—*Анекдоты* завалены вздоромъ и дрянью: пошлыми шутками, прѣсыми каламбу-

рами, беззубыми оспротами. Также очень нерѣдко старая ветшь, истершая уже давно, идетъ заново. Издапель не посовѣспился ворошнпъ костями покойнаго *Курганова Письмовника* и *Веселаго Разкащика*. Между тѣмъ у него же самаго помѣщенъ слѣдующій *Анекдотъ* (15—16): »*Рейналь*, извѣстный сочинитель *Философической Исторіи торговли Европейцевъ въ Индіи* и другихъ превосходныхъ твореній, имѣлъ слабоспъ всегда въ обществѣ веспн первый голосъ, и часпю надовдалъ слушателямъ разказами повѣспей, уже неоднократно имъ повтोरенныхъ. Во время пребыванія его при дворѣ Принцессы Ф... въ Фриденфельдѣ, Принцесса сія выдумала средство избавишься отъ упоминательныхъ разказовъ его. »Знаете ли вы,“ любезный Аббасъ,“ сказала она однажды,“ чпо съ вами хотпятъ сыграть шупку!“—«Какъ? со мною? осмѣливаюсь спроситъ Ваше Высочество, кпо и какимъ образомъ?»—«Мой Каммергеръ, Графъ Неаль, принялъ намѣреніе записывать всѣ разказы ваши, ежедневно повѣспуемые, и веспн онымъ журналъ. Я ему говорила, чпо эпо будепъ спонитъ великаго труда. Онъ мнѣ опвѣсппсывалъ: чпо конечно въ первые дни будепъ ему трудно; но въ слѣдующіе придепся только къ большей часпн повѣспей дѣлать примѣчаніе: во второй или въ третій разъ, а не большое число повѣспей, еще не разказанныхъ, не трудно написать.»—*Рейналь* понялъ упрекъ и вскорѣ послѣ сего уѣхалъ въ Берлинъ.»—Почему не такъже поняшпвъ и *Г. Зейдель*? А опмѣспки могъ бы онъ сдѣлать еще короче—цифрами!..

— HISTOIRE DU ROMANTISME EN FRANCE, par F. R. Torreinx. Paris. 1830. (исторія романтизма во Франціи. Сох. Ф. Р. Торейнкса. Парижъ. 1830).—

Французы — народъ чудный! . . Они мыслятъ—шупя ,
 разсуждають — играючи ! . . Тогда какъ копопливый
 Немецъ, задумавши подумать, взбирается на чердакъ,
 обкладываясь фоліанпами и изъ-подъ Троянскихъ
 стѣнъ — если еще не изъ подземныхъ храмовъ Элло-
 ре—съ простодушною важностію , ведетъ родослов-
 ную каждой мечпы , зараждающей въ аудиторіи
 Гейдельбергскаго или Геттингенскаго Университета:
 въпреный Французъ оспанавливаясь мимоходомъ
 надъ важнѣйшими современными задачами , ворошитъ
 или лучше щекочетъ ихъ съ небрежною рѣзвостію ,
 выворачиваетъ на изнанку , и вершитъ все дѣло щед-
 рой высылкой эпиграммъ и каламбуровъ. Признаетъ-
 ся ли откровенно ? . . Эпо шуповспіво бываетъ ино-
 гда, не только забавнѣе — (что весьма еспесспвенно!)—
 но даже поучительнѣе и назидательнѣе строгаго пе-
 данпизма. Не рѣдко случается , что одно оспроум-
 ное слово высказываетъ болѣе истины , чѣмъ дюжіе
 томы копопливаго изслѣдованія. *Вольтеръ* писалъ
 однажды къ *Руссо*, что его размышленія о естествен-
 номъ состояніи чловѣка распрогали его до такой
 спепени, что онъ невольно палъ и *подползъ на четве-
 ренькахъ* . . эпо сповитъ фоліанповъ мсподическаго
 опроверженія ! . . Точно шакъ написана *Исторія Ро-
 мантизма во Франціи*—книжка небольшая , но напо-
 ленная счастливыми выходками оспроумнаго юродни-
 чества. Авторъ, который въ душѣ своей врагъ спа-
 рины, имѣетъ сердечное предрасположеніе къ *Роман-
 тизму* , во имя коего поборається она шеперь во
 Франціи. Но, по избытку искренности , признается
 добродушно , что сіе роковое имя , производящее
 столько шума и движенія не въ одной Франціи, имѣетъ
 преимущество — не имѣть опредѣленнаго смысла

даже для тѣхъ, кои рапуютъ за него съ поличнымъ ожеспochenіемъ. »*Hors du Romantisme il n'est point de salut!*» эпопѣ общій девизъ всѣхъ, называющихъ себя *Романтиками*, выбралъ онъ эпиграфомъ для своей книжки; и, опъ сердца соглашаясь съ нимъ, спараетъ показатъ и доказатъ шупливо, что сія единствен-ная дверь спасенія естъ не что иное, какъ спремленіе къ *новости* — недовольство *старинного*. »*Романтизмъ*«—говоритъ онъ—«есть пакая вещь, копорой опредѣлить невозможно. Что эпо? Новыя формы, коими замѣняются спарыя, не успѣвшія еще опъ употребленія исперепъ и сдѣматься, подобно другимъ, классическими» (р. 16). Искренно и вполне вѣрно, въ отношеніи къ нынѣшнимъ, такъ называемымъ, *Романтиками*!... Эпо^д дѣиспвипельно — «люди, кои хотпятъ чего-то другаго, кромѣ того, что естъ» (р. 18) — и между тѣмъ сами не знають, чего именно и опредѣленно!... Слѣдуя своей идеѣ, Авторъ показываетъ, что *Романтизмъ* сущеспвуетъ спеперь вездѣ—не въ однихъ Изящныхъ Искусствахъ: и въ наукахъ, и въ по-липтикѣ, и даже въ домашней жизни. *Бруссе* для него *Романтикъ Медицины*; ибо онъ нашель всеобщую панацею въ простомъ средспвѣ, составлявшемъ пре-жде славу *Доктора Санградо*. (р. 135). Одинъ изъ древней фамилии *Ларошефуко* — попомокъ Гер-цоговъ, Графовъ, Бароновъ — осмѣлившійся, какъ бы въ наругательство тѣнямъ опцевъ своихъ, же-нипъся на дочери спараго инвалида — естъ пакже *Романтикъ*!... A la bonne heure... Такой *Романтизмъ* очень поняпень! — Вѣрный себѣ, Испо-ріографъ *Романтизма* жалуется на тѣхъ, кои вносптъ собспвенный мракъ въ сіе свѣпное чадо со-временной жизни. »*Карлъ Нодъе*« — говоритъ онъ

съ лукавымъ сожалѣніемъ (173—175)—увѣряетъ, что *Романтизмъ* есть вечерній колоколъ, упрепный въ шерокъ, журчаніе зефира, шорохъ лѣсовъ... или нѣчто подобное! Есть чудаки, кои представляютъ себя *Романтика*—молодымъ человѣкомъ, съ всклокоченными волосами, съ блѣднымъ и печальнымъ лицемъ, безъ галстука, съ помупившимися глазами, блуждающими по воздуху, съ разинутымъ ртомъ. Они допытываются: спитъ ли онъ, ѣстъ ли онъ, какъ прочіе; любитъ ли прогуливаясь иначе, какъ только при мерцаніи луны, по горамъ и по доламъ, по стремнинамъ и попокамъ, съ колокольчикомъ въ правой рукѣ и съ облакомъ въ лѣвой. Одна испуганная Баронесса рассказывала по довѣренности за тайну, что встрѣча съ однимъ изъ таковыхъ рыцарей мрака заспавляетъ ее, при одномъ помышленіи, препепанъ всѣмъ тѣломъ. Чтожъ, еслибы она имѣла несчастіе вдохнуть что-нибудь подобному собесѣднику голическихъ руинъ... погда, увы—добродѣпель!« . . . Какъ ни спраны такия мечпы, онѣ имѣють однако основаніе! — Въ отношеніи къ императору, Авторъ считаеъ *Романтизмъ* ровесникомъ настоящему столѣтію. По его мнѣнію, дитя родилось вмѣстѣ съ нимъ. *Шатобрианъ* былъ его отецъ, а *Духъ Христіанства* — пеленки, въ конхъ повины новорожденный. *Гжа Сталь* взялась бытъ кумой; и дитя было прилежано, какъ не лзя лучше. Во времена Имперіи находилось оно подъ ферулою; но теперь—благодаря генію *В. Гюго*—завоевало себя совершеннолѣтіе и кипитъ роскошью юности! . . . Къ первой части Исторіи, коей предметъ составляютъ *теоріи Романтизма*, Авторъ присоединилъ *вторую*, имѣющую *прагматическое* значеніе. Это есть *галерея портретовъ* знаменитыхъ

современныхъ *Романтиковъ*! Всѣ они изображены кистью вольною, оригинальною и остроумною!.. И какая удивительная коллекція!.. *Ламартины* и *д'Артискуръ*, *В. Гюго* и *Ансело*, *К. Делавиль* и *А. Дюма*, *Барантъ* и *К. Нодье*, *Жироде* и *Делакруа*!.. Очень жаль, что *Романтизмъ* не имѣетъ у насъ подобнаго Исторіографа!.. Какъ ни хило еще новое дитя подъ нашимъ суровымъ небомъ — его проказы доставили бы матеріаловъ на исторіюку посмѣшнѣе и покурьезнѣе *Исторіи Русскаго Народа*!..

— Geschichte des alten Griechenlands. Erster Band. Vor- und Urgeschichte der Hellenen. Von H. G. Pfaff, Professor an der Domschule zu Werden. Leipzig. Hartmann. 1831. (Исторія Древней Греціи. Часть первая. Первобытная Исторія Эллиновъ. Соч. Г. Пфасса, Конфектора Верденской Соборной Школы. Лейпцигъ, у Гартманна. 1831).—Первобытнѣе населеніе Греціи покрыто еще для насъ мракомъ. Имя *Эллиновъ* и *Пеласговъ*, какъ извѣстно, подавало поводъ къ безчисленнымъ изслѣдованіямъ: но, не смотря на то, сомнѣнія еще не разрушены; и изъ полумпѣологическаго и полунепорочическаго лабиринта древней Греціи не легко выйти. Г. *Пфассъ* сначала опровергаетъ мнѣніе, будто Греки были совершенно особый народъ; а старается напротивъ доказать, что они составляли небольшую часть того первоначальнаго *совокупнаго народа* (*Gesamtvolf*) который съ востока, общей колыбели Европейскихъ народовъ, пришелъ чрезъ Малую Азію въ то время, когда Азія была, можетъ быть, еще соединена съ Европою. Сей первоначальный совокупный народъ изъ Малой Азіи, чрезъ Грецію, распространился до Италіи.

Авшортъ раздѣляетъ его на два главныхъ племени: *Оракійско-Иллирійское*, принадлежее съ Сѣверо-запада, и *Алсгійско-Пеласгическое*—съ Юго-Востока. Сродство ихъ именъ и языковъ доказывається преимущественно изъ Гомера, который между рашинками, бывшими подъ Наіономъ, различаетъ снрого говорившихъ по *гречески* отъ говорившихъ по *варварски*. Все изслѣдованіе сіе весьма свѣтло; и выводы изъ него не только сообразны съ древними свидѣтельствами, но и съ свойствомъ самыхъ вещей. Вообще, въ новѣйшія времена, опираючись отъ ложнаго предубѣжденія—считавшъ себя, между безчисленнымъ множествомъ древнихъ народовъ, уединеннымъ самосодержательнымъ народомъ, Теперь болѣе и болѣе становится очевиднымъ, что главные различія народныхъ племенъ и поколѣній, существующія понынѣ, являются и въ древнѣйшей Исторіи, такъ что частныя виды народовъ (*Specialvölker*) соединяются подъ однимъ совокупнымъ народомъ (*Gesammtvolf*). Это недавно доказано *Нибуромъ*, опровергательно Славянскаго, Тапарскаго и Монгольскаго поколѣній, подъ которыми разумѣются въ такъ называемые Скипскіе народы.

Авшортъ далѣе опровергаетъ мнѣніе, будто *Эллины* отличны отъ *Пеласговъ* и суть народъ, вновь прибывшій. Онъ полагаетъ, что древнее *Пеласгическое* населеніе Пелопоннеса и собственно *Элады* было одно и тоже; и что *Эллины* не составляютъ народа новаго, а означаютъ немногія семейства, кои, ранѣе образовавшись и навѣкиши военному искусству, покорили себѣ народъ грубый. Потомъ онъ показываетъ, что Кипръ, Родосъ и Кринъ получили образованіе отъ Финикійскихъ колоній; и что слѣдова-

пельно рядъ древнихъ Греческихъ боговъ, начинающихся *Зевсомъ*, и въ особенності знаменитое Кипрское служеніе Венеры и Иліосу, были древле-Финикійскаго происхожденія; между тѣмъ какъ древнѣйшее Пеллагическое богослуженіе сохранилось собснвенно въ системѣ лѣсныхъ и рѣчныхъ боговъ, Фавновъ, Нимфъ и пр. Древніе Финикійскіе боги, Сатурнъ и все поколѣніе Титановъ, низвержены *Зевсомъ* и новыми богами. Это совпадаетъ именно съ тѣмъ временемъ, когда Крипъ, возмужавъ, началъ добывать себѣ оружіемъ независимость отъ своей Финикійской митрополіи. Подобно всѣмъ усилившимся колоніямъ, онъ наконецъ осппорся; и родившійся на немъ герой *Зевесъ*, окруженный броненосными Куретами, прогналъ Финикійцевъ съ оспрова, и основалъ на немъ сильную морскую державу, начавшую соперничать съ митрополіей — державу, которая при Миносѣ сдѣлалась столько извѣстною подъ именемъ Крипскаго царства. Подобное мнѣніе еще прежде обнаруживалъ *Бёттигеръ*, а *Плассъ* только раскрылъ его. Сколько противорѣчитъ оно міеологическимъ изображеніямъ *Зевеса* — *Юпитера*; но, при сліяніи самыхъ общихъ религіозныхъ идей съ частными мѣстными быліями — сліяніи весьма обыкновенномъ у всѣхъ древнихъ народовъ — такое смѣшеніе между главою боговъ и маловажнымъ Крипскимъ владѣльцемъ оспноудъ не невозможно; а по двоякому значенію Греческаго *Зевеса*, который въ міеахъ является по такъ, по иначе, весьма вѣроятнo. Точно такаяже двусмысленность замѣчается и въ Сѣверномъ *Одинѣ*.

Далѣе *Плассъ* спарается показать, что Куреты имѣли на материкъ Греціи такое же вліяніе, какъ прежде Финикійяне на Греческіе оспрова. Почитаніе *Зевеса* и новыхъ боговъ распространилось изъ Кри-

па; ибо предводители Куретовъ, потомки сихъ боговъ— а потому сами также полубоги и герои— покорили грубыхъ Фессалійскихъ *Пеласговъ*, и, какъ жрецы, основали память династію героевъ, играющихъ столь важную роль въ Греческой Поэзіи. Сія Куретская броненосная дружина, между другими полунагими безоружными *Пеласгами*, составила, по мнѣнію Автора, *Эллиновъ*, такъ что подъ ихъ именемъ должно разумѣть не особый народъ, а вождей только. Единственное исключеніе изъ сихъ *Эллинскихъ* родовъ составляетъ *Пелопсъ*, пришлецъ изъ Малой Азіи.

Весьма подробно распространяется Авиаторъ о послѣдовавшемъ образованіи аристократіи въ Элладѣ и развившемся изъ ней духъ рыцарства, проявлявшемся во внутреннихъ междоусобицахъ и удачныхъ исканіяхъ заключеній. Но всего любопытнѣе то, что говоритъ онъ о вліяніи сей аристократіи на религію *Эллиновъ*. Обоготвореніе предковъ произошло безъ сомнѣнія изъ Восточной Символики и очеловѣкопворило наконецъ всѣхъ боговъ въ лицѣ—героевъ сильныхъ, но грубыхъ—власнишелей хитрыхъ, но порочныхъ—какими являюся *Юпитеръ*, *Меркурій* и проч.

Признавъ сіи главные очерки древняго *Эллинизма* вѣрными, естественными и подлинными, конечно трудно еще будетъ различить, что въ Греческихъ Мифахъ собственно историческаго, что заимствовано изъ Восточной Символики, и что выдуманно позднѣйшими стихопворцами. И здѣсь-то Г. *Плассъ*, кажеся, слишкомъ увлекается приспращіемъ своимъ—открывать въ мифахъ подлинныя событія. Большая часть подвиговъ Греческихъ боговъ и героевъ, по причинѣ ихъ сродства съ таковымиже подвигами бо-

говъ чуждыхъ, должна имѣть символическое, а не историческое происхождение.

— *ESSAI SUR LES ANCIENNES ASSEMBLÉES NATIONALES DE LA SAVOIE, DU PIÉMONT ET DES PAYS QUI Y SONT OU FURENT ANNEXÉES, par le Comte Ferdinand dal Pozzo, Ancien Maître des Requêtes et premier Président de la Cour Imperiale de Gènes. Tom. I. Paris. 1829.* (Опытъ о древнихъ народныхъ собраніяхъ въ Савой, Пьемонтъ и другихъ нынѣ или прежде присоединенныхъ къ нимъ странахъ, соч. Графа Фердинанда де Поццо, бывшаго Рекетмейстера и Перваго Предсѣдателя Императорскаго суда въ Генуѣ. Том. I. Парижъ. 1829).—Нѣтъ ни одного Европейскаго Государства, гдѣ бы Народная Исторія была столь темна и столь тщательно обезображиваема и сохраняема во мракѣ, какъ въ *Савой* и *Пьемонтъ*. Нельзя жаловаться на недостатокъ низменныхъ дѣписателей: но ихъ все вниманіе приковано къ календарнымъ происшествіямъ и ограничивается оффиціальными извѣстіями о празднествахъ, крещеніяхъ, бракосочетаніяхъ и преставленіяхъ—или много-много о Кабинетныхъ интригахъ и Церковныхъ поспановленіяхъ—какъ бывало прежде въ обычай и въ прочихъ Европейскихъ Державахъ. *Гушепонъ*, весьма ученый мужъ XVII столѣтія, находился въ совершенной зависимости отъ Туринскаго Кабинета, сообщалъ ему свои манускрипты и безъ всякаго зазрѣнія льстилъ нелѣпыми идеямъ о происхожденіи *Савойскаго Дома* отъ Дома Саксонскаго, конни предполагалось освѣжить призыванія Принцевъ *Савойскихъ* на Нѣмецкую Императорскую Корону. Графъ *Эммануилъ Тезауро* въ своей *Исторіи города Турина*, равно какъ и въ книгѣ о *гражданской войнѣ въ Пьемонтѣ*, являлся основательнымъ историкомъ, но вмѣстѣ услужливымъ панегири-

спомъ силы, одержавшей побѣду. Позднѣйшіе *Савойскіе* дѣписатели сослѣдовали въ вѣрной службѣ прехъ *Принцессъ Савойскихъ*. Другіе Историки, какъ н. п. *Сент-Реаль* и *Джизинтони*, понуждаемы были писать Исторію *Савой* и *Піемонта*, сообразно съ желаніями Двора, но не взялись за дѣло. Иные обрабатывали се по сообщеннымъ матеріаламъ, своимъ манеромъ, какъ н. п. Паперъ *Лами* и Паперъ *Рома*, Профессоры Туринскаго Университета, *Джюффридо* и н. п.; но ихъ манускрипты не были изданы. Трудно даже повѣрить, сколько подобныхъ рукописей пылѣтъ въ архивахъ и запертыхъ шкафахъ Университетской Библіотеки въ Туринѣ. Онѣ осуждены никогда не видѣть свѣта.

Когда *Муратори* собиралъ матеріалы для своей *Исторіи Италіи*, онъ употребилъ всѣ возможныя усилія, что бы промыслилъ рукописей о *Піемонтѣ* и *Монферратѣ*. Такимъ образомъ доспалъ онъ между прочимъ Аспійскую хронику *Реймонда Турка* изъ XII вѣка. Но по собственнымъ словамъ его, не смотря ни на какія прозбы, онъ не могъ добиться ничего изъ архивовъ *Піемонтскихъ*. По счастію, Маркизь *Малеспина* изъ Торіоны сообщилъ ему дѣпиониси *Огеры Альфіери* и обонхъ *Вентуръ*. Эпо, съ древнею Хроникою *Новалезе*, сушь единственныя манускрипты, кои онъ, касательно сей страны, могъ внести въ свои *Rerum Italicarum Scriptores*. Скрытность сія нигдѣ не была такъ строга наблюдаема, какъ въ Туринѣ; и благодаря ей, законы земли, освященные спариною, безбоязненно подвергались произвольнымъ измѣненіямъ и передѣлкамъ. Правда, шамъ являлись иногда собранія сихъ законовъ, каково н. п. *Баргеллиевъ*; но онѣ были составлены по волѣ двухъ *Піемонтскихъ* Министровъ.

ровъ. Весьма вѣроятно, что, послѣ изданія сихъ собраній, оригиналы, раннія копіи и прежніе описки, были тщательнѣе скрѣплены, если не совсѣмъ уничтожены. По овладѣніи *Савой* и *Піемонта* Французами, началась новая эпоха для ихъ бытописанія. Но къ сожалѣнію, архивы оспавались, какъ и прежде, заключенными; ибо правленіе Наполеоново еще менѣе жаловало старинныя привилегіи справы и любило слушать ихъ воспоминанія. Не многое, пробившееся кое-какъ на свѣтъ, только что показывало, какъ много еще не доставало. Этому спарались пособить Графъ *Галли* и Аббатъ *Грильятъ* — значительными собраніями матеріаловъ, кои безъ сомнѣнія составляютъ лучшее, что имѣемъ мы до сихъ поръ по сему предмету: ибо, по возвращеніи прежняго Владѣтельнаго Дома въ Турокъ, о продолженіи подобныхъ розысканій и обнародованій — нечего было и думать. Сочиненіе *Денингъ* объ исторіи *Западной Италіи*, слишкомъ далеко отстоящее отъ его знаменитаго шворенія объ *Италіанскихъ Переворотахъ*, весьма поверхностно; и, въ отношеніи къ *Савой* и *Піемонту*, содержишь множество грубыхъ ошибокъ и спутанностей. Основательнѣе и совѣстнѣе *Историческія Записки о Домѣ Савойскомъ, съ XI вѣка до 1796 года*, издачныя Маркизомъ *Костою де Борегаръ* въ Туринѣ 1816. Но и онѣ не имѣютъ недостатка въ погрѣшностяхъ и безчисленныхъ пропускахъ, равно какъ и въ приспращенно благопріятныхъ замѣчаніяхъ на счетъ Владѣтельнаго Дома, въ коего резиденціи явилась книга. Недавно *Гренушъ* въ Женевѣ, своимъ историческимъ документомъ *Ваадтланда* (*Document historique du pays de Vaud*) и отрывкомъ о *Женевѣ* (*Fragment sur Genève*), бросилъ много свѣта

на *Савойскую* Исторію: и все, что онъ ни говоритъ о ней, имѣетъ великое достоинство; ибо основано на достоверныхъ указаніяхъ. Если продолжашъ работу по тому же пути, то Исторія *Савои* и *Пьемонта* можетъ наконецъ мало по малу выйти изъ своего мрака. Настоящее Сардинское Правительство конечно не подаситъ руки подобнымъ работамъ: оно оказало неблаговоленіе къ книгѣ Графа *Поццо*, при самомъ ея появленіи.

Со времени возстановленія Туринскаго Двора, многіе изъ преданныхъ ему, и преимущественно Графъ *Боттонъ де Кастелламонта*, издали нѣсколько большихъ и малыхъ сочиненій, въ коихъ доказывалось, что старинные Чины были весьма пагубны для государственнаго благоденствія; ибо въ нихъ не народъ, а одни только Прелаты, Помѣщики и Города были представляемы. Ихъ собранія, какъ и вездѣ, служили только къ тому, чтобы ослабить могущество Владѣтелей, препятствованіи полезнымъ преобразованіямъ и увеличиваніи силу Духовенства и Дворянства. Только по уничтоженіи сихъ Чиновъ началась слава и благоденствіе *Пьемонта*, продолжавшіяся непрерывно цѣлыя при столѣтія. Эммануилъ Филибертъ (1361) превратилъ ихъ въ Верховное Судилище, коему указалъ, по примѣру Французскаго Парламента, помѣщая новыя узаконенія, предоставивъ себѣ право опредѣлять и смѣнять его членовъ. «Если въ послѣдствіи, особенно со времени Виктора Амедея I, возникало противорѣчіе со стороны Парламента или нѣкоторыхъ его членовъ; то причина тому была самая простая— и именно та, что Президенты, Генерал-Адвокаты и значительнѣйшіе члены Верховнаго Судилища при-

глашались прежде ко Двору для совѣщанія съ Правительствомъ, когда оно намѣрвалось издавать новыя узаконенія.» Въ позднѣйшихъ сочиненіяхъ, коихъ издатели занимають внутри государства изрядные посты, утверждаетсѣ также подобное. Тамъ значится, «что владѣтели *Савойскіе* были всегда опцами Опечества; что власть ихъ въ древнѣйшія времена была совершенно независима и неограничена; что Чины уже гораздо позже присвоили себѣ нѣкоторую силу, кою однакъ никогда не простирались слишкомъ далеко. Посты Герцога Эммануила Филиберта пришли и они въ упадокъ. Собранія ихъ входили только прошеніями къ Владѣтелямъ, не смѣли ни чего опъ нихъ требовать и не имѣли ни малѣйшаго права принимать участіе въ управленіи финансовъ и распоряженіи военными силами. Онѣ собирались не иначе, какъ по повелѣнію Владѣтелей. Короотко сказать—Чины сѣи были весьма незначительны, и ихъ собранія, сославляли большую тягость для страны, во времена неспокойныя; почему Владѣтели переспали наконецъ созывать ихъ и заслуживають за то великую благодарность.» Таково обыкновенный тонъ Историковъ и Публицистовъ Туринскихъ !

Теперь не бесполезно послушать, что говорили основательнѣйшій изъ *Савойскихъ* дѣписателей, ученый и многознающій Графъ *Тезауро*, о Чинахъ *Савои* и *Пиемонта*. Сердечно преданный Туринскому Двору, онъ торжественно возсинавалъ противъ безразсуднаго желанія возсинавить снова сѣи Чины, какъ противъ оскорбленія Величества, и писалъ даже къ нимъ личное опращеніе. Между тѣмъ по случаю распрей объ опекуновъ и регентсовъ въ *Савойской* владѣтельной фамиліи, онъ изъяснялся такъ. «Не подвержено никакому сомнѣ-

нію, что, въ древнѣйшія времена, когда Государи *Савойскіе* еще не были столько могущественны, и народы ихъ имѣли болѣе независимости и свободы, оставшейся отъ прежняго республиканскаго устройства ихъ земли, въ *Савой* и *Пьемонтѣ* существовало сильное, для владѣтелей весьма опасное, судилище состоявшее изъ соединенія представителей Духовенства Дворянства и Народа. Сіе собраніе Чиновъ присвоило себѣ великую и неограниченную силу. Оно называло себя опцемъ и пѣстуномъ Владѣтеля, даже естественнымъ и природнымъ государемъ, для различія отъ того, который восходилъ на пронтъ по праву наслѣдства; составляло узелъ и средоточіе всей государственной власти и государственнаго величества; управляло по временамъ республикою; судило и рѣшило все вопросы и споры объ опекунствѣ или пресмствѣ между многими претенсіями, были ли то свои или чужеземные. Кромѣ того сіе собраніе присвоило себѣ права пастыря и воспитателя тѣхъ, коихъ признавало своими Владѣтелями; рѣшило войну и миръ, противопоставляло права правамъ, а иногда и силу силъ: ибо Владѣтель не имѣлъ еще тогда никакихъ средствъ и никакихъ доходовъ, кромѣ тѣхъ, кои Чины предоставляли ему, въ видѣ добровольнаго дара; не имѣлъ никакой вооруженной силы, кромѣ рукъ, ими располагаемыхъ. Отсюда нисколько не удивительно, что и въ другихъ державахъ, въ коихъ всѣхъ почти существовали подобныя Чины, власть Королевская не рѣдко встрѣчала препятствія. Но сіе судилище потеряло свою силу и вліяніе, съ тѣхъ поръ какъ *Савойскіе* Герцоги сдѣлались могущественнѣе; оно начало постепенно упадать болѣе и болѣе, пока наконецъ совершенно

уничтожилось. Когда Французскій Король Людовикъ XI преодолѣлъ и ограничилъ могущество швейцарскаго собранія Чиновъ въ своемъ Королевствѣ, онъ признался торжественно, что только съ тѣхъ поръ пересталъ быть пажемъ на тронѣ. Точно также поступилъ мудрый Герцогъ *Савойскій* Эммануилъ Филибертъ; могъ почто тѣмъ же похвалиться. И еслибы кто теперь пожелалъ возстановленія сихъ прехъ Чиновъ, тотъ замыслилъ бы не благо своему опечесству. *Тезауро* ссылается въ своемъ твореніи на множество памятниковъ и документовъ, обозначенныхъ съ спрочайшею точностію, кои самъ онъ видѣлъ въ архивахъ, библіотекахъ и частныхъ собраніяхъ. Многіе изъ нихъ конечно уже испребились; но достоверность ихъ существованія предъ его глазами имѣетъ величайшую важность. Многіе другіе *Савойскіе* Историки: *Делла-Хрѣза*, братья *Офаско*, *Капре*, *Коста де Борегаръ* и даже *Ю. Мюллеръ*, оппосителю *Савойской* конституціи, проспировавшейся и на Ваадландъ до покоренія его подъ владичество Бернское—соглашаются съ *Тезауромъ*, копія и не въ столь ясныхъ выраженіяхъ. Они не копѣли кривинъ душою, въ разсужденіи событія, коего слѣды сохранялись очень долго въ *Савонѣ*. Ибо не смотря на то, что Герцогъ Эммануилъ Филибертъ прекратилъ и уничтожилъ собранія Чиновъ, воспоминаніе объ нихъ еще жило въ продолженіе XVI и даже XVII вѣка и подавало поводъ ко многимъ распрямъ. Оно присутствовало при всѣхъ важныхъ происшествіяхъ *Савои*, болѣе или менѣе явно.

Если преслѣдовать судьбу сихъ Чиновъ до ихъ происхожденія, то мы должны будемъ поперяпаться во время XII и XIII вѣка. Весьма вѣроятно, что *Петръ*

Савойскій, называвшійся маленькимъ Карломъ Великимъ и жившій въ Англіи, заимствовалъ многое опшпуда, изъ начавшей уже развивавшейся шамъ системы предспавленія, и перенесъ въ свои владѣнія, приспособивъ къ кореннымъ спариннымъ обрядамъ *Майскаго Поля*. Вѣроятно также, что сначала гражданское и крестьянское соспоянія не были сами собою предспавляемы, а въ лицѣ Духовенства, которое ими было избираемо. Вѣроятно даже, хотя однако и не доказано еще достоверно, что Чины сіи въ извѣстныя времена года могли собираться сами собою, не всегда въ одномъ и томъ же мѣстѣ, но иногда шамъ, иногда здѣсь. Съ самаго перваго ихъ появленія уже замѣчается въ нихъ великое вліяніе на Владѣтелей, проспировавшееся даже на ихъ домашнія и личныя опношенія. Доказательство тому предспавляется въ испоріи бракосочетанія Гумберта III (1180—1188), сохранившейся въ *Grand Chronique des Princes de Savoie*. Спусти нѣсколько вѣковъ, шакое собрание было держано въ Шамбери. Это случилось 1329. Графъ Эдуардъ умеръ, не оставивъ наслѣдника мужескаго пола. Посему Іоанна, Принцесса *Савойская*, бракосочетавшаяся Герцогиня Бренпанская, какъ единственная дочь покойнаго Графа, опправила къ нимъ посольство и требовала признать себя наслѣдницей *Савойскаго* прона. Въ XV вѣкѣ вспрѣчаются примѣры жестокой и даже кровавой спрогоспи, съ каковою Чины наказывали многихъ изъ своихъ Канцлеровъ, коими были недовольны и коихъ подозрѣвали въ измѣнѣ. За шѣмъ слѣдовало возспаніе ихъ прошивъ Генрига V и Амедѣя VIII, извѣстное подъ именемъ *Лиги*.—Имъ оканчивается первая часть Историческаго Опыта Графа *Поццо*, коего продолженіе обшцается немедленно.

— Das Märchen von der Päpstin Johanna, auf's Neue erzählt von Dr W. Smets. Köln, Pappers und Compagn, 1829. (Басня о папессѣ юаннѣ, снова разсмотрѣнная Докт. В. Сметсомъ. Кельнъ, у Панперса и Компан. 1829). — Издатель, ревностный Капюликъ, снова собралъ здѣсь все доказательство, коими исторія пакъ называемой *Папессы Юанны*, достигшей будто Папскаго престола и сидѣвшей на немъ нѣсколько времени, къ соблазну западнаго Христіанства, уже давно низвергнута въ кругъ басней. Но въ существѣ дѣла весьма маловажно — дѣйствительно ли подобная сказка имѣетъ историческое основаніе или нѣтъ—если она, хотя какъ сказка, нашла всеобщій ходъ и распространилась повсюду. Уже по одно — что нелпая выдумка о женщинѣ-Папѣ могла составиться и весьма долго пользовалась довѣренностію—не менѣе важно, какъ и то, еслибъ подобный женщина-Папа существовалъ дѣйствительно. Matrimonium S. Petri есть также сказка и уже тысячу разъ признаваема была таковою; но между тѣмъ она имѣла всю важность и слѣдствія истинны. Когда выдумки имѣютъ такой успѣхъ, онѣ должны быть выдуманы въ смыслѣ дѣйствительности. Событія подають поводъ къ слухамъ и мнѣніямъ, мнѣнія перераждаются въ сказки и басни, которыя опять принимаются за событія. Такъ всегда бывало! —

— НАПРАВЛЕНІЕ УМА И СЕРДЦА КЪ ИСТИНѢ И ДОБРОДѢТЕЛИ, *въ трехъ частяхъ. Часть I и II. Москва. Въ Унив. Типогр.* 1830. — Книга сія составлена изъ сочиненій и переводовъ, имѣющихъ цѣлю — питать любовь къ истинѣ и добродѣтели. Намѣреніе

весьма похвальное. Издастелъ хотѣлъ доставить ея удовольствіе любителямъ полезнаго чтенія. Чтужъ касается до искастелей литературныхъ приключеній — шо имъ не чѣмъ въ ней поживишься. Она не при нихъ и не про нихъ писана!

VII.

НАДПИСИ НА ДЕРЕВЬЯХЪ И НХЪ ВАЖНОСТЬ ДЛЯ ИСТОРИИ.

Замѣчательно, что чѣмъ болѣе родъ человѣческій спарвѣтъ и удаляется отъ своего начала, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ свѣденій о первыхъ временахъ своего существованія. Природа столь заботливо бережетъ лѣтописи нашей планеты, что когда челоѣкъ почищаетъ себя испончившимъ всѣ матеріялы историческихъ свѣденій, новый свѣтъ произникаетъ отпуда, отпуда всего менѣе можно его ожидать, и освѣщаетъ эпохи, преданныя уже историческому отчаянію.

Въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ господствовала всеобщая увѣренность, что отъ отдаленнѣйшихъ временъ древности можно почерпнуть свѣденія только изъ преданій Евреевъ, Грековъ и Римлянъ. Письменность сихъ народовъ поглощала всю дѣятельность ученыхъ: не только по избытку классическаго изыщесства, но и вмѣстѣ пошому, что считалась единственнѣмъ хранилищемъ всего, что осталось доступнымъ знанію отъ исторіи первобытнаго челоѣчества. И теперь еще многіе увѣрены, что немногіе вѣки, объемлемые лѣтописями сихъ народовъ,

ТѢЛЕСК. Ч. I.

17

одни доспойны изученія ; между тѣмъ какъ ихъ должно принимашь только за неподвижныя звѣзды, посреди безпредѣльнаго пространства, за которыми телескопъ открывашь еще тысячъ другихъ , не менѣе доспойныхъ вниманія и изслѣдованія.

Когда просвѣщеніе отворило Европейцамъ врата Идін , они нашли тамъ письменность , совершенно имъ неизвѣстную , повѣствованія , бросающія свѣтъ на времена дошлыя сокровенныя , и ученіе столько же возвышенное , сколько древнее . Долго искали напрасно ключа къ сему таинственному ученію : историческіе памятники Идін не только не удовлетворили любопытству , но еще болѣе раздражили оное . Наконецъ нашли средство разбирашь Египетскіе іероглифы . И тогда , какъ самая древнѣйшая Греческая рукопись не восходитъ далѣе тысячи лѣтъ , въ пещерахъ Египетскихъ нашлись папирусы , пережившіе нѣсколько тысячелѣтій .

Но всѣ сіи докуменны пополняютъ только частную Исторію . Недавно открыты другія рукописи , знакомящія насъ не съ героями , а съ вѣками ; не съ суетами и подвигами людей , а съ переворотами земной планеты . Онѣ принадлежатъ ко временамъ , кои прослѣдуются далеко за предѣлы всего , что донынѣ было извѣстно , и переносятъ насъ въ вѣки , предшествовавшіе появленію на землѣ челоуѣка . Заботливостъ , съ которою сама земля бережетъ сіи памятники въ своихъ недрахъ , почти невѣроятна : насѣкомыя , коихъ самый должайшій вѣкъ простирается не болѣе дня , застывъ въ янтарь , сохраняются въ продолженіе тысячелѣтій . Основы , исплывающіе обыкновенно въ нѣсколько лѣтъ ; пальмы , которыя менѣе всякаго другаго дерева въ состояніи процвѣтѣть

ся разрушительному дѣйствию стихій ; даже растѣнія одностѣбныя , прихороненныя тщательнѣе природою — становящіяся іероглифами , кои должны будутъ дойти до вѣковъ самыхъ опідаленныхъ.

Безъ сомнѣнія , удивительнымъ покажется , если къ историческимъ памятникамъ отнесутся надписи на деревьяхъ , кои обыкновенно бывають произведеніями прихоти , или праздности. Дѣйствительно , казалось бы , что , покрывшись корою , онѣ должны были навсегда загладиться ; но не такъ бываетъ въ самомъ дѣлѣ. Кора становится для нихъ только оболочкою , сокрывающею и защищающею ихъ отъ нескромнаго или губительнаго любопытства. Пока существуетъ дерево , до ихъ поръ надпись , на немъ сдѣланная , остается въ совершенной цѣлости внутри его ; чѣмъ то болѣе старѣеть , тѣмъ для сей безопасности. Сіи надписи безъ сомнѣнія можно употреблять вмѣсто историческихъ памятниковъ ; и если онѣ не возведены еще пока на сію степень , то ; по крайней мѣрѣ могутъ служить для хронологическаго соображенія другихъ памятниковъ , коихъ время не опредѣлено еще съ точностію. На это есть слѣдующія доказательства.

Декандоль рассказываетъ , что въ Индіи найдены были деревья съ надписями на Португальскомъ языкѣ , начерпанными за нѣсколько вѣковъ — безъ сомнѣнія еще въ то время , когда сею спраною владѣли Португальцы. *Адамсонъ* , въ началѣ 1747 , видѣлъ на оспровахъ Св. Матдаины , близъ Зеленаго Мыса , многія деревья , называемыя баобабами , на конюрыхъ были начерпаны весьма древнія буквы. *Теве* (*Tewe*) видѣлъ сіи же самыя надписи 1555. Въ это время на нихъ можно еще было разобрать имена путеше-

шесипеншиковъ XIV и XV вѣковъ. *Адамсонъ* замѣтилъ, что сѣи деревья имѣли шесипь футовъ въ поперечникѣ, и основываясь на запискахъ *Теве*, заключилъ, что въ то время, когда видѣлъ ихъ сей послѣдній, они вѣроятно имѣли не болѣе прехъ или чепырехъ футовъ. Зная, что стебель однолѣтняго баобаба имѣетъ въ поперечникѣ одинъ дюймъ, десятилѣтняго—одинъ футъ, а тридцатилѣтняго—два фута, онъ разсчитъ, что баобабы, имѣющіи въ поперечникѣ 30 футовъ, должны быть не моложе 5150 лѣтъ, и слѣдовательно принадлежать къ той эпохѣ, къ коей священныя книги относятъ сотвореніе міра. Онъ говоритъ, что видѣлъ самъ баобабы 27 футовъ въ поперечникѣ, которыми слѣдовательно было около 4280 лѣтъ и которые при томъ находились въ самомъ цвѣтущемъ состояніи.

Такая древность сколь ни безмѣрною кажется для воображенія, не должна однако считаться невозможною. Живописны въ себѣ самихъ несятъ сѣмена своего разрушенія; у нихъ не образуется новыхъ артерій, новыхъ легкихъ, въ замѣну старыхъ, которыя не могутъ уже служить болѣе. Напротивъ того, у растеній безпрестанно появляются новые сосуды и части, вмѣсто старыхъ, которыя перестаютъ дѣйствовать. Каждый годъ между корою и деревомъ образуется новый слой органовъ, межъ тѣмъ какъ слои вѣнечные постепенно умираютъ; каждою весною новые листья заступаютъ мѣсто старыхъ, кои опали въ прошедшемъ году. Посему часто случается, что стволы деревьевъ, совершенно пустыя, покрываются зеленью, и живутъ такимъ образомъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Кашпановое дерево горы Эпны, извѣстное подъ названіемъ: *castagno di cento cavalli*

(капитанъ ста лошадей) — попому чпо подѣ его пѣшью могутъ укрыться сто лошадей — съ незапамятныхъ временъ имѣеть въ своемъ пѣ дуплѣ, сквозь которое легко проѣзжаютъ двѣ повозки. Этому дереву и теперь еще удивляются путешественники.

Примѣры долговѣчности между деревьями не рѣдки. Дубъ и липа могутъ достигать до 600 и 900-лѣтняго возраста. Семи огромнымъ кедромъ — которые еще были на Ливанѣ въ 1787, когда ихъ осматривалъ *Либлардьеръ*, и которые, еще въ 1574, мѣрять *Раувольфъ* (*Rauwolf*), — должно быть онѣ 1000 до 2000 лѣтъ. Въ графствѣ Суррей (*Surrey*) есть такой огромный пихтъ, что его относятъ ко временамъ Цесаря. Два замѣчательнѣйшія дерева въ Европѣ; какъ по красотѣ, такъ и по лѣтамъ, суть Кордуйскія пальмы, на которыхъ и теперь еще видна Маврская баллада съ Испанскимъ переводомъ.

И такъ если баобабу, у котораго стволъ болѣе 30 футовъ, по крайней мѣрѣ 5,000 лѣтъ: то сей великанъ расписельнаго царства, сей сынъ юной еще земли, можетъ служить указателемъ для опредѣленія истиннаго возраста настоящей поверхности земнаго шара.

Баобабы растутъ только въ Африкѣ. Тамъ есть обширныя страны, въ кои не проникало еще Европейское просвѣщеніе; лѣса, къ которымъ не прикасалась еще сѣкира: слонъ и жирафъ мирно живутъ въ нихъ, вдали отъ люпытѣйнаго своего непріятеля. Можетъ быть, тамъ есть такіе баобабы, кои въ объемѣ гораздо больше видѣнныхъ досель — живые памятники, несравненно древнѣйшіе Джирзейскихъ пирамидъ и Индійскихъ кумировъ.

Такова также Новая Голландія, та часть свѣта, копорой мы знаемъ одинъ только берегъ. Если столько огромныя деревья, какъ *eucalybtus globulus* или *eustassa heterophylla*, могутъ расти въ мѣстахъ, подвластныхъ Европейцамъ: то весьма вѣроятно, что есть другія, гораздо большія и древнѣйшія, въ тѣхъ лѣсахъ, въ кои никогда не проникали ни сіи пришельцы, ни туземные жители.

Но чтобы сіи изслѣдованія дѣйствительно могли приносить пользу наукъ и оканчивались вѣрными заключеніями о долговѣстнѣйшей настоящей землѣ прозябаемости, нужно рассмотреть: имѣемъ ли мы достаточныя средства для опредѣленія возраста деревьевъ, и можно ли полагаться на почтеніе данныхъ, кои они представляютъ.

Средство, съ давнихъ временъ извѣстное, состоитъ въ исчисленіи ежегодныхъ колецъ на деревьяхъ двусеменныхъ (*dicotylédons*). Извѣстно, что по распиленіи дерева поперекъ, замѣчаются въ немъ круги, заключенные другъ въ другъ и раздѣленные слоями темнаго цвѣта. Предполагаютъ, что слои, образующіеся ежегодно между корою и деревомъ, составляютъ круги, по коимъ можно легко высчитывать возрастъ дерева: ибо каждый кругъ соотвѣтствуетъ году.

Мнѣніе сіе, опровергаемое Берлинскимъ Профессоромъ *Линколемъ*, *Дюгамелемъ* и даже *Мирбелемъ*, имѣетъ нужду въ положительныхъ опытахъ и вѣрныхъ доказательствахъ. Всеобщъ лучше было начертить на деревѣ буквы, и считать слои, коими онѣ будутъ закрываться. Если, при наблюденіи, круги или слои дерева, выросшіе поверхъ надписи, будутъ соотвѣтствовать числу лѣтъ, протекшихъ со времени начертанія буквъ, то вышеприведенное мнѣ-

нѣ не будеть болѣе подвержено никакому сомнѣнію.

Профессоръ *Лорелль* сдѣлать такой опытъ въ 1748 на двухъ букахъ, которые были срублены въ 1756 и 1764. На обоихъ деревьяхъ нашлись надписи въ срединѣ дерева; но счислить число круговъ было невозможно; поэтому чшо *Лорелль* вмѣсто того, чшобы начертить буквы на корѣ, снялъ ее и попомъ уже сдѣлать надписи. Отъ этого произошла широкая рана, которая заросла не скоро, и, вѣроятно, воспрепятствовала образованію многихъ сосредоточенныхъ круговъ.

Г. *Пане* недавно прислалъ въ Лундской Музей два куска дерева, которое было срублено близъ Гельсингборда и при расколѣ такъ распалось, чшо слѣдующая надпись оказалась на одной половинѣ въ настоящемъ видѣ, а на другой превратно:

F. M.

D. 21.

J.

1817.

Эта надпись уже сама показываетъ время, въ которое была начертана. Дерево срублено 1828. На немъ должно быть десяти колецъ, если справедливо общее мнѣніе. При внимательномъ разсмотрѣніи наружной части видно, чшо самое внутреннее кольцо должно соотвѣтствовать 1817 году. Сверхъ него находились только девять колецъ; но кольцо, ближайшее къ надписи, широко и шесто, и должно означать два года. Въ самомъ дѣлѣ, съ каждой стороны надписи, оно раздѣляется на два весьма ясно отдѣльные слоя. Но всего любопытнѣе то, чшо ширина колецъ не

одинакова. Внешнее кольцо, или самое близкое къ образовавшейся корѣ,

	въ 1827 имѣеть 1 дюйм. 2 лин.
второе . . .	1826 ——— 0,9
третье . . .	1825 ——— 1,9
четвертое . .	1824 ——— 1,5
пятое	1823 ——— 2,0
шестое . . .	1822 ——— 2,0
седьмое . . .	1821 ——— 2,0
осьмое . . .	1820 ——— 2,0
девятое 1819 и 1828	——— 2,0

Всего въ полщину 15,5 или $1\frac{1}{2}$ дюйм.

Зная мѣсто, на которомъ было посажено это дерево, можно сравнить отношенія полщины круговъ къ времени, въ которое они росли. И такъ, кажется, что 1824 и 1826 годы были несчастливыми для растеній; а это зависѣло, по крайней мѣрѣ въ 1826, отъ большой засухи, тогда бывшей.

Син замѣчанія ведутъ къ слѣдующему заключенію: каждый годъ около существующихъ уже слоевъ образуется новый древесный слой.

Надписи могутъ сохраняться долгое время безъ малѣйшаго поврежденія, и уничтожаются только съ испребленіемъ самаго дерева. И такъ посредствомъ сего способа можно сообщаться съ самымъ отдаленнымъ попомствомъ и, можетъ быть, еще надежнѣе, чѣмъ чрезъ камень и бронзу. На дубу надпись можетъ сохраняться 500 лѣтъ, а на баобабѣ болѣе 4000 лѣтъ. Сосредоточенные круги могутъ представлять важныя данныя о возрастѣ прозрачности въ нѣкоторыхъ частяхъ земнаго шара; поелику съ достоверностію можно предположить, что нѣкоторыя деревья принадле-

жалъ къ тому времени, когда нѣкоторыя часпи, по крайней мѣрѣ, поверхности нашей планеты должны были явиться въ настоящее ихъ состояніи. Такія изслѣдованія о возрастѣ древнихъ деревьевъ особенно полезны для хронологіи; но важность ихъ зависитъ отъ почвы, на которой они растутъ. Они не могутъ принести большой пользы на первобытныхъ горахъ, коихъ возрастъ гораздо древнѣе всѣхъ растѣній; но нельзя того же сказать о почвахъ, образовавшихся во времена позднѣйшія. Дерево двухъ или трехъ тысячъ лѣтъ, находящееся на почвѣ песчаной или угольной, можетъ показать намъ по крайней мѣрѣ *минимит* лѣтъ, въ которыхъ составились слои, и тѣмъ представить важное данное не только для сихъ мѣстъ, но и для другихъ подобныхъ имъ на земномъ шарѣ. Въ послѣдствіи можно будетъ дѣлать подобныя наблюденія въ Новой Голландіи, гдѣ есть древнія деревья и гдѣ уже находили почвы всѣхъ временъ. Деревья, менѣе старыя, для путешествующаго геолога могутъ служить важными документами вулканическихъ изверженій и недавняго наплыва земныхъ почвъ.

VIII.

СОВРЕМЕННАЯ ХРОНИКА.

— ПОТОПЪ МОРАЙСКІЙ ВЪ ШОТЛАНДІИ. — Пространство, разстилающееся болѣе, чѣмъ на шесть тысячъ квадратныхъ миль, коего средношіе составляютъ горы *Монадлидскія* (Monadhleadh) и которое заключаетъ въ себя большую часть *Морайшира* (Гратсхва

Морай), недавно было позорищем страшнаго бѣдсвія. Цѣлая почти четверть Шотландскихъ земель подвергнута была внезапному наводненію. Трехсуточнаго дождя достаточно было для произведенія столь ужаснаго бѣдсвія. Хляби небесныя распорглись; рѣки вылились изъ своихъ береговъ; обширная страна превратилась въ безбрежный океанъ: дороги, нивы, здания, сады, лѣса, громады древнихъ каменей—все исчезло. Поселянинъ, коего хижина возвышалась на холмѣ, увлеченъ былъ разъяреннымъ потокомъ; жипель долины погибъ въ общемъ и безвѣстномъ гробѣ, съ своею женою и дѣтьми. Казалось, что горы, сорванные съ своихъ основаній, оплывали путь всемъ истощивкамъ, павшимся въ нѣдрахъ земныхъ, и что грозное неистовство природы покушалось изгладить съ сей обширной поверхности всякой слѣдъ человѣка и дѣла его. Волны смывали холмы; цѣлые участки земли, съ мызами, спадами и людьми, носились по новому морю, подобно снѣжнымъ хлопьямъ, увлекаемымъ быстриною потока. Дороги, плывшіяся на десяти миляхъ, совершенно изгладились. Гранитныя мосты, повѣшенныя на вѣковыхъ скалахъ, обрушились и разсыпались въ прахъ. Богатѣйшія пастбища превратились въ груды песковъ. Лѣса, сорванные съ корня, слѣдовали стремленію волнъ. Рѣки, цпоргнуныя изъ своего прежняго русла, прорыли себѣ новыя нуты. Вся топографія сей обширной страны измѣнилась совершенно. Не возможно было распознать ни одной местности, ни одного русла, ни одной грани изъ прежде существовавшихъ. Удивительно еще, какимъ образомъ не всѣ жипели Гравенда погибли. Такъ бѣдсвие сіе было внезапно, сила его непредвидѣнна, неистовство всеразрушительно.

Между тѣмъ какъ сей новый Огиговъ попопъ покрывалъ и губилъ Графство *Морайскос*, небо все пылало въ огняхъ. Громъ ревѣлъ погсюду. Высопы, на которыхъ убѣгали несчастливцы, преслѣдуемые волнами, были безпрестанно поражаемы его ударами. Это было ужасное ожеспochenie всѣхъ силъ природы, какъ бы сговорившихся пропить челоуѣка. Земля, сивавшая игралицемъ наводненія, преобразилась въ новосозданное море: и всѣ опасности, весь ужасъ, все величїе бури — разразилось надъ мирными жителями сей обширной спраны, покоившимися безмятежно подъ сѣнїю мирныхъ жилищъ своихъ.

Положеніе и физическое очертаніе Шопландїи удивительно какъ способны для подобныхъ ужасныхъ явленій, кои во внушренности Англіи почти неизвѣсны. То, что въ Англіи называется наводненіемъ, не заслуживаетъ, чтобы объ немъ думали и говорили: но Шопландскій *speat* или *spat*—есть настоящій попопъ. Посмотрите, какъ художники, родившіеся въ спранахъ не слишкомъ гориспыхъ—Пусени, Каррачи, Мартины—не имѣли удачи въ изображеніи Всемирнаго Попопа. Они не имѣли случая наблюдать вблизи величественное зрѣлище спраны, изчерченной граничными обломками, разорванной пысачью потрясеній и преданной въ добычу всѣмъ ужасамъ наводненія. Ничто не могло замѣнить для нихъ сего высокаго урока, въ коемъ опказала имъ природа. Но перенесите геній на вершину горъ *Грипианскихъ* а), сей мрачной семьи исполиновъ, скованныхъ и гроз-

(а) Цѣль горъ, прорѣзывающая Шопландію, въ западной ея части.

ныхъ, кои владычествуютъ надъ *Шотландією*. Все безмолвствуетъ; ни малѣйшее дыханіе въперка не колышетъ окружающихъ кустовъ; ни малѣйшій ропотъ спрун не прерываетъ молчанія, всюду царствующаго. Птица не зашелохнеть крыломъ въ выпяяхъ упилаго дуба; пчела не прожужжитъ надъ цвѣткомъ, красующимся среди зеленого мха. Вдругъ — изъ нѣдръ сей глубокой пниины—раздается протяжное завываніе! Громъ ли это? Или земля заревѣла въ глубинѣ своихъ безднъ, почуя ихъ внезапное колебаніе? Лице неба, коего темная лазурь чертитъ сжеминутно, принимаетъ грозный видъ и обививается на шѣмъ горъ клубами толпящихся облаковъ. Какъ будто спрон Титановъ снова рѣюся и спонутъ подъ ударами громовержца Зевеса! Молніи играютъ на ихъ вершинахъ, подобно магическому жезлу, разлетающемуся на тысячи нверней, прескучихъ и яркихъ. Со скалъ свергаются тысячи потоковъ. Каждая пещера угрожаетъ хлынуть пучиною; каждая пропинка превращается въ спремя; каждая новорожденная рѣка опливается цвѣтомъ рѣзкимъ и спраннымъ. Здѣсь воды кипятъ гуслою кровью по граниннымъ ущесамъ: тамъ съдо небо отражается въ пѣнящихся спруяхъ. Сіе безчисленное множество повыхъ рѣкъ, безъ имени и безъ происхожденія, образуетъ, шумомъ волнъ своихъ, концертъ грозный и ужасный. Горе хижинамъ! гибель и проклятіе полямъ! Сн мосты, успоявшіе противъ ста ледяныхъ зимъ, ломаются подобно тростнику, возмепаемому буйнымъ вихремъ. Гсшій потопа, *Кельти водъ а)*,

а) *Кельти* суть духи народнаго повѣрья. Между ими есть *Water-Kelpie*, духи водъ,, *Winter-Kelpie*, духи

демонъ разъяренныхъ попоковъ, съ давнихъ временъ освященный меланхолическою фантазіею Шотландцевъ въ дѣйствительное существо, председательствуетъ при сихъ опустошеніяхъ и пѣвшихся ими. Онъ выпускаетъ пропѣжные крики радости и къ симъ зловѣщимъ крикамъ присоединяются глухія сипенія последней борьбы съ жизнію, завыванія смерти, болѣзненные вопли младенца и малперы, старца и юной дѣвы, коихъ злобный демонъ испоргаетъ изъ хижинъ, увлекаетъ въ поржестіи и стремится къ океану, жаждущему поглотить ихъ.

Но оставимъ сіе слишкомъ неопредѣленное, слишкомъ общее, слишкомъ поэтическое описаніе величія и ужасовъ, свойственныхъ странамъ, наиболее жившимъ, во время ихъ бедствія. Спросимъ лучше, оипъ чего сей бичъ, нѣсколько уже разъ опустошавшій *Шотландію*, въ послѣдній разъ возобновлялся столь необыкновеннымъ образомъ, съ несповсвомъ небывалымъ и неслыханнымъ? Какія были причины сего ужаснаго наводненія? Какія особенныя явленія сопровождали его грозное шествіе?..

Въ продолженіе мѣсяцевъ Мая, Іюня и Іюля, жары стояли чрезмѣрные; электрическія перемѣны атмосферы были такъ часты, что барометръ, подверженный ихъ вліянію, вмѣсто того, чтобы предсказывать точно погоду, давалъ ложныя показанія, обличаемыя послѣдствіями. За необычайною засухой, губившего деревья и цвѣты, слѣдовали иногда дожди,

зимы и т. п. Преданія и поэзія даютъ имъ характеръ постояннаго зложелательства и коварной ироніи, которая имѣетъ свою прелесть, и напоминаетъ Гѣшева *Мефистофелля*.

или лучше ливни, весьма кратковременные, но неслыханной ярости. Множество сѣверныхъ сіяній являлось; въперѣ бушевать сильно; время было непостоянно и пестро до чрезвычайности. Одно несчастное приключеніе было предвѣстіемъ наводненія. Близъ озера *Киллохлуйчарта* (Keanlochluichart), въ приходѣ *Континсколь*, (въ *Росширт*), находится деревушка одного имени съ озеромъ. День былъ воскресный. Жители находились въ церкви, какъ внезапный проливень, сломавъ мостъ, взбушевать озеро до такой степени, что оно вылилось изъ береговъ, покрыло равнину и, добравшись до деревенскихъ хижинъ, смыло ихъ до основанія, не оставивъ ни малѣйшаго слѣда *Киллохлуйчарта*. Церковь сползла на возвышеніи и опдѣлялась опъ деревни маленькою рѣчкою и мостомъ. Можно представить себѣ изумленіе бѣдныхъ горцевъ, когда, вышедши изъ храма Божія, они не увидѣли ни моста, ни деревни, ни домовъ, ни пастбищъ, а одну широкую скаперпъ волнъ, гонимыхъ стремительнымъ потокомъ. Ихъ жилища были истреблены; благодаря Бога, дыши еще имѣли время спаслись и убежать на холмъ: это было все, что у нихъ осталось. Въ суетвѣрной простотѣ своей, они приписали сіе бѣдствіе гнѣву Божію, привлеченному на главы ихъ преступленіемъ ихъ помѣщика, который на ту пору въ Парламентѣ подавъ голосъ въ пользу возвращенія правъ Католиковъ а).

Кромѣ предрасполагающихъ привыкъ, здѣсь исчисленныхъ, были и другія, болѣе непосредственныя.

а) Жители *Горной Страны* (Highland) по большей части Кальвинисты. Есть однако и между ними Католики.

Западные вѣтры столпили надъ сѣверною частію *Шотландіи* пучу паровъ, которая, будучи увлечена внезапнымъ вихремъ, подувшимъ съ сѣверо-востока, усмирившись на юго-западъ, вымела берега *Кеттисскіе* и *Зюндерландскіе*, перешла *Морайскій Фрейтъ*, и, привлеченная наконецъ оспрыми вершинами *Монад-лидскаго* хребта, разразилась надъ испекающими изъ него рѣками: *Нерноль*, *Фейндегортонль*, *Снесю*, *Лосси-ель*, *Девероноль*, *Допонль* и *Десю*. Вся сія попоки, кипящія въ своихъ гранишнихъ руслахъ, развыпивились на безчисленное множество ручьевъ, кон въ свою очередь увеличились и умножили опустошеніе. Одна стиранность особенно замѣчательна. Чѣмъ ближе попочникъ рѣки находился къ вершинѣ горъ, тѣмъ дѣйствія ея были губительнѣе; и чѣмъ болѣе она удалялась, тѣмъ менѣе было ея свирѣпство. *Кингусси*, съ вливающимися въ него водами, увеличился до безмѣрности: *Сней* удержалась въ границахъ прежнихъ наводненій. Сила, съ которою сія масса сгущенныхъ паровъ должна была разразиться и пропоргнувшись надъ гранишними оспреями *Монад-лида*, превосходила всякое понятіе. Это — какъ выразился одинъ горецъ — была презабавная диковинка! Въ довольно большемъ разспоиніи опъ *Монад-лида* — въ *Гунтли-Лоджъ*, сельскомъ домѣ, принадлежащемъ Герцогу *Гордону* — съ цѣли часовъ утра до трехъ часовъ вечера, ливъ такой дождь, что земля покрылась водою почти на чепыре дюйма. Наконецъ сумма всей дождевой воды, выпавшей 2 и 3 Августа, равняется шѣстой часини годоваго количества, которое, въ обыкновенное время, выпадаетъ дождями во всей *Шотландіи*.

Сіе явленіе, обильное гибельными слѣдствіями, опи-

сапо весьма подробно и занимательно. *Сиромъ Тома-сомъ Дикомъ Лаудеромъ*, въ особенномъ сочиненіи, которое имѣло большой успѣхъ. Это одинъ изъ богатыхъ владѣльцевъ *Морайшира*, пріобрѣтшій извѣстность ученаго и писателя многими другими произведеніями, уважаемыми въ Англіи. Самъ онъ посвѣщалъ разрушенныя хижины; самъ подавалъ помощь несчастнымъ жертвамъ; и самъ былъ печальнымъ свидѣтелемъ, какъ прекраснѣйшія его плантаціи и сады слѣдовали за спремленіемъ всеизлагающаго попока, въковые лѣса носились по кипящимъ волнамъ, и нарядные кіоски плавали между обломками хижинъ, подобно изукрашеннымъ судамъ. Какъ ученый напущались, онъ прослѣдилъ внимательно опустошительный ходъ наводненія и какъ поэтъ, обозначилъ успѣхи его живыми сценами разрушенія и гибели, кои имѣютъ всю прелесть романа. Сія сцена онъ умѣлъ представитъ во всей прогашельности, сельской простотѣ и во всей истинѣ мѣсшнаго колорита. На пространствѣ шести сотъ миль — прочерченномъ рѣками, почти параллельными другъ другу — любовь къ жизни, эгоизмъ, преданность ближнимъ, сила души, распоротность ума, твердость характера, упорная борьба съ предпоящею смертію, породили вдругъ столько приключеній, занимательныхъ и прогашельныхъ, сколько едва ли можно начинать въ альпописяхъ ннаго цѣлаго народа.

— НЕКРОЛОГІЯ БЕНЖАМЕНА КОНСТАНА. — *Бенжаминъ Констанъ де Ребекъ*, одинъ изъ знаменитѣйшихъ писателей и величайшихъ ораторовъ Французской Палаты Депутатовъ, родился 1767, въ Лозаннѣ. Предокъ

его, *Августинъ Констанъ де Ребекъ*, Французскій выходець, оставилъ свое отечество 1605, по привязанности къ Протестантской Религiи, и поселился съ нѣхъ поръ въ Женевѣ. Отецъ *Бенжамена* служилъ Генераломъ въ Голландiи и, по возвращенiи на родину, командовалъ пѣхотной милиціей. Молодой *Бенжаменъ* учился Правамъ въ Брауншвейгѣ и вступилъ потомъ въ придворную службу, копорая однако его не связывала; ибо онъ попеременно жилъ, то въ Парижѣ, то въ Ваадпландѣ, до нѣхъ поръ, пока наконецъ совершенно окоренился во Франціи. Въ первый разъ явился онъ на поприщѣ Писателя и Публициста, 1796, брошюркою: *о силѣ настоящаго првлелiя Франціи и необходимости къ нему приобщаться* (de la force du gouvernement actuel de la France et de la nécessité de s'y allier). Около тогоже времени онъ ходатайствовалъ, съ энтузіазмомъ и силою, предъ *Пятистольнымъ Советомъ*, о возстановленiи *Нантскаго Эдикта*, въ пользу своихъ единовѣрцевъ, потомковъ семействъ, принужденныхъ удалиться изъ Франціи, въ слѣдствіе его уничтоженiя. Ходатайство сіе имѣло успѣхъ совершенный. Въ 1797 издалъ онъ двѣ новыя брошюрки: *о политическихъ противодѣйствiяхъ* (des reactions politiques) и *о слѣдствiяхъ терроризма* (des effets de la terreur). Первою спаралсился онъ убѣдить къ нспышному прекращенiю кровавыхъ переломовъ, коими партіи безпрестанно губили другъ друга; въторая имѣла цѣлю показатъ, что, если не должно вымѣщать преступленiя преступленiями, то не должно жъ однако и извинять ихъ, а нѣмъ меньше приниматъ въ нихъ участіе. За нѣсколько мѣсяцевъ до 12 Фруктидора, *Бенжаменъ Констанъ*, сдѣлавшись однимъ изъ главныхъ членовъ *Конституціоннаго Круга* (Cercle Constitutionnel), много способство-

валъ къ назначенію Талейрана Министромъ Иностранныхъ Дѣлъ. Рѣчь, произнесенная имъ при открытіи сего *Круга*, известнаго болѣе подъ именемъ *Клуба Благодѣствія* (Club de Salut), отличалась сильными нападеніями на господствовавшее тогда безначаліе. Бывъ чуждъ совершенно произшествій, передавшихъ власть въ руки Наполеона, онъ однако возведенъ былъ въ званіе Трибуна, 1799. Здѣсь онъ не измѣнилъ себя. Безпрестанное разширеніе Консульскаго могущества противорѣчило его началамъ: и онъ немолчно вопіялъ противъ покушеній и замысловъ новаго Кромвеля. Между тѣмъ назначенный привѣтствовать опять лица Франціи побѣдителя Маренгскаго, онъ умѣлъ совмѣстить чувство угрожаемой свободы съ уваженіемъ къ герою, представителю народной славы. Къ этой эпохѣ относится его сочиненіе: *слѣдствія контр-революціи въ Англіи 1660* (suites de la contre-revolution de 1660 en Angleterre). Наконецъ терпѣніе Наполеона истощилось; и *Бенжамень Констанъ* получилъ повелѣніе оставить Францію, вмѣстѣ съ *Г-жею Сталь*, которую и сопровождалъ въ путешествіяхъ ея по Европѣ. Уставши скипаться, онъ осѣлковился въ Геттингенѣ, гдѣ женился на одной дѣвушкѣ изъ знаменитой Ганноверской фамиліи. Тамъ онъ занимался изученіемъ Нѣмецкой Липерауры, къ коей имѣлъ всегда спрасъ, и перевелъ на Французскій языкъ Шиллерова *Валленштейна* безъ достовѣрства. Въ 1814 возвратился онъ, въ свитѣ Шведскаго Крон-Принца, въ Парижъ, гдѣ объявлялъ себя ревностнымъ защитникомъ Бурбоновъ (*).

(*) Изъ тогдашнихъ его сочиненій замѣчательны: *о духѣ завоеванія и хищенія въ отношеніи къ Европейской*.

Эпо не помышало ему однако, вопреки торжественному объявленію при извѣстіи о возвращеніи Наполеона съ оспрова Эльбы, принявъ званіе Государственнаго Совѣтника опѣ низверженнаго Императора, на другой день послѣ прибытія его въ Парижъ. Говорятъ, будто опѣ не могъ противиться непреодолимой силѣ обольщенія, которую Наполеонъ сохранялъ постоянно надъ умами, и необходимости защищать, въ лицѣ его, представителя народной славы и независимости. Какъ бы то ни было, при вопоричномъ возвращеніи Короля, онѣ удалился въ Брюссель, откуда получилъ позволеніе возвратиться не прежде 1816. Здѣсь онѣ долго находился уснраненнымъ опѣ дѣятельнаго участія въ дѣлахъ общественныхъ; и сему-то времени досуга принадлежитъ его число липпературное произведе- ніе: *Адольфъ, анекдотъ, найденный въ бумагахъ неизвѣстнаго* (Adolphe, anecdote trouvée dans les papiers d'un inconnu). Его гражданская дѣятельность не оставалась однако въ покоѣ; и знаменитый процессъ *Вильфрида-Ренію*, коему исходапайствовалъ онѣ милосердіе Короля, доставилъ ей новое блестящее торжество. Въ 1819, не смотря на усилія Минисперства, *Бенжаменъ Констанъ* выбранъ былъ депутатомъ опѣ Департаментна Сарны, и въ Палатѣ занялъ первое мѣсто между главами лѣвой стороны или оппозиціи.

образованности (de l'esprit de conquête et de l'usurpation, dans leurs rapports avec la civilisation Européenne); размышленія о постановленіяхъ, раздѣленіяхъ власти и поругительствахъ Конституціонной Монархіи (reflexion sur les constitutions, la distribution des pouvoirs et les garanties dans une Monarchie Constitutionnelle) и другія,

Онъ объявилъ себя ревностнымъ поборникомъ Хартии и конституціонныхъ началъ. Къ сожалѣнію, его органъ былъ не очень ясенъ, и посему рѣчь не всегда внятна. Также ошущипелень былъ въ немъ недоснапокъ попрясающей силы и увлекающаго жара; но за то діалектика его была непреодолима. Никто лучше его не умѣлъ открывать слабой стороны, въ которую можно поразить непріятеля. Его доводы отличались ясностію, помкостію и не рѣдко ироническимъ лукавствомъ, запутывавшимъ пропивниковъ въ хитро раскинутыя сѣти. Преимущественно возбуждалъ онъ удивленіе преніямъ, коими восплавалъ пропивъ *закона исключенія и перелитъ въ выборахъ*. Въ знаменитой брошюрѣ: *о побужденіяхъ, внушившихъ новый проектъ закона для выборовъ* (sur les motifs, qui ont dicté le nouveau projet de loi sur les élections), онъ усиливался показавъ въ предлагаемыхъ измѣненіяхъ поржѣство древней аристокраціи надъ Націею, Минисперствомъ и даже надъ самимъ Королемъ. Герцоги Де-Казъ и Ришельё были опмѣчены въ ней яркими красками. Въ такомъ духѣ, не всегда обуздываемомъ умѣренностію, предводилъ онъ постоянно оппозицію. Въ 1822, послѣ закона о полиціи Журналовъ и свободѣ книгопечатанія, сопротивленіе его сдѣлалось рѣзче и упорнѣе. Ему вездѣ видѣлись ковы аристокраціи и замыслы пропивъ народнаго благоденствія. Въ 1824 снова былъ онъ избранъ депутатомъ; но былъ признанъ, послѣ долгаго сопротивленія, доказавши ясно права свои на гражданство Французское. Тогдажъ явилось въ свѣтъ и швореніе его: *о религіи, разсматриваемой въ ея источникъ, формахъ и развитіяхъ* (de la religion, considérée dans sa source, ses formes et se developpemens). Образъ дѣйствованія его въ Палатѣ оста-

вался между штырь рывительно неизменно. Въ послѣднихъ происшествіяхъ, онъ принялъ дѣятельное участіе. Смерть застала его посреди новаго волненія и новыхъ перевороповъ. Онъ умеръ въ Декабрѣ прошедшаго года. Тѣло его предано погребенію 12 того же мѣсяца, съ большимъ великолѣпіемъ. За гробомъ следовало болѣе тысячи человѣкъ всякаго званія. Покровъ держали: Лафашитъ, Лафитъ, Дюпонъ де Луаръ и Казимиръ Перье. Ръчи на могилѣ произнесли: Лафашитъ, Одильонъ Барро, Тиссо и другіе. Торжество продолжалось отъ полудня до восьми часовъ вечера.

— Геройство Вольнея Беккера. — *Вольней Беккеръ* родился въ Лондондерри, въ Ирландіи. Судьба отказала ему въ выгодахъ рожденія и счастья; но природа посѣяла въ душу его сѣмена необыкновенныхъ качествъ, кои рано или поздно возвышаются надъ толпой и ведутъ къ славы ихъ обладателя. Сынъ бѣднаго необразованнаго мапраса, онъ не могъ получить другаго воспитанія, кромѣ того, которое было сообразно съ званіемъ его отца, къ которому и самъ былъ назначенъ съ рожденія. Но необыкновенная возвышенность души, твердое и рывительное мужество, обнаружившееся въ немъ съ самаго нѣжнѣйшаго младенчества, были вѣрными поручительствомъ блестящихъ подвиговъ, коихъ следовало бы ожидать отъ него, еслибъ Провидѣніе назначило ему жизнь долѣе.

Отецъ *Вольнея*, морякъ безстрашный и дружно свѣкшійся съ шпудами и опасностями своего тяжкаго ремесла, вознамѣрился пріучить дитя свое, еще въ колыбели, ко всему, что нужно для хорошаго мапраса. По счастью *Вольней* имѣлъ отличное сложеніе; и суровые опыты, коимъ подвергалъ его отецъ, только что развили его физическія силы. При воспитаніи

его пренебрежены были все попечения, коих требует младенческой возрастъ, и безъ которыхъ, кажется, нельзя обойтись. Сколько по нуждѣ, столько и по желанію своего отца, *Вольсей* былъ воспитанъ почти почвъ въ почвъ, какъ молодые Спарпанцы. Переносить спокойно и терпѣливо голодъ, холодъ, усталость, бѣжать на встрѣчу опасностямъ, доискиваться самому изрудовъ, не пренебрегать ни чего, способствующаго укрѣплять тѣло и возвышать душу — таково было назначеніе молодого *Беккера*. Искусство плавать имѣетъ гораздо большую важность, чѣмъ обыкновенно думаютъ. Какъ упражненіе гимнастическое, оно имѣетъ неоспоримое достоинство; какъ средство спасенія, оно столь важно, что все люди, и особенно тѣ, кои назначаются для моря, должны быть съ нимъ какъ можно короче знакомы. У моряка искусство плавать должно предшествовать всякому другому образованію: ежеминутно подверженный опасностямъ кораблекрушенія, часто одному только ему онъ обязанъ бываешь своимъ спасеніемъ. Спарый *Беккеръ* зналъ это очень хорошо; и посему началъ учить плавать своего сына, какъ скоро онъ вышелъ изъ колыбели.

Еще не умѣлъ онъ говорить, какъ отецъ погружалъ его въ волны, и тамъ, поддерживая одной рукой, показывалъ ему, какимъ образомъ долженъ онъ быть двигать своими слабыми членами, чтобы плавать. Столь раннее упражненіе привело его въ состояніе, съ четырехлѣтняго возраста, слѣдовать на довольно значительное разстояніе за судномъ, на которомъ находился его отецъ. Бдительный глазъ спарика, постоянно усматривавшій на ребенка, замѣчалъ вѣрно минути, въ которую онъ начиналъ усаивать.

Тогда *Беккнеръ* бросался въ море, бралъ ребенка на руки и приносилъ на корабль.

Въ другое время, когда малюшка менѣе былъ утомленъ, ему бросали веревку, посредствомъ которой онъ взбирался самъ весьма проворно на палубу. Маленькой *Беккнеръ* не замедлилъ наловчиться. Онъ былъ такъ смѣлъ, такъ дѣлелень, чпо въ самую сильнѣйшую бурю принимать участіе въ мантросскихъ работахъ, съ совершеннымъ спокойствіемъ. Во время грознаго боренія стихій, когда вѣтеръ, съ дикимъ ревомъ, рвалъ паруса, и дождь лилъ потоками, *Вольней* бодро оставался за работою, такъ чпо ни ужасный видъ бури, ни труды, конхъ она претривала, ни сколько его не прогали. Кгда судно, носимое разъяренными волнами, по забрасывалось подъ облака, по грозило обрушиться въ преисподнія бездны, малюшка гвздился на кругу большой мачты или высѣлъ въ снастяхъ, съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ какимъ на землѣ и въ совершенной безопасности онъ бури редкой можетъ любоваться столь величественными ужаами.

Суровое и даже жестокое воспитаніе наилучшимъ образомъ приготавлиетъ къ героическимъ подвигамъ и къ доблестному самоинверженію. Въ настоящемъ состояніи обществѣ, такая система воспитанія считается варварскою и грубою, не смотря на то, чпо способствуетъ къ успешному развитію нашихъ нравственныхъ и физическихъ качествъ; уроки опыта сколько ни явно доказываютъ сю истину, остаются однако напрасными. Маленькой *Беккнеръ* былъ воспитанъ съ крайнею суровостію; корабельные сухари составляли его единственную пищу; ему позволялось спать только нѣсколько часовъ, да

и то не въ постель, а на полу. Не смотря на то, маюпка наслаждался постоянно совершеннымъ здоровьемъ: никогда не испытывалъ онъ ихъ безчисленныхъ болѣзней, копоры такъ часто превожашъ младенчество. Любовь къ славѣ, желаніе отличиться—раждаются съ человекомъ. Подобно всѣмъ прочимъ спрастямъ, ихъ можно подавлять и возбуждать; но никогда не возможно развить ихъ тамъ, гдѣ природа не бросила сѣмянъ для нихъ. Безъ сомнѣнія общенпслсыва доставляютъ средства къ совершению величайшихъ подвиговъ, также какъ и величайшихъ злодѣяній; но спрасть, копорая даетъ первая побуждешя и напрягаетъ дѣятельность, существуетъ прежде обстоятельство. Часто видимъ мы въ людяхъ, лишенныхъ всякаго воспитанія, пламенную любовь къ наукамъ, и въ классахъ весьма не высокихъ соревнованіе, повидимому не очень совмѣстное съ степенью, занимаемою ими въ обществѣ. Это слѣдствіе естественнаго инстинкта, дающаго чувствовать себя, прежде чѣмъ способности духа успѣютъ разыграться. Принадлежа къ самому низшему сословію, маленькій *Беккиеръ* мало учился изъ книгъ; и хотя былъ одаренъ быстрою смѣлливостію и постояннымъ терпѣніемъ, сн качества не принесли большихъ плодовъ, по недостатку образованія. Не вѣдая наслажденій, доставляемыхъ ученіемъ, и не имѣя поему возможности, ни даже надежды пользоваться развлеченіями, кои оно общаетъ своимъ любимцамъ, *Вольней* далъ своей дѣятельности другое направленіе. Все великое, все смѣлое поражаетъ обыкновенно вниманіе дѣтей. Они вообще любятъся играми, преобладающими отважности и мужества. Сія смѣлость, сіе презрѣніе опасностей, глубоко вкорененныя въ

сердцѣ *Вольера*, обнаружались въ немъ съ самаго нѣжнѣйшаго возраста и получили новую силу опѣ мужественнаго воспитанія.

Первыя мечты его были мечты славы: ибо благородныя чувствованія имѣли въ его душѣ верхъ надъ всѣми другими пришлыми понятіями. Сильный своею неустрашимостію и постоянствомъ, одаренный сложеніемъ крѣпкимъ и привыкшій къ труду и усталости, *Вольеръ*, не имѣлъ другаго желанія, кромѣ того, чтобы ускорить приближеніе минуты, въ которую сіи призраки славы, царовавшіе его юное воображеніе, осуществятся на самомъ дѣлѣ. Все его честолюбіе ограничивалось желаніемъ отличиться въ морской службѣ. У него спрашивали однажды, что такое слава. »Служить своему отечеству съ ревностію и исполнять вѣрно всѣ обязанности своего званія«—отвѣчалъ онъ съ жаромъ. Столь отличныя качества доставили ему на двенадцатилѣтнемъ возрастѣ производство съ двойнымъ жалованьемъ. Капитанъ представлялъ его въ примѣръ прочимъ молодымъ мажорсамъ и говаривалъ: »Если эшонтъ малой будетъ продолжать, я увѣренъ, что онъ скоро меня обгонитъ.«

Неустрашимость *Беккера* возрастала безпрестанно; казалось, что юная душа его находила удовольствіе въ преимущественномъ исполненіи тѣхъ обязанностей, кои казались наиболее опасными его товарищамъ и пугали ихъ. Но изъ всѣхъ безчисленныхъ опытовъ мужества, прославившихъ его кратковременное существованіе, ни одно не заслуживаетъ столько удивленія, какъ то, которое положило конецъ его жизни. Судно, на которомъ былъ *Беккеръ* съ своимъ офицеромъ, шло изъ Пор-де-Пренса, что во Франціи. Между пассажирами находился на немъ одинъ богатый Американецъ, съ до-

черью еще маленькою. Эта дѣвочка—воспользовавшись минутою, въ которую нянька ея, будучи не очень здорова, заснула—подбѣжала къ кормѣ корабля и остановившись, заглядѣлась съ дѣтскимъ любопытствомъ на безпредѣльное пространство океана. Все вниманіе ея было поглощено такимъ образомъ, какъ вдругъ легкій шумъ заставилъ ее внезапно содрогнуться. Она потеряла равновѣсіе и упала въ море. По счастью, *Беккеръ* отецъ завидѣлъ это въ ту же минуту; и съ быстротою молніи, ринулся въ воду, чтобы спасти ее. Нѣсколько секундъ доспаивочно было ему для того, чтобы схватить ребенка. Онъ прижалъ его одной рукой къ груди, а другою поплылъ обратно къ кораблю. Увѣренный въ своемъ искусствѣ, онъ не сомнѣвался, что скоро будешь на палубѣ; какъ вдругъ, къ величайшему ужасу, увидѣлъ огромную акулу, прямо на него стремившуюся. Сие чудовище, алкая овладѣть завидною добычею, разсѣкала волны съ ужасною быстротою и силою. Угрожаемый смертію близкою опасностью, *Беккеръ* началъ претованіе помощи. Весь экипажъ, всѣ пассажиры собрались на палубѣ; но хотя каждый видѣлъ опасность и сожалѣлъ объ участи великодушнаго моряка, никто не отваживался подать ему помощи. Видъ чудовища поразилъ всѣхъ ужасомъ.

Между тѣмъ, за недоспаивкомъ лучшихъ средствъ, произвели огонь на акулу; но она, не претоваясь ни мало шумомъ стрѣльбы, наплывала ближе и ближе на несчастнаго *Беккера*. Въ эту минуту ужаса и отчаянія, молодой *Вольней*, видя неизбежность опасности, коей отецъ его долженъ былъ сдѣлаться жертвою, схватилъ саблю и бросился въ море. Онъ нырнулъ подъ воду, заплываетъ въ пылъ чудовищу, подвергается подъ него, и съ искусствомъ, равнымъ хлад-

покровию и мужеству, вонзаетъ въ него свое оружіе по самую рукоять. Изумленная симъ неожиданнымъ нападеніемъ и разъяренная еще болѣе нанесенною ей раною, акула оспавляетъ свою добычу и обращаетъ всю ярость на юнаго непріятеля.

Зрѣлище стольже новое, сколько ужасное, представилось тогда взорамъ всѣхъ, кои, на палубѣ корабля, ожидали съ смертельною тоскою окончанія борьбы столь неравной. Ни видъ противника столько ужаснаго, ни очевидное неравенство бившыхъ, не испугали маленькаго *Беккнера*. Дело шло о жизни его отца. Онъ подстергаетъ всѣ движенія чудовища и наноситъ ему каждую минуточку новыя раны. Но у него недостаетъ силъ, чтобы нанести смертельный ударъ; и хотя непріятельница его видимо ослабла, онъ чувствуетъ однако необходимость отказаться отъ сраженія и ворочиться къ кораблю. Уже веревки брошены были для *Беккнера* и его мужескаго сына, дабы помочь имъ возвратиться на палубу; но движеніе волнъ и необходимость избѣжать направленія, по которому разъяренное чудовище могло ихъ преслѣдовать, пренеписывали обомъ несчастливцамъ воспользоваться помощью, имъ предлагаемою. Между тѣмъ они успѣли кое-какъ приблизиться; каждый изъ нихъ овладѣлъ одною изъ безчисленныхъ веревокъ, спущенныхъ машинами, которые немедленно принялись тащить ихъ на корабль. Пассажиры присоединяютъ свои усилія. Пламенное желаніе спасти сихъ двухъ неустрашимыхъ несчастливцевъ и первый успѣхъ удвоитъ ихъ силы; надежда возрождается въ сердцахъ. Уже оба *Беккнера* подняты надъ волнами; спасеніе ихъ кажется не сомнѣнно: но чудовище, истекая все кровью, пренещетъ отъ ярости, видя похищеніе своей добычи. Инстинкты и

мщеніе заставляють его собрать всѣ свои силы; оно кидается и, въ одинъ ужасный скачокъ, схватываетъ поперекъ гѣла несчастнаго *Вольера*, еще висѣщаго на веревкѣ, разрываетъ пополамъ свою жертву, пожираетъ одну половину и оставляетъ другую, какъ ужасное свидѣтельство героизма и лютой судьбы маленькаго *Беккера*. При семъ видѣ, зрители испустили страшный крикъ и оледѣли отъ ужаса. Между тѣмъ старались спасти по крайней мѣрѣ снараго *Беккера*, который былъ выпущенъ на корабль съ малюпкою, несчастною причиною смерти столь лютой и преждевременной. Таковъ былъ славный конецъ отважнаго и великодушнаго *Вольера*. Онъ едва переступилъ двенадцать лѣтъ, когда опивался на сію ужасную бѣду, положившую конецъ его жизни, уже богатой шакъ ярко блиставшими и шакъ рано померкшими надеждами.

X.

Новости Наукъ и Искусствъ.

—Настоящее состояніе земледѣлія въ главнѣйшихъ Европейскихъ государствахъ, сравнительно съ нхъ народонаселеніемъ.—Поверхность государства, говорящъ одинъ знаменитый Статистикъ, сама по себѣ есть величина мертвая, получающая первоначально цѣнность отъ

способности къ воздѣлыванію и попомъ опъ самаго воздѣлыванія; а какъ стихія силы, приобрытаеиъ промышленическую важность опъ качества, разнообразія и богатства работъ и произведеній. Это не означаетъ однако, что земля можеиъ быть оживляема единственнo дѣятельностію человека: смена ея образованія находяиъся въ ея ндрахъ; она не мертва и въ рукахъ природы. Производительныя силы ея современны генію человека: въ дѣйствительномъ своемъ состояніи она представляетъ ему свои приспани, рѣки, лѣса, безчисленное множество дикихъ звѣрей, драгоценныя сокровища домашнихъ животныхъ, какъ орудія добычи и богатства. Впрочемъ здѣсь дѣло идеиъ *о государствѣ*, то есиъ, о такой справѣ, которая уже въ рукахъ, болѣе или менѣе промышленныхъ, народа образованнаго.

Такъ, напримеръ, огромная масса земель, воздѣлываемыхъ и невоздѣланныхъ, въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Брипанскомъ Архипелагѣ, представляетъ досипачное изъясненіе необыкновеннаго умноженія народонаселенія въ сихъ странахъ, и въ особенности въ первой. Правда, сему приращенію содѣйствуютъ многія другія причины. Но вообще это было бы не возможно, если бъ не было въ нихъ обширныхъ земель, способныхъ къ воздѣлыванію, коихъ обрабатываніе не только что открываетъ обширное поле для дѣятельности и полезнаго употребленія капиталовъ, но еще сверхъ того доспавляетъ вѣрное пропитаніе возрастающему народонаселенію, и служииъ ободреніемъ и побужденіемъ къ успѣхамъ мануфактуръ и фабрикъ, и вообще всякихъ дѣйствій промышленности. Въ семъ-то отношеніи весьма важно вліяніе способовъ, коими извлекаеиъ польза изъ удобной къ воздѣлыванію поверхности, на всѣ другія отрасли государственнаго бытія.

Такъ, напримѣръ, поверхность земли, которую въ Швеціи и Норвегіи можно принять вообще за производительную, занимаетъ пространства болѣе, нежели производительная поверхность Великобританіи, и почти равна способной къ воздѣлыванію земель во Франціи. Въ сихъ двухъ Королевствахъ почти двѣ трети почвы употребляются на земледѣіе (хлѣбъ, пастбища, виноградникъ и проч.); между тѣмъ какъ въ двухъ поименованныхъ сѣверныхъ государствахъ, обширные лѣса, которые уже по своей обширности теряютъ много цѣны, покрываютъ болѣе $\frac{9}{10}$ способной къ воздѣлыванію поверхности, такъ что не много болѣе $\frac{1}{10}$ употребляется для земледѣія. Не останавливаясь на многихъ другихъ разностяхъ, представляемыхъ сими государствами, замѣтимъ, что въ Соединенныхъ Штатахъ считается на квадратную милю 3,861 жителей, во Франціи 3,046; въ двухъ же сѣверныхъ государствахъ на такое же пространство приходится только 262 человека; да и тѣ питаются привознымъ хлѣбомъ.

Вообще, изъ сравненія народонаселенія государствъ съ воздѣлываніемъ въ нихъ земель, открываея, что сіе послѣднее имѣетъ сильное вліяніе на народонаселеніе и на успѣхи земледѣія, такъ какъ пространство въ свою очередь имѣетъ большое вліяніе на всѣ сгущеніи общественнаго благосостоянія. Въ семъ отношеніи слѣдующая таблица должна быть любопытна для занимающихся Статистикою и Экономіею Политическою. Она заимствована у Барона Мальхуса, ученьяго изъ Нѣмецкихъ Статистиковъ,

ИМЕНА Государствъ.	Пространство земли, занимаемой полями.	Пространство земли, находящейся под лугами и пастбищами.	Земля, занятая лѣсами.	Число жителей на квадрат. миль. 15 град.
Соединенные Штаты.	0,57	0,37	»	3,861
Франція.	0,50	0,16	0,12	3,046
Австрія.	0,56	0,90	0,39	2,469
Россія. (Европейская часть, коей границы означены по Ньвецкимъ Географамъ.)	0,36	»	0,54	634
Пруссія.	0,48	0,23	0,29	2,302
Нидерланды.	0,50	0,34	0,15	4,661
Испанія.	0,23	0,48	0,25	1,550
Португалія. (безъ Азорскихъ острововъ.)	0,64	0,12	0,20	1,826
Швейцарія.	0,19	0,24	0,53	2,666
Данія. (безъ Исландіи.)	0,80	0,06	0,05	777
Швеція и Норвегія.	0,03	0,01	0,95	262

— СТАТИСТИКА ЦАРСТВА РАСТЕНІЙ И ЦАРСТВА ЖИВОТНЫХЪ ВЪ 1830 Г.—Только приблизительно можно опредѣлять число различныхъ существъ, какъ растеній, такъ и животныхъ, разсыянныхъ по поверхности земнаго шара. Систематическіе капалогі ихъ весьма не полны; публичныя коллекціи народовъ, занимающихся Естество-

свѣтлою Исторіею, заключающую множество видовъ, еще не описанныхъ ; ежедневныя открытія сполько увеличиваютъ ихъ количество, что прилагаемое здѣсь вычисленіе должно починать сокращеніемъ только того, что теперь пока извѣстно о семъ предметѣ. Оно составлено по показаніямъ ученыхъ Естественныиспытателей, комъ собственныя наблюденія, ученые путешествія и важнѣйшія сочиненія о разныхъ предметахъ Естественной Исторіи даютъ возможность познать и изчислить ся несмѣнное богатство. Г. Лессонъ (Lesson), Профессоръ Ботаники при Морской Медицинской Школѣ, составилъ опцель о царствѣ растѣній и всѣхъ живопныхъ позвоночныхъ; а Гну Рейно (Reynaud), Профессору Анатоміи при той же Школѣ, и знаменитому Натуралисту, Доктору Мильну Эдуарду (Milne Edwards), принадлежащъ изчисленіе классовъ живопныхъ безпозвоночныхъ. Но повторяемъ еще, что числа, представленныя въ сей таблицѣ, только *приблизительно* показываютъ богатство двухъ царствъ природы, извѣстное въ 1830 году.

ЦАРСТВО РАСТИТЕЛЬНОЕ.

	Число видовъ.
Турнеторъ	6,000
Линней	8,000
Персонъ, <i>Synopsis</i> 1806	17,000
Декандоль, 1827	40,000
Всего въ царствѣ растѣній въ 1830 г.	80,000.

ЦАРСТВО ЖИВОТНОЕ.

ЖИВОТНЫЯ ПОЗВОНОЧНЫЯ.

Сосцеитающія.

Линней и Гмелинъ	350
Бюффонъ	300
Демаре (Demarest)	800
Лессонъ (число настоящее)	1,000
(число сомнительное)	100
Приблизительное число въ 1830 г.	1,500

Птицы.

Линней	1,300
Бюффонъ	1,700
Вельйо (Vicillot)	4,000
Кювье	5,000
Лессонъ, въ 1830	6,500
Приблизительное число въ 1830 г.	7,000

Насъкомыя.

Линней	300
Ласепедъ	500
Мерремъ	523
Приблиз. число въ 1830 г.	1,500

Рыбы.

Ласепедъ, 1802.	1,300
Кювье, 1828.	6,000
Приблиз. число въ 1830 г.	8,000

Всего животноныхъ позвоночныхъ . . . 18,000

ЖИВОТНЫЯ БЕЗПОЗВОНОЧНЫЯ.

Суставчатыя.

Черепоконныя	1,500
------------------------	-------

ТЕДЕСК. Ч. I.

Пауки	2,500
Насѣкомыя	50,000
Кольчапыя	300

Безсуставныя.

Моллюски	20,000
Зоофиты	8,000

Всего жив. безпозв. 82,000

Общій итогъ цар. животн. 190,000

—высшія чугунныя дороги. — Англійскіе Инженеры ежедневно съ новою дѣятельностію проспиранируютъ улучшения и усовершенствованія, относительно настоящей системы чугунныхъ дорогъ съ жолобами. Устроена недавно *Сиромъ Христофомъ Гаукинсомъ*, отъ Сен-Аустреля до Пенпью (Pentew), есть одна изъ самыхъ любопытнѣйшихъ въ подобномъ родѣ, какія только находятся въ Англіи. Она начинается отъ Сен-Аустрельскаго моста, идетъ черезъ эпотъ городокъ и сѣднюю долину, все оплодотворяетъ скапомъ, и наконецъ оканчивается при Пенпьюской пристани. Вѣчно покрыта она шлегами и возами. Четыре повозки вмѣстѣ, прикованныя одна къ другой цѣпами, сами собой качаясь по ней изъ Сен-Аустреля, откуда два человека пускаютъ ихъ безъ особеннаго напряженія. Эти шлеги наполнены трубочною глиною и фарфоровымъ пѣстомъ. Ихъ быстрое увеличиваніе мало по малу: и, на разстояніи двухъ сотъ шаговъ равняется съ быстрой легкой почвы, скачущей галопомъ. Въ продолженіе двухъ Англійскихъ миль сія быстрая сохраняется, но потомъ постепенно уменьшается, приближаясь къ Пенпью. Такимъ образомъ со-

рокъ и пятьдесятъ тоннъ фарфорового пьста перевозился ежедневно, въ часъ по три мили.

Сія система получила недавно новое важнѣйшее улучшение. Висячія дороги съ жолобами, изобрѣтенныя Г. Дикомъ, представляютъ еще большія выгоды. Сія дорога, вмѣсто того чтобы дѣлать извилины и круги, будучь вѣдши прямою линіею отъ одного мѣста до другаго, возвышаясь надъ землею, такъ что сія послѣдняя можетъ быть подъ ними обрабатываема, какъ обыкновенно. Издержки на такую висячую дорогу будутъ въ половину менѣе усроенной проспо по землѣ; а покапость, которую ей можно давать, еще болѣе должна увеличиться скоросію вѣды, такъ что телега можетъ дѣлать по ней тридцать, а легкая почта шестидесять миль въ часъ. Въ Монмутширѣ чугунная дорога съ наклоненной покапостью, движущаяся и дѣйствующая сама собою, опдѣлана недавно подлѣ Суанзи (Swansea). Наклоненіе ея по два дюйма на стоазъ: она служить сообщеніемъ между каналомъ Суанзійскимъ и рудоконьями землянаго угля, принадлежащими Ландорской компаніи. Въ двѣ минуты, десять тоннъ (200 центнеровъ) пробѣгаютъ по нѣмъ полмили, что составляетъ пятнадцать миль въ часъ. Такимъ образомъ компанія можетъ отправлять въ два часа 300 тоннъ (6,000 центнеровъ) турфа.

—новыя археологическія находки. — Г. Дроветти привезъ не давно изъ Египта въ Ливорно нѣсколько Египетскихъ и Греческихъ памятниконъ, заслуживающихъ вниманіе любителей древностей. Это можетъ быть послѣднія добычи, которыми Махмудъ Али Паша дозволилъ еще воспользоваться Европейской учености. Памятники сіи суть

сѣдующіе. Спатуя изъ бѣлаго мрамора, вышиною въ девять ф., представляющая *Антиноя*, въ образѣ Аполлона. Она была найдена 1824 въ Ликополісѣ, въ верхнемъ Египтѣ, и состоить изъ многихъ частей, для полноты коихъ, по несчастію, не доспаетъ одной руки. Другая, вышиною въ восемь ф., хорошо оцѣланная и драпированная спатуя, кажется, представляеть *Императрицу*. У ней недоспаетъ головы и рукъ. Третья, имѣющая также восемь ф. въ вышину, изъ гранита, нѣсколько обломана и представляеть, какъ думаютъ, великаго *Сезостриса*. Наконецъ два большіе саркофага изъ гранита и маленькій надгробный камень.

— АЗІЯТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА. — Одинъ Индусъ, по имени *Гумрамъ Дайкіяль Фугунъ*, издалъ въ Калькутѣ первую часть *Исторіи Ассима*, написанной по Бенгальски. Полное сочиненіе соспавишь четыре части; первая, копіюрая еще одна вышла, представляетъ непрерывное преемство царей *Ассимскихъ* и подробное описаніе ихъ дѣйствій. Вторая будетъ посвящена подробностямъ о гражданскомъ устройствѣ и правительствѣ; третья — географіи; четвертая — правамъ народнымъ и раскрѣпкою состава кастъ и обрядовъ религіи. Индійцы, какъ извѣстно, доселѣ не занимались своими свѣтскими лѣтописями; посему сочиненіе, о которомъ мы говоримъ, есть любопытное явленіе — новоспѣ замѣчательная въ исторіи ихъ литературы. Другой, также туземецъ, *Тарашомедъ Шукрувурти*, разобралъ, въ *Калькутской Газетѣ*, произведеніе своего соотечественника, слогу коего отдаешь преимущество въ легкости и ясности, но отказываетъ въ чистотѣ и пріятности. Недавно также объявлена въ Калькутѣ подиска на Англійскую

поэму: *the Jhair*, сочиненную молодымъ же Индусомъ по имени *Казипразад-Гизе*.

—ГЭЛИЧЕСКІЙ или ЭРСКІЙ ЯЗЫКЪ.—Въ Глазгоу (Glasgow) составилось общество, подъ названіемъ: *Гласгоуское Цельтическое Общество*. Его цѣль собрать и сохранить послѣднія преданія Гаэлическаго Языка, котораго слѣды начинаютъ изглаживаться даже и въ городахъ Шотландскихъ, гдѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, симъ шотлько нарѣчіемъ и говорили. *Гласгоуское Цельтическое Общество* предлагаетъ переимѣнить Гаэлическое правописаніе, столь ужасное и столь затруднительное по великому числу согласныхъ буквъ, обременяющихъ большую часть словъ. Въ Эрскомъ переводѣ Библіи, счислялся шестисъ сотъ тысячъ согласныхъ буквъ. Имя: *слуга, рабъ*, переводится по Гаэлически, *searbhfhaghanthuidhe*: большая часть словъ такого рода. По сему предмету у новаго Гаэлическаго Общества возникъ споръ съ Докторомъ *Макъ-Лодомъ*, издавателемъ *Гаэлическаго Вѣстника*.

— ГОДОВЫЙ ОТЧЕТЪ О ПАРИЖСКИХЪ ЗРѢЛИЩАХЪ ЗА 1830 г. — Въ теченіе 1830 года, на Парижскихъ театрахъ было представлено 175 новыхъ піесъ; и именпо: въ *Оперѣ* 3, на *Италіанскомъ Театрѣ* 5, на *Театрѣ Французскомъ* 12, на *Одеонѣ* 24, на *Фейдо* 9, на *Театрѣ Воестлей* 21, въ *Гимназіи* 10, на *Театрѣ Всякой Всячины* (Variétés) 24, на *Театрѣ Новостей* 17, на *Театрѣ Комической Двусмысленности* (Ambigu-Comique) 18, на *Театрѣ Веселости* (Gaité) 15, у *Воротъ С. Мартина* 9, въ *Циркѣ Олимпійскомъ* 9.

ОТЕЧЕСТВЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— *Конкурсъ для занятія Кафедры Красноречія, Стихотворства и Языка Россійскаго при Императорскомъ Московскомъ Университетѣ.* — Смерть незабвеннаго А. Θ. Мерзлякова, занимавшаго Кафедру опечеспвленной Словесности при Московскомъ Университетѣ, почти цѣлую четверть вѣка, есть поперя, коей важность вполне чувствуютъ всѣ, слушавшіе его въ блестящія минуты истинно орапорскаго вдохновенія. Для вознагражденія сей пошери, Университетъ, въ силу предписанія Высшаго Начальства, открываетъ конкурсъ и приглашаетъ ученыхъ къ занятію празднои Кафедры, слѣдующею программю.

»Требуется, чтобы каждый изъ соискателей въ сочиненіи своемъ

1. Касательно *Языка Россійскаго*, показалъ:

- a) Спихійныя начала его, сродство въ коренныхъ словахъ съ древними языками и законы эпимологическихъ измѣненій;
- b) Отношенія къ нему языковъ Славянскаго происхожденія, прежде успановившихся и получившихъ постоянныя формы, а именно: Церковнаго, Богемскаго и Польскаго;
- c) Отношенія къ тому же языку Россійскому нарѣчій обласныхъ, преимущественно Липовско-Рускаго и Юго-Русскаго (Малороссійскаго);
- d) Съ котораго времени и по какимъ причинамъ начали входить въ языкъ Россійскій слова и обороты Нѣмецкіе, Монгольскіе, Татарскіе, Греческіе, Латынскіе, Французскіе, Голландскіе и нѣкоторыя другіе;

е) Въ какихъ письменныхъ памятникахъ сохранился языкъ Велико-Россійскій (ибо объ немъ идееть рѣчь); какія причины препятствовали ему образоваться ранѣе; при какихъ обстоятельствахъ сдѣлался гражданскимъ или книжнымъ, и когда наконецъ являешся онъ краснорѣчивымъ, въ полномъ значеніи слова;

г) Исторію Грамматики, Лексикографіи, Синонимики и Фразеологій.

II. По части *Краснорѣчія* въ родахъ сочиненій прозаическихъ, пребудетъ чшобы:

а) Исчислены были систематическія учебныя книги, содѣйствовавшія образованію Россіянъ въ искусствѣ слога;

б) Чшобы раскрыты были теоріи древнихъ Римлянъ, которыя усвоивались нашими Писателями посредственно или непосредственно;

с) Чшобы по сравнительномъ соображеніи Руководствъ, представлень былъ результатъ касательно успѣховъ и настоящаго состоянія въ нашемъ Отечествѣ, какъ Науки о слога, такъ и самаго Краснорѣчія.

III. По части Стихотворства означить:

а) Характеръ Велико-Россійскихъ стихотвореній того времени, когда сочинители не подчинялись правиламъ и не знали, что оныя существуютъ;

б) Авторствъ, которыми руководствовались Россійскіе Стихотворцы, начиная съ того времени, когда стали они упражняться въ изученіи образцовъ и правилъ;

с) Теоріи Стихотворства и учебныя книги, коюры если не творили Поэты (Poetae nascuntur), то по крайней мѣрѣ содѣйствовали образованію

ума и вкуса въ людяхъ благовоспитанныхъ; здѣсь равнымъ образомъ нужно сдѣлать сравненіе между системами и вывести результатъ, подобный упомянутому выше по предмету Краснорѣчія въ родахъ сочиненій прозаическихъ.

IV. Представивъ, въ видѣ конспекта, планъ преподаванія, такимъ образомъ, чѣмъбы пребуемые Уставомъ Университета предметы, изложены были въ связи и порядкѣ единства, свойственнаго одной общей Наукѣ, заключающей въ себѣ правила о Россійскомъ Языкѣ, Краснорѣчіи и Спихошворствѣ.»

Сочиненіе должно быть написано на Россійскомъ языкѣ и представлено въ Совѣтъ Московскаго Университета въ концѣ Іюня мѣсяца 1831 года.»

Явно, что Университетъ даетъ теперь другое значеніе Капедры, о которой идетъ дѣло, нежели какое имѣла она прежде. И это совершенно справедливо! Покойный *А. Θ. Мерзляковъ*, любившій отъ избытка сердца излщное, оставлялъ сухое изученіе отечественнаго языка въ спихійныхъ началахъ, грамматическомъ строеніи и филологической гармоніи съ прочими языками, дабы заниматься правилами и условіями его искусственной обработки, въ наспоющемъ уже соспоаніи. Посему онъ начиналъ свои уроки *Общего Теорію Излщной Словесности* и оканчивалъ приложеніемъ ея къ произведеніямъ отечественной Поэзіи и отечественнаго Краснорѣчія. Такъ соспавлены и учебныя книги, имѣ издаанныя. Но отдавая полную справедливостъ усердію благороднаго мужа, нельзя не сознаваться, что оно простиралось за предѣлы Капедры, имѣ занимаемой. *Теорія Излщной Словесности* не должна была и не можетъ принадлежать къ ней. Университетъ имѣетъ особую Капедру *Теоріи Излщныхъ*

Искусствъ, коей она составляетъ часть существенную и необходимую. Тамъ должна преподаваться она, подъ сѣнью *Общей Теоріи Изычнаго*, вмѣстѣ съ *Теоріями* другихъ *Искусствъ*, составляющихъ съ нею одно семейство. Кафедра *Русской Словесности* должна напропивъ имѣть *практическое* значеніе. Она должна заниматься именно и исключительно *Русскими языками*, въ его такъ сказать, національной *особности*, почто такъ же, какъ кафедры Греческой, Латинской, Нѣмецкой, Французской и другихъ Литературъ, входящихъ въ составъ Университетскаго ученія. Она должна ограничиваться показаніемъ условій, подъ копорыми возможно изычное образованіе *Языка Русскаго*; должна, такъ сказать, разобрать и приготовить массу, долженствующую опливаться въ изычныя произведенія, по манію генія. Не ея дѣло проникать во внутреннія тайны творческаго дѣйствования: она удовлетворитъ вполне своему назначенію и тогда, когда обнажитъ сокровенныя пружины, которыми держится механизмъ языка, и откроетъ ключъ, коимъ должно заводить ихъ, для игры стройной и звуковой, сообразно требованіямъ искусства. Поприще весьма обширное и трудное! Программа, данная Университетомъ, вполне обнимаетъ оное.

Остаемся только пожелать, чпобы между нашими соотечественниками нашлись искатели. Это будущее состязаніе благородное, которое принесетъ истинную честь *Русскому* просвѣщенію!...

— *Публичный курсъ Общей Физики, объявленный въ С. П. Бурѣ Д. Велланскимъ.*—Знаменитый нашъ Академикъ и Профессоръ, *Д. Велланскій*, коему первому обязаны мы знакомствомъ съ идеями Натуральной Философій,

объявляеть нынѣ публичное чпеніе *Общей Физики*, для Петербургскихъ любителей изученія природы. Изъ программы, напечатанной подъ именемъ *Конспекта главныхъ содержаній Общей Физики* (С. П. Б. 1830), видно, что сіе чпеніе имѣеть цѣлю представити науку природы въ такомъ духѣ и съ такой точки зрѣнія, съ какой она не была еще у насъ представляема. По плану преподавателя, она будетъ состоятъ изъ прехъ частей: а) *Стихіологіи*, б) *Геологіи* и в) *Космологіи*. *Стихіологія* принимаетъ на себя представленіе *стихійныхъ дѣятельныхъ формъ физическаго міра*. »Всемирная стихія неорганической природы естъ *огонь*, состоящій изъ *свѣта*, *горящей матеріи* и *теплоты*, кои посему представляють весь физическій міръ, въ дѣятельной элементарной формѣ. Всѣ видимыя и осязательныя вещества произошли опъ *огня*, и суть не что другое, какъ *огонь*, образовавшійся въ опредѣленныя формы бытія, соотвѣтствующія эфирно - дѣятельнымъ видамъ онаго. Ихъ посему также при вида, составляющие особый міръ солнечной системы: *воздухъ* (свѣтъ), *земля* (матерія), *вода* (теплота). По сему *огонь* естъ единственнѣй предметъ *Общей Физики* неорганическаго міра: и всѣ частныя физическія изслѣдованія имѣють своимъ предметомъ различные только виды преобразованнаго *огня*.« Въ сихъ частныхъ изслѣдованіяхъ — *свѣтъ* будетъ представленъ не по ложнымъ понятіямъ атомистической физики, хотя онѣ и освящены именами *Ньютона* и *Эйлера*, но въ своей біологической неvěщественности, «какъ предметъ высшаго умозрѣнія, который въ чувственной области опытовъ и сужденій постигнуть бытъ не можетъ;» *матерія*

напроптивъ введется безъ всякаго ограниченія въ предѣлы опытноспи, чрезъ оспавленіе за нею *въсомости*, какъ безусловнаго ея качества, и чрезъ опреченіе дѣйспвительнаго бытія у пакъ называемыхъ *не взвѣшиваемыхъ веществъ* (*imponderabilia*); наконецъ *теплота* признается не жидкою и упругою матеріею, каковою предспавляется въ слѣдствіе чувспвеннаго обмана, а дѣятельнымъ состояніемъ вещи, находящейся въ особомъ кругѣ опдѣльнаго пребыванія. «*Геологія*, у Г. Велланскаго, предспавляетъ себѣ указаніе явленій тѣхъ же всемірныхъ дѣйспвій *въ элементныхъ земнаго міра*, гдѣ они обнаруживаются подъ шремъ же особыми видами, кои суть: *электризмъ* (свѣтъ), *магнитизмъ* (тяжестъ или матерія) и *хилизмъ* (теплота—единство свѣта и тяжести). «*Электризмъ* есть дѣйспвіе тѣлѣ, состоящее въ напряженіи къ соединенію общаго съ частнымъ, находящихся въ опдѣльномъ положеніи, Собспвенный органъ элекприческаго дѣйспвія есть *воздухъ*.» Вопреки эмпирическимъ физикамъ, признающимъ элекприческія явленія вещеспвенными, по понятіямъ *Франклина* или *Зиммера*, новая Физика общается изъяснить ихъ настоящимъ образомъ «изъ умозрительныхъ понятій образовательнаго дѣйспвія природы.» «*Магнитизмъ* есть дѣятельность физическаго міра, подобная элекприческому, но въ пропвиуцоложномъ направленіи ихъ процесса: ибо въ немъ тѣ же силы, кои въ *электризмъ* спремятся къ соединенію, будучи уже соединены, напрягаются къ раздѣленію. Собспвенный органъ магнитнаго дѣйспвія есть *жельзо*, крѣпчайшее изъ всѣхъ металловъ, и посему *магнитизмъ* происходитъ въ *земль*. Его явленія въ *компасной стрѣлкѣ* показываютъ состояніе всего земнаго шара.

Не смотря на то, что «магнитное явление проще электрическаго» и доступнѣе опыту, *Г. Велланскій*, при свѣдѣніи умозрѣнія, общаесть глубже проникнуть въ источникъ онаго, до котораго эмпирическимъ физикамъ никогда не удастся достигнуть.» *Химизмъ* есть совокупность магнетизма съ электризмомъ, которые въ *химизмъ* достигаютъ послѣдней степени ихъ усилія и оканчиваются химическимъ процессомъ, производящимъ качественное измѣненіе веществъ. Разложеніе и соединеніе пѣтъ однихъ другими производятся *химическими сродствами* (*affinitas chemica*), которое также недоступно для эмпирической физики, какъ и для химіи. Следуя своей идѣе, *Г. Велланскій*, предполагаетъ показатъ, что четыре элемента химическаго процесса: *кислотворъ, водотворъ, угольное вещество и азотъ*, суть электрическіе и два магнитные полюса, представленныя въ вещественныхъ органахъ дѣятельности, изъ коихъ составленъ металлъ. Соединеніе *электризма съ химизмомъ и магнетизмомъ* при взаимномъ способствованіи и зависимости между ними, есть *гальванизмъ*, въ коемъ электрискій и химическій процессы обнаруживаются явственно, и коего дѣйствіе посему есть электро-химическій процессъ. Такъ называемый *электро-магнетизмъ*, составляющій важнѣйшее физическое открытіе послѣдняго времени, представляетъ полярную противоположность *гальванизму*. Изъ наблюденія надъ *электро-магнитными* явленіями объясняется все содержаніе гальваническаго процесса, который равенъ процессу цѣлаго земнаго шара, дѣйствующаго, какъ огромная *гальваническая цѣпь*, составленная изъ различныхъ твердыхъ шолщъ и воды. Ими также подтверждается положеніе *Стеффенса*, что центральное ядро земли

есть металлическое, по которому земной шаръ **есть** болѣе, общемірный *магнитъ*. *Вода* и *металлы* суть первоначальныя вещества земной планеты. Изъ *химическаго* соединенія и разложенія *воды* съ *металлами* произошли *земля* и *воздухъ*, два полюса общемірнаго *магнита*. *Земный* элементъ есть *угольное вещество* (carbonium), которое въ числѣйшемъ его видѣ составляетъ *алмазъ*; а большая и основная часть *воздуха* состоитъ изъ *азота*, котораго числѣйшій видъ есть *селитретворъ* (nitricum). *Алмазъ* и *селитретворъ* суть посеу полюсы *металла*.» «Ископаемыя тѣла образовались изъ *металла*, составляющаго основное ядро планеты, и изъ *воды*, , покрывавшей сначала всю поверхность земли.» Не соглашаясь съ односторонними теоріями *Нептунистовъ* и *Вулканистовъ*, *Г. Велланскій*, вѣрный своимъ началамъ и предположеннымъ понятиямъ, хочетъ показать, что «земля въ началѣ своемъ образовалась тѣми же силами жизненной дѣятельности, по которымъ существуетъ она и въ нынѣшнемъ ея состояніи.» Третьей частью или *Космологіи*, въ новомъ курсѣ *Общей Физики*, предоставляется теоретическое объясненіе «*небесныхъ тѣлъ*, которыя должны быть одного начала и одинакой сущности съ земными.» *Г. Велланскій* и въ ней предполагаетъ возвыситься далѣе математико-механической *Физики* и эмпирической *астрономіи*, которая, при всей должной признательности къ ея наблюденіямъ, открывшімъ и вычисленіямъ, «не можетъ проникнуть въ качественное положеніе небесныхъ тѣлъ и видѣтъ органическое происхожденіе оныхъ и внутреннюю связь солнечной системы міра.» Прежніе *Астрономы* «не знали, на чемъ основывается различіе планетъ, касаемо разстоянія оныхъ отъ солнца, болѣе или

мѣшей эксцентраціи на своихъ орбитахъ, величины и плопности ихъ полицъ (massa). О происхожденіи, со-
стояніи и различномъ числѣ спутниковъ планетъ не
было никакихъ основательныхъ положеній, ни правдо-
подобныхъ догадокъ. Кометы были только предме-
томъ удивленія и страха! Собственное значеніе оныхъ
оставалось совершенно неизвѣстнымъ. На чемъ осно-
ванъ только длинный, необходимый путь ихъ печенія?
Что означаетъ особый, свойственный имъ свѣтъ,
проспирающійся въ хвостъ на нѣсколько миллионовъ
миль? И почему бы однѣ кометы являлись нѣсколько
разъ въ нашей солнечной системѣ; а другія никогда не
возвращаются въ оную? На сіи вопросы, до нынѣ пода-
вавшіе поводъ только къ недоспапчнымъ догадкамъ,
новая Физика обязана отвѣчать удовлетворительно.

Сколько пріятныхъ чувствованій должны возбуж-
дать сіи обещанія въ сердцахъ истинно патріоти-
ческихъ! Дай Богъ совершить Русскому сей великій
подвигъ, къ чести и славѣ ума Русскаго! На слово по-
чтеннаго пворца *Біологическаго Изслѣдованія Природы*,
кажется, положиться можно!.. Завидуемъ Петербург-
скимъ жителямъ, которые будутъ имѣть удовольствіе
слушать сей пдвый куръ, столь много обещаю-
щій. Только для совершенной пользы ихъ желаемъ,
чтобы изложеніе его было столько же ясно, сколько
начала глубоки и взгляды возвышенны.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлены были
въ Ценсурный Комитетъ три экземпляра. Москва,
Февраля 1-го 1831 года.

Ценсоръ Сергій Аксаковъ.

THE NEW YORK
PUBLIC LIBRARY

ASTOR, LENOX AND
TILDEN FOUNDATIONS

ок. 1831 г.

